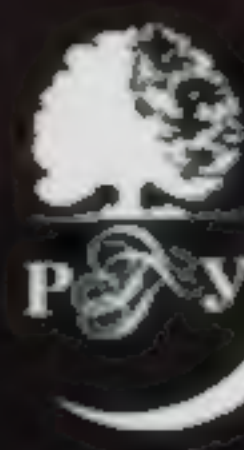

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНТОВ РГГУ

ЭТНОЛОГИЯ
ФОЛЬКЛОРИСТИКА
ЛИНГВИСТИКА

Выпуск X

Министерство
России

Образование
Исследования

«Российская
гуманитарная академия»

Отдел

ПОЛЕВЫЕ

СТУД

Э
ФОЛ

ЛИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(РГГУ)

Учебное управление

Отдел производственной практики

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНТОВ РГГУ

ЭТНОЛОГИЯ
ФОЛЬКЛОРИСТИКА
ЛИНГВИСТИКА

Выпуск X

Москва 2015

УДК 39 (08)
ББК 63.5я43
П49

Отв. редактор Е.И. Пивовар

Редакционная коллегия:

П.М. Аркадьев, О.А. Казакевич, В.Л. Кляус, Н.А. Козлова,
Ю.А. Ландер, Е.В. Левкиевская, А.Б. Мороз, Ю.В. Филиппов

П49 Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология, фольклористика, лингвистика. Вып. X. М.: РГГУ, 2015, 258 с.
ISBN 978-5-7281-1779-7

Сборник содержит материалы и статьи преподавателей и студентов Российского государственного гуманитарного университета по итогам ежегодной научной студенческой конференции, прошедшей в рамках «Гуманитарных чтений РГГУ–2015», посвященной этнологическим, фольклорно-этнографическим и религиоведческим полевым исследованиям студентов РГГУ в Архангельской, Вологодской, Рязанской и Саратовской областях, в Красноярском и Забайкальском краях, в Республике Адыгея и Санкт-Петербурге в 2013-2015 гг.

УДК 39 (08)
ББК 63.5я43

ISBN 978-5-7281-1779-7

© Коллектив авторов, 2015
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Студенческие экспедиции РГГУ

7

УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Кляус В.Л. Полевые исследования студентов и магистрантов
УНЦСА РГГУ в 2013—2015 гг.

9

Мальцева А.О. Похоронно-поминальная обрядность в селах
бывшей Донинской станицы Забайкальского казачьего
войска

10

Попова М.П. Казачество в Калганском районе Забайкальского
края: история и современное состояние

26

Острогская А.А. Экспедиция к китайским русским в городском
округе Эргуна Северной Маньчжурии. Заметки на полях
дневника

32

Анисимова А.П. О молодежной среде г. Касимова

45

Крюкова Н.В. Некоторые аспекты конструирования смысла
жизни и жизненных ценностей в актуальном армянском
дискурсе (Первичный анализ материалов двух экспедиций
в Армению)

53

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ИСТОРИИ

Мороз А.Б. Как зовут лешего

68

Стрельцова Е.П. К семантике слова "шалыган". По материалам
экспедиций ИФИ на юге Архангельской области

70

Кухтина В.А. Пронимание через ивину как лечебная практика в Вельском районе 78

Савина Н.А. Заговоры в народном огородничестве на юге Архангельской области 85

Гардер М.О. Статус и авторитет *знающего*: опыт экспедиции в село Верхнеустькулой 94

УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ТИПОЛОГИИ И СЕМИОТИКИ ФОЛЬКЛОРА

Левкиевская Е.Е. Актуальные демонологические представления в украинском анклаве Саратовской области 102

Чернова М.А., Лапина А.А. Народная медицина в Самойловском р-на Саратовской области (По следам этнолингвистической экспедиции 2015 г.) 113

ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Филиппов Ю.В. Лингвокультурный подход к изучению культурных практик: экскурсия как средство освоения пространства и времени 121

Романова А.Ф. Образ блокадного Ленинграда в творчестве Ольги Берггольц: концепция экскурсии 145

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ

Казакевич О.А. Туруханские селькупы и совреченские эвенки: лингвистические бриллианты на фоне постепенной утраты языка 151

Егорова М.А. К проблеме выбора методики преподавания малого языка 159

78	Филатова В.О. Антропология времени в тайге: опыт междисциплинарного исследования стратегий поведения селькупов	169
85	Ландер Ю.А., Аркадьев П.М., Мороз Г.А. Об исследовании бжедугского диалекта адыгейского языка	183
94	Кувшинова Е.В. Директивный преверб в «инверсивной функции» в бжедугском диалекте адыгейского языка	202
	Саркисов И.В. Особенности некоторых показателей сочинения в бжедугском диалекте адыгейского языка	221
102	Тюренкова М.А. Категория неотторжимой принадлежности в бжедугском диалекте адыгейского языка	230
113	Повалихина Е.Е. Ударные гласные неверхнего подъема после палатализованных согласных (на материале говора Бабушкинского района Вологодской области)	246
	Сведения об авторах	256

Оргкомитет
научной конференции
«Полевые исследования студентов РГГУ»
(по итогам фольклорно-этнографических, этнологических,
лингвистических практик 2013/2014 уч. г.)

Председатель: А.Б. Безбородов

Члены оргкомитета:

П.М. Аркадьев, О.А. Казакевич,
Н.А. Козлова (зампредседателя), В.Л. Кляус, Е.Е. Левкиевская,
А.Б. Мороз, Л.Н. Солянкина

Ответственный секретарь: Л.А. Бахарева

Студенческие экспедиции РГГУ

Очередной сборник «Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология, фольклористика, лингвистика» включает статьи студентов и магистрантов Российского государственного гуманитарного университета, написанных по итогам этнологических, фольклорно-этнографических и лингвистических практик 2013/2014уч.г., проводимых в рамках экспедиционных исследований по проектам, руководимым преподавателями РГГУ.

Раздел Учебно-научного центра социальной антропологии, составленный В.Л. Кляусом, содержит статьи студентов и магистрантов, проходивших практику в селах Восточного Забайкалья, проводивших исследования в Рязанской области, в Китае и Армении. Тематика статей разнообразна — история казачества и поминально-похоронные традиции сел Восточного Забайкалья, жизнь молодежи г. Касимова, фольклор китайских русских городского округа Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия КНР, изучение смысла жизни и ценностных ориентаций жителей Армении.

Институт филологии и истории (раздел составлен А.Б. Морозом) традиционно знакомит читателей с народными традициями, ритуально-мифологическими обрядами населения северо-русских деревень в Вельском районе Архангельской области.

Две статьи по верованиям украинцев Саратовской области написаны по итогам экспедиции в этот регион Учебно-научного центра семиотики и типологии фольклора (под руководством Е.Е. Левкиевской).

Раздел Отделения социокультурных исследований открывается методологически важной статьей Ю.В. Филиппова, посвященной лингвокультурному подходу к изучению культуры. Она во многом объясняет те подходы, которые применяются автором при организации полевых исследований студентов Отделения социокультурных исследований. В настоящем сборнике представлена статья студентки данного отделения, посвященная концепции экскурсии по Санкт-Петербургу, в основе которой представлен образ Ленинграда в поэзии Ольги Бергольц.

Институт лингвистики представлен результатами работы трех экспедиций.

Экспедиция в Красноярский край (под руководством О.А. Казакевич) исследовала вопросы функционирования языка у туруханских селькупов и современных эвенков. Результатами экспедиции стали студенческие работы, посвященные предложениям по преподаванию малого языка и селькупским представлениям о времени.

Студенты, принимавшие участие в экспедиции под руководством П.М. Аркадьева и Ю.А. Ландера в Адыгею, представили материалы о бжедугском диалекте адыгейского языка.

В сборник включена также статья студентки, принимавшей участие в диалектологической экспедиции в Вологодской области (руководитель И.И. Исаев).

Статьи студентов и магистрантов РГГУ, включенные в настоящий сборник, в полной мере показывают их включенность в полевую научно-исследовательскую работу, которая дала им возможность использовать на практике полученные во время обучения теоретические знания, позволила прикоснуться к реалиям жизни, встретиться лицом к лицу со своими героями — носителями культурных традиций и языков.

УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В.Л. Кляус

Полевые исследования студентов и магистрантов Учебно-научного центра социальной антропологии в 2013—2015 гг.

Для студентов и магистрантов Учебно-научного центра социальной антропологии полевые исследования уже давно вышли за рамки этнологических практик, хотя для многих они остаются первой и во многом единственной возможностью использовать теоретические знания, полученные на лекциях и семинарах. Так сложилось, что многие студенты и магистранты привлекаются преподавателями УНЦСА для проведения серьезных этнологических исследований, в том числе и в рамках грантовых проектов.

Настоящий раздел сборника в полной мере отражает данное положение дел. В нем представлено 5 статей. Две первых из них написаны по результатам экспедиционных исследований в Забайкальский край, которые были организованы в рамках этнологической практики: статья А.О. Мальцевой «Похоронно-поминальная обрядность в селах бывшей Донинской станицы Забайкальского казачьего войска» (2013) и М.П. Поповой «Казачество в Калганском районе Забайкальского края: история и современное состояние» (2014). Остальные статьи — результат участия студентов и магистрантов в исследовательских проектах, руководимых преподавателями УНЦСА. Статья А.А. Острогской «Экспедиция к китайским русским в городском округе Эргуна Северной Маньчжурии. Заметки на полях дневника» написана по итогам исследований автора в Китае в 2014 г. под руководством В.Л. Кляуса, которые стали основой защищенной ею в декабре 2015 г. магистерской диссертации. Статья А.П. Анисимовой «О молодежной среде г. Касимова» — результат полевой работы в г. Касимове, проведенной под руководством Н.А. Антроповой (2015). Статья Н.В. Крюковой «Некоторые аспекты конструирования смысла жизни и жизненных ценностей в актуальном армянском дискурсе (Первичный анализ материалов двух полевых экспедиций в Армению 2015-2016 гг.)» была написана по итогам полевых исследований в Армении под руководством О.Ю. Артемовой, она является результатом работы автора в рамках проекта РГНФ «Конструирование смысла жизни: реальность и ее восприятие в России и сопредельных странах (социаль-

но-антропологическое исследование)» и собственных изысканий в процессе работы над магистерской диссертацией.

Включенность студентов и магистрантов в большие исследовательские проекты позволяет определить им свой дальнейший путь в профессии, а полученный опыт полевой работы пригодиться им не только в науке, но и в жизни.

А.О. Мальцева

Похоронно-поминальная обрядность в селах бывшей Донинской станицы Забайкальского казачьего войска

В 2013 году в рамках этнологической практики студентов ЦСА под руководством д.фил.н., проф. РГГУ В.Л. Кляуса мы побывали в Забайкальском крае в трех села: Шара, Шаракан и Доно. В ходе полевого исследования нами были изучены разные сферы жизни и деятельности местных жителей, охота, кулинария, свадебная и похоронная обрядность, антропология детства и родильные обряды, фольклорные традиции. —

Три села Доно, Шара и Шаракан в прошлом, до 1920-х гг., входили в состав Донинской станицы Забайкальского казачьего войска, но сегодня они административно разделены. Села Шара и Шаракан относятся к Александрово-Заводскому району, село Доно — к Калганскому. Такое разделение повлияло на современное состояние поселений. Калганский район как таковой является более благополучным в экономическом и социальном отношении нежели, Александрово-Заводский, в результате и жизнь в селах поддерживается на разных уровнях.

Первое село, которое мы посетили — Шара. Приехали поздно ночью, дорога была не то чтобы тяжелая, но долгая. За окнами были сплошные просторы, ни одного фонаря вдоль дороги, даже закрадывались мысли о том, как здесь может кто-то жить, так далеко. Поселили нас в здании, в котором раньше был клуб. Света там не было, очень долго просили сделать, но всё было не до этого, а как узнали, что приезжают в село из Москвы, тут же починили (на эти действия можно посмотреть с двух сторон, первая — забота жителей о приезжих, а вторая: представления местных, что мы «дружим» с властями и даже с самим Путиным, так как не раз нас просили рассказать ему как они тут живут и справляются).

При свете дня село создает грустное впечатление, маленькие дома, часть разрушена полностью, часть ещё нет, но вот-вот развалится. Когда смотришь на то, что в каких условиях люди живут, ощущаешь некоторую неловкость, не покидает чувство несправедливости. Находясь в Шаре, в голове невольно возникал вопрос «зачем?». Первый вопрос «зачем» более масштабный — зачем такая большая страна, если государство не заботится о населении, понятно, что большие территории — это ресурсы, которые всегда были очень ценны, но разве не должны ресурсы, добываемые на территории страны помогать и улучшать жизнь людей эту страну населяющих? Второй вопрос «зачем» немного меньше — зачем люди здесь остаются. И здесь тоже вроде бы всё ясно, родные места, свой дом, свой скот, память, привычка. Не нужно думать, что молодёжь, дочери и сыновья уехали и забыли про своих стариков, нам неоднократно говорили, что родственники просят уехать вместе с ними в город и жить там, но шаринцы не соглашаются, да и не только шаринцы, но и жители других сел. Но всё равно, несмотря на то, что всем обстоятельствам можно найти какое-то рациональное объяснение, вопрос «зачем» продолжает тревожить.

Село Шара вгоняет в депрессию, несмотря на то, что все люди улыбки и отзывчивы, горький осадок на душе остается, в воздухе как будто витает неизбежный конец Шары, когда в домах больше никого не останется.

В 1989 г. в селе Шара насчитывалось около 500 домов, в 2002 г. — около 300. По данным переписи 2010 годы в Шаре проживает 52 мужчин и 60 женщины (всего 112 человек), в селе Шаракан 30 мужчин и 28 женщин (всего 58)¹. На момент пребывания нашей группы (2013 год) число жителей Шары и Шаракана было и того меньше.

Село Шаракан было основано в 1770 году. Шара — предположительно после отмены крепостного права, изначально в нем жило не более 12—13 семей. Располагалось оно чуть восточнее нынешнего положения Шары, но примерно в 1875 году произошел пожар и село полностью сгорело. После этого трагического события жители отстроили новую Шару.

В настоящее время состояние сёл Шара и Шаракан не внушают надежды. Вся молодёжь уехала в города. Работы в сёлах нет, поэтому большая часть населения спивается, магазины есть частные, которые поддерживаются стараниями жителей, плюс собственное хозяйство, куры, коровы и т.д. На момент исследования в 2013 году в Шаракане проживал всего один ребёнок, и именно поэтому в Шаракане школа еще работала, в отличие от Шары.

¹Всероссийская перепись населения 2010 года. Численность населения Забайкальского края по городским округам, муниципальным районам, городским и сельским поселениям, городским населённым пунктам, сельским населённым пунктам.

Но при этом стоит отметить, что в поселках сохранился объединенный народный песенный ансамбль, который на одном из конкурсов в Чите занял первое место. Местные рассказывали, что раньше к ним приезжали из других сёл, проводились песенные встречи, но сейчас уже некому ездить. Раньше женщины собирались петь в местной школе, но теперь здание школы закрыли, так как дорого отапливать и незачем, всё равно там никто не учится.

Также, каждое 9 мая шаринцы и шараканцы устраивают концерты и митинги, организуются и другие праздники — дни молодежи, дни пожилого человека, Масленица и проч. Проводят их работники домов культуры, единственных учреждений, где хоть как-то еще теплится общественная жизнь.

В отличие от Шары и Шаракана дела в селе Доно обстоят лучше. Жизнь в селе Доно более устроена, можно даже сказать относительно перспективная. Работают несколько магазинов, почта, возводится здание нового клуба.

Село Доно¹ расположено на реке Донинская Борзя. С 1850 по 1917 оно было центром Донинской станицы Забайкальского казачьего войска. Первое упоминание о селе датируется 1745 годом, и связано оно с открытием Донинского Никольского прииска. Известно также, что в 1809 году сюда было сослано 20 уральских казаков-староверов.²

Интересным оказался факт, что в Доно сохранилась информация, по которой создание села датируется еще более ранней датой — в 1652 году.³

Согласно переписи 2010 г. в селе Доно жило 402 мужчины и 398 женщин (всего 800). На момент нашего пребывания численность населения была приблизительно такая же⁴.

Сейчас в селе функционирует средняя школа, здание которой было построено в 1989 году. В дни нашего пребывания в ней менялись окна, ставились современные стеклопакеты, и перекрывалась крыша.

В селе есть действующий Свято-Никольский храм, принадлежащий Русской православной старообрядческой церкви. Он был построен в середине XIX века, изначально его освятили как единоверческий, но в 1918 году был переос-

¹Название происходит от эвенкийского слова «дон», что означает «внутреннее пространство», также существуют версии, что Доно означает «данное богом».

²Кляус В.Л. "Русское Трехречье" Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры, — М.: ИМЛИ РАН, 2015. С.192.

³Запись: Рахманов Пётр Забайкальский край, Калганский район, с. Доно. Респонденты: Козлов Николай Прокопьевич и Горлов Виктор Минеевич. Запись в доме Козлова Н.П. Реестр составлен Рахмановым П. gakhmanov130706-01.

⁴Всероссийская перепись населения 2010 года. Численность населения Забайкальского края по городским округам, муниципальным районам, городским и сельским поселениям, городским населённым пунктам, сельским населённым пунктам.

единенный
Чите занял
из других
ть. Раньше
ы закрыли.
ерты и ми-
пожилого
ы, единст-
нь.
е. Жизнь в
спективная
Ба.
о 1917 оно
ка. Первое
ием Донин-
было сосла-
ция, по ко-
ду.³
98 женщи
была при-
й было по-
а, ставилис-
жащий Рус-
редине XIX
был переос-

вящен в старообрядческий Белокриницкого согласия святителем Иосифом (Ан-
типиным). Первым священником был Козьма Олейников.

Православный храм в Доно был закрыт в 1939 г., а разрушен в годы вой-
ны, точнее — разобран на дрова¹. Старообрядческую церковь донинцам уда-
лось отстоять. Рассказывают, что верующие организовали дежурство и посто-
янно охраняли ее. Сегодня Свято-Никольская церковь является действующей.

Сейчас старообрядческий приход Доно очень маленький, поэтому посто-
янно священника нет. Священники приезжают на Пасху и Рождество из других
старообрядческих приходов, даже из Приморского края.

В церковь донинцы практически не ходят, объясняя это в некоторых слу-
чаях удаленность от дома. Одна их респондентов сообщила, что будь церковь
поближе к её дому, то она обязательно бы сходила, а так далеко идти.² Что уж
говорить о жителях Шары и Шаракана, которые расположены почти в двадцати
километрах по прямой проселочной дороге (в объезд, по трассе — более три-
дцати). Вдобавок ко всему исторические события, пропаганда советской идео-
логии, отстранение людей от церкви оставили свой отпечаток на духовной тра-
диции. Вопросы отношения жителей Донинской станицы к религии и духовно-
му наследию так же рассматривает Д.А. Брилев в своей статье, написанной по
материалам полевых исследований 2013 года в указанном регионе.³

Темой моего полевого исследования была похоронно-поминальная об-
рядность.

Погребальный обряд как один из наиболее древнейших обрядовых ком-
плексов, связанный с обеспечением умершему, посредством ритуальных дейст-
вий, выполняемых живыми, перехода в загробный мир, благополучия в «потус-
тороннем» мире.

В поселениях бывшей Донинской станицы находятся четыре кладбища,
два из которых в Доно (одно православное, другое старообрядческое). Струк-

¹ Калганский район, село Доно историческая справка
http://xn--80aai0ag.xn--80aaaac8algcbgbck3fl0q.xn--plai/selskoe_poselenie_donovskoe/istoricheskaya_spravka.html.

² Запись: Волкова А.Н., Мальцева А.О. Респондент: Кучеренко (Бражникова) Екатерина Петровна, 1930 г.р., липецкая область, Трифонова Светлана Кирилловна, село Доно. Село Доно, Калганский район, Забайкальский край. Запись в доме Екатерины Петровны. volkova130705 — 01.

³ Брилев Д.А. К религиозной ситуации в бывшей Донинской станице забайкальского казачьего войска (по материалам полевых исследований 2013 г.) // Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. Вып. IX. М.: РГГУ, 2014. С. 50.

турно все кладбища похожи друг на друга, отличительной чертой можно назвать кресты на могилах старообрядцев, на которых присутствовала своего рода «крыша».

Когда человек умирает, принято закрывать зеркала в доме. Покойный три дня дома лежит, две ночи, а третьи сутки уже хоронят.

Фото А.О. Мальцевой

На кладбище в Шаре мы видели на могилах тазики, которые были продырявлены по середине. Спросив о них у одной нашей респондентки, А.М. Мигуевой, мы услышали следующее: «Так это ритуал какой-то. Когда хоронят, миску обязательно прокалывают, и когда в могилу закопают, то миску ложат. <...> Да любые миски, хоть эмалированная, хоть алюминиевая, какая будет миска. Бывают и ведра небольшие, тазики — у кого что есть. Это видимо испокон веков было, да, всё время так. Потому что, когда умирают, чтобы запаха-то не было, миску эту ложат под гроб и туда известь нужно, чтобы запахов не было. Потом её уносят, миску эту, и там прокалывают, потому что целую миску могут и утащить, а её возьмут, проколют, и она там остаётся».¹

¹ Запись: Волкова А., Мальцева А. Село Шара, Александрово-Заводской район, Забайкальский край Респонденты: Анна Михайловна Мигуева (Богданова) 1939 г.р., Альбина

Перед гробом кидают еловые ветки либо цветы, но обязательно колючие для того, «чтобы ну болезни все с собой уносил. <...> Ну, вообще вот что бросают. Кто-то бросает розы где-то, да. За покойником обязательно надо. Кто-то ёлки, кто-то что-то. Но только чтобы колючее было», цветы складывают уже потом на саму могилу, в гроб не принято ничего кидать «И вот впереди гроба бросают вот эти ветки».¹

Умершего обязательно моют и хоронят в новой одежде и новой обуви, «которая земли не касалась», в гроб ничего не кладут, так как считается, что на том свете человеку ничего не нужно из земных вещей.

Гроб заранее готовить не принято, существуют различия между похоронами старообрядцев, так последних хоронят не в новой одежде, а в саване: «В чем хоронили? Ну, одежду за время готовят. Вот у нас у мамы было все приготовлено. Вся одежда от и до готова. Страшно, конечно. Все лежит, потом летом сушат. <...> В саване вот я знаю, что хоронят. Бабку у нас хоронили в саване и веревочками завязывали».²

Уже на самом кладбище, опуская гроб в землю, кидают три горсти земли, лопаткой либо же руками, кланяются на могилке, ладони складывают вместе и опускаются на колени.

— А сколько раз такие поклоны нужно сделать? (соб.)

— Можно три поклона сделать. Когда прощаются, ведь три поклона делают у гроба. Три поклона. За гроб берётесь. Хочешь за гроб, а кто свои, целуют. А посторонний берётся за гроб, и три поклона делает. Погребать начинает, три лопатки кинуть надо. (Д.К.)

— Три лопатки надо? (соб.)

— А нет лопаток — возмёшь просто пригоршню, кинешь. <...> Когда вымоют, его сразу в могилу к гробу спустят, маленько земли засыпят и туда спускают (Д.К.).³

Цветы не принято бросать в могилу: «В могилу цветы никогда не бросают. Если вот наносят цветы там это, их так оставляют. Потом выкладывают могилку там».¹

Раиса Ивановна Богданова (Мигуева) 1931 г.р. Запись в доме Анны Михайловны Maltseva130628-03

¹Запись: Остапчук А. С., Алешина А. В. с. Доно, Калганский район, Забайкальский край
Респондент: Лидия Васильевна Козлова, с. Доно, Калганский район, Забайкалье, 1929 г.р.
Присутствующие: Кошечкина Галина Алексеевна, с. Доно, Калганский район, Забайкалье, 1955 г.р., Власова Наталья Ивановна
Запись: в доме Л. В. Козловой Ostapchuk130704-01.

²Запись: Брилев Д. С. Доно, Калганский район, Забайкальский край
Запись на территории церкви brilev130706-02.

³Запись: Кляус В.Л., Волкова А.Н., Мальцева А.О. Село Доно, Калганский район, Забайкальский край.
Респондент — Козлова Дионида Степановна, село Доно, 1935 г.р. Запись в доме volkova130708-01.

Отношение к расположению креста на могиле покойного различное. Так два респондента в селе Доно дали разную информацию: Евдокия Тимофеевна сказала, что крест должен «у головы стоять»², но, к сожалению, никак не прокомментировала, почему именно у головы, а вот К.Н. Щербина сказала, что крест ставят в ногах и дала комментарий: «Ставят-то не для людей, а для того, кто упокоился! Чтобы он на крест смотрел и... как бы говорится... не молился хотя бы, но был лицом-то ко кресту».³ Отметим здесь, что развернутый ответ дала женщина, придерживающаяся старообрядческой веры.

Старообрядческое кладбище в с. Доно. Фото А.О. Мальцевой

¹ Запись: Остапчук А. С., Алешина А. В. с. Доно, Калганский район, Забайкальский край Респондент: Лидия Васильевна Козлова, с. Доно, Калганский район, Забайкалье, 1929 г.р. Присутствующие: Кошечкина Галина Алексеевна, с. Доно, Калганский район, Забайкалье, 1955 г.р., Власова Наталья Ивановна Запись: в доме Л. В. Козловой Ostapchuk130704-01.

² Запись: Русакова Г., Лопухова Е., Н.И. Д.Доно, Калганский район, Забайкальский край. Респондент: Евдокия Тимофеевна Запись в доме Евдокии Тимофеевны Loruhoval30705-01.

³ Запись: Лопухова Е. Д.Доно, Калганский р-н, Забайкальский край. Респонденты: Раменская М.Н., Щербина К.Н., Лилекова В.Е. Запись в летней кухне старообрядческой церкви Loruhoval30706-01

На самом кладбище обычно накрывают стол, хотя сейчас это делают реже, так якобы недавно узнали, что плохо стол накрывать, говорят «покойник с небес смотрит и плачет, что не может есть».

— А вообще, как все это происходит? Может... может там стол накрывают? Можно, например, алкоголь приносить на кладбище? (соб.)

— Дак чё-то приносят! <...> А задавалась вопросом... Эта... в Доно хоронили <...> А потом, когда похоронили, я её спрашиваю. Я говорю, можно вот то... на кладбище со своим разлаживать? [говорит очень эмоционально] Она говорит... щас все по-разному... А я вот слышала — нельзя разлаживать! Он же. Говорит... покойник с высоты-то не может есть... Он с высоты смотрит и плачет. <...> Нельзя, говорит, на могилку... продукты... Это с Хабаровска приезжала, и она мне говорит: «Мы, говорит, раньше придем на кладбище, разложим, говорит, по могилкам. А потом, говорит, я в церковь сходила, говорит, нельзя раскладывать. Потому что, говорит, покойник с высоты-то есть не может и плачет. (А.Д.)¹

Существует традиция, по которой, когда роют могилу уносят с нее камешек, дома камень кладут к иконам, а на 40 день после смерти относят обратно на могилу. Правда никто из респондентов не смог раскрыть нам содержания этого действия, так принято делать и поэтому так делают. Чтобы не тосковать по умершему, с могилы берут горсть земли и кладут в платок, потом дома, по чуть-чуть кидают эту воду в умывальник и ей умываются.

— Баба Тось, а Вы не скажете, там на кладбище какой-то камешек же носят? (соб.)

— Это берут камешек, когда заводят могилу. <...> Берут, в правый угол² приносят, кладут. До сорока дней лежит. (Д.К.)

— А потом? (соб.)

— В сорок дней идут на кладбище, его уносят. <...> На могилку. (Д.К.)

— На могилку. То есть его и с могилки берут, и туда же уносят. А вот зачем это? (соб.)

— А вот не знаю я, зачем. <...> Главным делом. Раньше брали... Чтобы не тосковать о покойнике, земли в платочек возьмут. <...> Завяжут, притащат и в умывальник, или куды там, бросают. <...> Ну, помаленьку. Много не положишь. А немножко, чтоб оно не грязно было. <...> Умываются. (Д.К.)

— А кто умывается? (соб.)

¹ Запись: Лопухова Е. Д. Шаракан, Александрово-заводский р-н, Забайкальский край. Респондент: Аграфена Дмитриевна Перминова Запись в доме баб. Груши Лопухова 130630-02.

² Правый угол, красный угол — место в доме, где стоят иконы.

— Родные. Это только когда посторонние разойдутся, родные. (Д.К.)¹

Про камень также рассказала К.Н. Щербина, уточнив, что на камне «душа вертится».²

После похорон ходят на следующий день к могиле, на 40-й день, на родительский день ходят, раньше ходили в день рождения, но опять же, кто-то относительно недавно сказал, что нельзя и перестали.

Во всех трех селах нам рассказали, что раньше было не принято утопленников и самоубийц хоронить на общем кладбище: «Сейчас удавится, удушенников, говорят, надо за оградой хоронить. А сейчас всех сюда хоронят. И на первое место туда унесут (М.К.)».³

Также таких усопших не мыли, считалось, что если похоронить их со всеми, будет засуха. Однако, даже похороненные за кладбищенской чертой, они влияли на погоду, если случалась жара, и долго не было дождей, то ходили на могилку к утопленнику и поливали её: «Ну вот например кто-то застрелился, кто-то задушился — полей могилку и дождь пойдет, говорят!»⁴

Интересно, что в Доно сохранился обычай причитать над умершим. Фрагменты причитаний нам удалось записать от одной плакальщицы:

— А вот, баба Тося, а причитают только на кладбище, или дома тоже? (соб.)

— Дома, когда гроб стоит. (Д.К.)

— Как причитать нужно? (соб.)

— *Что ты меня бросила. Зачем оставила своих деток маленьких? Как отработала? Ножки не ходят твои по дорожке теперь. Ручки не будут твои теперь лежать спокойно. Никому ты не нужна будешь, Никто тебя не обидит. Её всё внучка обижала, мою подругу. Я говорю: «Теперь никому не будешь мешать. Извини меня, моя кумушка родная! Царство небесное тебе, светлое место!»* Всё, хватит. Вот я разволнуюсь, дальше не могу. (Д.К.)

¹ Запись: Кляус В.Л., Волкова А.Н., Мальцева А.О. Село Доно, Калганский район, Забайкальский край. Респондент — Козлова Дионида Степановна, село Доно, 1935 г.р. Запись в доме volkova130708-01.

² Запись: Кляус В.Л. Мальцева Н.О. Волкова Н.Н. Русакова Г.С.

Село Доно, Калганский район, Забайкальский край Респондент: Раменская Маргарита Николаевна (1956) Щербина Клавдия Николаевна (1951) Лелекова Валентина Егоровна (1954), Кузнецова Таисия Сергеевна (1949) Запись ведется: на ступенях старообрядческой церкви. Rusakova130706-02.

³ Запись: Орлова М., Лопухова Е., Д.Доно, Калганский р-н, Забайкальский край.

Респондент: Мария Максимовна Кочетова, 1930 г.р., родилась на западе Запись в доме Марии Максимовны Кочетовой Lopusova130706-03.

⁴ Запись: Лопухова Е. Д.Шаракан, Александрово-заводский р-н, Забайкальский край. Респондент: Аграфена Дмитриевна Перминова Запись в доме баб. Груши Lopusova130630-02.

— А это как, проговаривать или пропевать надо немножко? Напойте не-
много, пожалуйста! (соб.)

*Дионида Степановна Козлова.
Фото А.Н. Волковой*

Д. С. Козлова (поёт): Да, ты улетела,
 Да, на свою могилку,
 Ты таперь и не придёшь
 Никуда и никогда.
 Уж оставила да ты
 Своих-то дочерей
 Не придёшь да ты таперь
 К нам никогда.
 Не вернёшься ты оттуда
 И не вылезешь
 Царство небесное тебе,
 Светлое место!
 Пусть земля будет пухом!¹

¹Запись: Кляус В.Л., Волкова А.Н., Мальцева А.О. Село Доно, Калганский район, За-
байкальский край. Респондент — Козлова Дионида Степановна, село Доно, 1935 г.р. Запись в
доме volkova130708-01.

Относительно поминального стола удалось выяснить следующее: Принято накрывать несколько столов, садятся человек по двенадцать, потом сменяются. Блюд обычно ставят по три: три каши, три киселя; ставят салаты, горячее, пекут блины на поминки. Ставят панахидку (кутья, панафидка), в Шаре, Шаракане и Доно есть отличия в приготовлении.

— А что делают обязательно? Что на столе стоит? (соб.)

— Панафиду. (Д.К.)

— А что такое панафида? (соб.)

— Пшеница и изюм. (Д.К.)

— Пшеница и изюм, да? (соб.)

— Пшеницу распаривают, изюм кладут. (Д.К.)

— Не рис, нет? (соб.)

— Да хочешь рису. У кого что есть. <...> Если нет пшеницы, то рис. (Д.К.)¹

— И блины, и каши, и котлеты, и там... панихида, мясо... панихида....

<...> Ну, маленьку вазочку ставят, рис там... с изюмом... (А.Д.)

— А в Доно пшеница с [нрзб.] делается... (Е.)

— Там пшеница... (А.Д.)

— У нас рис, а там пшеницу распаривают! (Е.)²

— Потом эти, из риса делаются, как они называются-то... <...> Да, это как каша с изюмом. Её обязательно... (А.М.)

— А как она называется? (соб.)

— Ой, сейчас вспомню обязательно. (А.М.)

— Кутья? (соб.)

— Нет, по-вашему, может и кутья, а по-нашему как-то... панахидка. (А.М.)³

Все блюда обязательно нужно было попробовать, из-за стола не встают пока последний не закончит есть и пить, потом меняются, по несколько столов так накрывали, последними едят те, кто готовил.

— А потом выходят из-за стола. (Е.Т.)

¹ Запись: Кляус В.Л., Волкова А.Н., Мальцева А.О. Село Доно, Калганский район, Забайкальский край. Респондент — Козлова Дионида Степановна, село Доно, 1935 г.р. Запись в доме volkova130708-01.

² Запись: Лопухова Е. Шаракан, Александрово-заводский р-н, Забайкальский край. Респондент: Аграфена Дмитриевна Перминова Запись в доме баб. Груши Lopuhova130630-02.

³ Запись: Волкова А., Мальцева А. Село Шара, Александрово-Заводской район, Забайкальский край Респонденты: Анна Михайловна Мигуева (Богданова) 1939 г.р., Альбина, Раиса Ивановна Богданова (Мигуева) 1931 г.р. Запись в доме Анны Михайловны Maltseva130628-03.

— Выходят? А почему выходят? (соб.)

— Ну, выходят домой, другие садятся потом. (Е.Т.)

— А это когда потом? (соб.)

— А как схоронят это, человека-то. Первый стол заходит — уже налажено все. Они отъедят, уходят домой, второй стол. По шесть столов было. (Е.Т.)

— А первые кто приходят? (соб.)

— Мужчины, которые загребают покойника первые-то, потом женщины. Ну а если мужчин мало, то женщины еще садятся. Двенадцать человек садится. (Е.Т.)

— Все шесть столов, сколько их, все по двенадцать человек только, да? (соб.)

— Угу. (Е.Т.)

— Нет, потом в зале ставят стол... один, раздвижной. У нас же маленькие комнатки. Вот один стол и садятся вокруг. (Е.Т.)

— А остальные ждут? (соб.)

— Остальные сидят, ждут. Дети уводят. (Е.Т.)

— А нужно дожидаться, пока все уйдут, да? Те двенадцать человек? (соб.)

— Вот пока все не уйдут. Потом садятсястряпки и те, кто им помогал... кушат... уже самые последние. Что останется, то и будут есть! [смеется]. Все на один стол сразу составили и садятся все. (Е.Т.)¹

За поминальным столом обязательно нужно попробовать все блюда, которые были приготовлены. Поминать начинают с кутыи и блинов.

«А вот кутья. <...> Ее тоже нада. Вот в Шаре, например, начинают поминать с этой кутыи. Я вот сколько видела, начинается... брать вот эту... кутью...<...> И блины. Эта блины в первую очередь поминуют. Блины и вот эта кутья, и... Кисели-каши. (Г.М.)»²

«Сразу начинают поминать [нрзб.] блины <...> просто режут на небольшие кусочки и кому сколько... кто два-три, а кто один может съест... кто как может. (А.С.)»³

¹ Запись: Русакова Г., Лопухова Е., Н.Н. Д.Доно, Калганский район, Забайкальский край. Респондент: Евдокия Тимофеевна Запись в доме Евдокии Тимофеевны Loruhoval30705-01.

² Запись: Лопухова Е., Русакова Г. Д.Шара, Александрово-заводский р-н, Забайкальский край. Респондент: Галина Михайловна Макарова, Елена Георгиевна Козлова. Запись в доме Галины Михайловны. Loruhoval30701-04.

³ Интервью: Русакова Г., Лопухова Е. Д.Доно, Калганский район, Забайкальский край. Респондент: Анна Терентьевна Степанова. Запись в доме Анны Терентьевны Loruhoval30704-03.

Всего три поминальных блюда: каши, кисели и блины — всё ставится на стол, с этого начинают поминать. Потом уже ставят горячее, салаты, пирожки и т.д. На первый день похорон приходят все, а вот на 9й и 40й уже приглашают.¹

В Шаре рассказывают, что обязательно предлагают три стакана водки, в отличие от Доно:

«И вот у нас вот обязательно [нрзб.] [смеется] подают по три бокала водки. Или вина. Там...от ты садишься, все выносят на подносе... берут все... кто чё может пить. Ты например вино, ты водку, ты тоже вино, ты тоже водку...[вздыхает] Вот...выпили... покушали там чё-то холодного, горячего подают. Опять. Еще разливают. Там, опять чё-то покушали, там... вот этого горячего перед выпечкой и опять. Три раза подряд дают. Но хочешь пей, хочешь — не пей (Г.М.)». ²

Ещё одним блюдом на поминках был арамок:

— Арамок ещё делают. (А.М.)

— А что такое арамок? (соб.)

— Арамок обязательно. Это ливер берут, начиняют. И жир, ну не жир, а как это называется, плёночка такая. Плёночку с брюшины берут, туда изверчивают ливер, картошку, лук — всё туда добавляют и пекут в печке отлично. (А.М.)

— Это получается как такой рулет? (соб.)

— Нет, наоборот, его как булочки делают. (А.М.)³

Вообще, как видно, весь поминальный стол завязан на цифре «три»: три вида киселя, три вида каши. Сейчас уже никто не рассказывает, почему это является обязательным условием для приготовления, но эта традиция соблюдается, пусть и не полностью. Не всегда готовится по три вида киселя и каши: кто-то говорил, что блюда на стол ставятся все, а кто-то, что сначала ставятся кисели, блины и кутья, затем холодный стол, после горячее, а в конце стряпня (выпечка)⁴, но, несмотря на мелкие отличия, можно сказать, что традиция поминальной кулинарии сохраняется по всей территории исследуемого региона.

¹ Запись: Лопухова Е. Д. Доно, Александрово-заводский р-н, Забайкальский край.

Респонденты: Раменская М.Н., Щербина К.Н., Лилекова В.Е. Запись в летней кухне старообрядческой церкви Lopuhova130706-01.

² Запись: Лопухова Е., Русакова Г. Д. Шара, Александрово-заводский р-н, Забайкальский край. Респондент: Галина Михайловна Макарова, Елена Георгиевна Козлова. Запись в доме Галины Михайловны Lopuhova130701-04.

³ Запись: Волкова А., Мальцева А. Село Шара, Александрово-Заводской район, Забайкальский край. Респонденты: Анна Михайловна Мигуева (Богданова) 1939 г.р., Альбина Раиса Ивановна Богданова (Мигуева) 1931 г.р. Запись в доме Анны Михайловны Maltseva130628-03.

⁴ Запись: Орлова М., Лопухова Е., с. Доно, Калганский р-н, Забайкальский край.

С темой смерти и похорон тесно связаны рассказы о снах про покойных, которые представляют собой своеобразный жанр традиционной фольклора.

Судя по нашим материалам, явление умерших во сне — довольно распространенное явление. Во всех селах бывшей Донинской станицы сохранились свои приметы, к чему снятся такие сны, а также способы устранения нежелательных последствий. Так, например, в Шаре, если приснился покойник и что-то попросил, ни в коем случае нельзя ничего ему давать, это не к добру, а вот если наоборот — покойный даёт что-то тебе во сне, то это хороший знак.

— Вот говорят, если он, покойник, дает — это хорошо. Если он берет — это плохо... Это очень плохо... (Г.М.)

— А как это? (соб.)

— Ну вот например он попросил у тебя каку-то вещь, а ты взяла и отдала [нрзб.] (Г.М.)

— А если он попросил, а ты не отдала? (соб.)

— Ну это нормально... это нормально... а если он дает — это очень хорошо... Что он тебе дает... он тебе жизнь как будто вливает и... он это хорошо! А вот... если снится покойник бывает... это к спокойной жизни говорят... К непогоде покойник снится. (Г.М.)

— К непогоде? (соб.)

— Да, бывает... Тоже такое бывает... Например приснился покойник, а... он вроде просто приснился, не брал и не давал и... ничего такого, а-а... это к непогоде, тоже есть такое вот так... пример такая, да. (Г.М.)¹

Сон про то, как сильно тосковала по родным, много плакала, а потом сон ей приснился, что они ей жалуются, что в могиле у них воды много, стоят на кладбище, она после этого плакать перестала.

«У меня, когда умерли двое в одном году, через 40 дней у меня мама умерла. Муж умер, потом через 40 дней мама. А я плакала и плакала. Я наверно целый год, посмотрю, он уже все в глазах, я вся в слезах была, страшно. Я потом вижу сон, я на кладбище то одна хожу, там трава зелена и все покойники то с могил то вылезли, все стоят...<...> Я к своему мужу подошла, он и говорит, а у нас там сыро <...> Там у нас вода, а это видимо сон мне приснился, что я пла-

Респондент: Мария Максимовна Кочетова, 1930 г.р., родилась на западе Запись в доме Марии Максимовны Кочетовой Lopuhova130706-03.

¹ Запись: Лопухова Е., Русакова Г. Д.Шара, Александрово-заводский р-н, Забайкальский край. Респондент: Галина Михайловна Макарова, Владимир Макаров. Запись в доме Галины Михайловны Lopuhova130701-03.

чу-плачу, они в воде у меня лежат. <...> И вот потом я перестала плакать, и вот они мне стали пореже [сниться] ». (А.П.)¹

«Ксюша моя умерла, мы вместе её на руках привезли, она умерла, когда мне 16-лет было, мы её на руках привезли с Фаиной. Правильно, я пришла и легла спать, глаза закрыла и мне кажется, она возле меня стоит, я глаза открыла — никого нет. А темно, ночь уже, в окошко глянула — она в окне у меня. Душа её ходила». (А.П.)²

Как видим, полевой материал показывает, что похоронная обрядность сохранилась достаточно хорошо. В этом нет ничего удивительно, так она является очень консервативной, в отличие, к примеру, от свадебной и родильной обрядности. Связать такое положение можно и с тем, что в следствии исторических событий в Восточном Забайкалье люди часто сталкивались со смертью. Как итог — обрядность сохранена достаточно полно. Но стоит отметить, на примере села Доно, что происходит и некоторая трансформация традиции. Старообрядцы села, да и не только они, читают достаточное количество современной, в том числе и религиозной литературы, задают вопросы приезжающим батюшкам, и сталкиваются с различиями, о которых раньше не знали. Привычные вещи оказываются для них «неправильными». К примеру, раньше люди, идя на кладбище, брали с собой еду, и это считалось нормой, но сейчас духовные лица говорят, что так делать нельзя. На кладбище ходили и в день рождения покойного, а теперь опять же «выясняется», что нельзя. То есть с одной стороны, донинцы всегда так делали, и ничего предосудительного в этом не было, а теперь вдруг получается, что не все из того, что делалось у них раньше, можно совершать.

Список респондентов

Село Шара, Александрово-Заводской район

Воронова Фаина Александровна, 1950 г.р.

Мигуева (Богданова) Анна Михайловна, 1939 г.р.

Мигуева (Богданова) Раиса Ивановна, 1931 г.р.

Попеску Альбина Семеновна, 1967 г.р.

¹ Запись В.Л. Кляус, Респондент: Перминова Аграфена Дмитриевна, 1939 г.р., место рождения — Калгарский р-н, в Шаракане с 1958 г., вышла замуж. В доме А.Д. Перминовой, д. Шараканы Александрово-Заводской район Забайкальского края vk130701-01.

² Запись: М.О. Орлова, Д.Г. Чубукова Село Шара, Александрово-Заводской район, Забайкальский край Респонденты: Альбина Семеновна Попеску, 1967 г.р., с. Шара (рожд.) Фаина Александровна Воронова, 1950 г.р., с. Шара (рожд.) Запись во время сбора трав. orlova130629-01.

Село Шаракан, Александрово-Заводской район:
Перминова Агафена Дмитриевна, 1939 г.р.

Село Доно, Калганский район:

Власова Наталья Ивановна
Горлов Виктор Минеевич
Козлова Дионида Степановна, 1935 г.р.
Козлова Лидия Васильевна, 1929 г.р.
Козлов Николай Прокопьевич
Кочетова Мария Максимовна, 1930 г.р.,
Кошечкина Галина Алексеевна, 1955 г.р.
Кузнецова Таисия Сергеевна, 1949 г.р.
Кучеренко (Бражникова) Екатерина Петровна, 1930 г.р.,
Лелекова Валентина Егоровна, 1954 г.р.
Раменская Маргарита Николаевна, 1956 г.р.
Трифопова Светлана Кирилловна
Степанова Анна Терентьевна
Щербина Клавдия Николаевна, 1951 г.р.
Евдокия Тимофеевна

Источники

Архив полевых материалов и исследований УНЦСА РГГУ (2013).
Аудиозаписи rakhmanov130706-01, volkova130705-01, Maltseval30628-03,
Ostapchyk130704-01, brilev130706-02, volkova130708-01,
Ostapchyk130704-01, Lopuhova130705-01, Lopuhova130706-01,
Lopuhova130630-02, Rusakova130706-02, Lopuhova130706-03,
Lopuhova130701-04, Lopuhova130704-03, vk130701-01, orloval30629-01.

Литература

Брилев Д.А. К религиозной ситуации в бывшей Донинской станице забайкальского казачьего войска (по материалам полевых исследований 2013 г.) // Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. Вып. IX. М.: РГГУ, 2014.
Всероссийская перепись населения 2010 года. Численность населения Забайкальского края по городским округам, муниципальным районам, городским и сельским поселениям, городским населённым пунктам, сельским населённым пунктам.

Калганский район, село Доно историческая справка. URL: http://xn--80aai0ag.xn--80aaaac8algcbgbck3fl0q.xn--plai/selskoe_poselenie_donovskoe/istoricheskaya_spravka.html

Кляус В.Л. "Русское Трёхречье" Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры, — М.: ИМЛИ РАН, 2015.

М.П. Попова

Казачество в Калганском районе Забайкальского края: история и современное состояние

Забайкальское казачье войско было образовано в 1851 году приказом императора Николая I, на территории Забайкалья из части сибирских казаков, бурят, эвенкийских военных формирований и крестьянского населения некоторых приграничных районов. Войско требовалось для охраны границы с Китаем и внутренней службы [3]. Одной из особенностей забайкальского казачьего войска было то, что они очень терпимо относились к религиозным воззрениям своих соседей и сослуживцев — «иноверцев», так как в войске состояли буряты-ламаисты, эвенки-шаманисты, в то время как подавляющая часть российского казачества была православной.

В 1920 году Забайкальское казачье войско, как и прочие казачьи войска в Советской России, было ликвидировано. Во время Гражданской войны многие забайкальские казаки воевали против большевиков, под знаменами атамана Семенова [4]. После победы большевиков некоторые из них вместе с семьями ушли в Маньчжурию, где обосновались в Трёхречье.

Во время советской власти происходило массовое расказачивание — репрессии против казачества как социально-культурной общности. После распада Советского союза стали предприниматься попытки возродить казачество. В 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации издал постановление «О реабилитации казачества». Так же выходили и другие указы. Наиболее значительным законодательным актом в этой области было принятие в 2008 г. Медведевым новой «Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества», целью которой являлось развитие государственной политики Российской Федерации по возрождению российского казачества, обобщение принципов государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества и задач российского казачества в области государственной службы, взаимодействия казачества и казачьих общин с органами государственной и муниципальной власти.

Согласно Концепции, «казаки активно содействуют решению вопросов местного значения, исходя из интересов населения и учитывая исторические и местные традиции» [1]. Целями государственной политики в области казачества декларируются становление и развитие государственной и иной службы российского казачества, возрождение и развитие духовно-культурных основ российского казачества для чего будут созданы и создаются финансовые, правовые, методические, информационные и организационные механизмы и все необходимые условия [2].

Насколько эта концепция осуществлена и осуществима ли она в нынешних российских реалиях — вопрос трудный. Я попыталась проиллюстрировать его на примере ситуации в селе Чингильтуй Калганского района Забайкальского края, в котором летом 2014 г. проходила наша этнологическая практика под руководством проф. РГГУ В.Л. Кляуса.

Село Чингильтуй, где непосредственно проводилось исследование входит в «Калганскую станицу» и исторически в нем действительно проживали казаки. В конце 1990-х гг. в нем стали пытаться восстанавливать традиции забайкальского казачества, устраивая тематические мероприятия. В основном эти действия были нацелены на молодежь, детей. Силами энтузиастов был организован детский казачий лагерь с военным уклоном на территории близлежащей военной части. Респондентами отмечается, что на фоне общего подъема интереса к казачеству у некоторых жителей появлялось желание отправлять детей учиться в казачьи кадетские корпуса. В селе же, например, в местном клубе ставили сценку «сватовство» по книге Виктории Балябиной «Аргуней».

Следует отметить, что в библиотеке есть несколько книг о казачестве, по словам библиотекаря, их иногда используют в школе в виде дополнительных материалов по краеведению¹. Там же есть несколько выпусков газет «Казачьи ведомости» и других. Но основным источником для чингельтуйцев о местных казачьих дореволюционных традициях является все же книга Виктории Балябиной, представляющей собой несколько романтизированное художественное произведение на тему приаргунского казачества.

По инициативе чингельтуйского атамана, и по совместительству главы администрации села, Михаила Ивановича Кутёнова, детям сшили казачью форму. Как сообщила Л.А. Шаньгина, библиотекарь, они некоторое время ходили в ней в школу, но в итоге эта инициатива не прижилась из-за ее дороговизны и неудобств ухода².

¹ Архив. Аудиофайл mashaP140708-02 зап. М.П. Попова; респ. Л.А. Шаньгина.
² Там же.

Общее фото с атаманом Калганской станицы М.И. Кутёнковым с детьми села Чингелътуй и участниками экспедиции. Фото В.Л. Кляуса

Так же в селе была попытка восстановить традицию «первой посадки на коня», обычай, когда молодой казак должен был выполнить несколько трюков на коне. Такой праздник был проведен несколько раз, но тоже не прижился. По мнению нескольких респондентов, большая часть села на него внимания не обратила, а те, кто знали, что он проводится, считали это развлечением для детей с историческим уклоном¹. Примечательно, что такое мнение было замечено в отношении большей части деятельности по возрождению казачества в селе.

Создается впечатление, что взрослое население уже тогда не было заинтересовано в возрождении казачьих традиций. Хотя, по словам атамана, было несколько добровольцев посещавших казачьи круги и участвовавших в некоторых мероприятиях. Но он же сетовал, что добраться до круга, которые обычно проводятся в краевом центре, требует больших финансовых затрат, а членство в Забайкальском казачьем войске обязывает платить членские взносы, и «поэтому теперь в этом участвует только он и то не всегда»².

¹ Архив. Аудиофайл mashaP140712-02 зап. М.П. Попова; респ. Алексей.

² Архив. Аудиофайл mashaP140712-01 зап. М.П. Попова; респ. М.И. Кутёнков.

На текущий момент ситуация несколько усугубилась, в селе наблюдается намного меньший энтузиазм, проводится меньше мероприятий и меньшее количество человек в них участвуют. Так, например, нам удалось побывать на сельском празднике, посвященном Святым Петру и Павлу, который исторически имеет большое значение для забайкальского казачества. Он был устроен исключительно для детей в виде игр и загадок на тему казачества и традиций. Атаман надел форму и вынес в конце мероприятия флаг станичного казачьего общества «Калганская станица». Хотя, было очевидно, что это его инициатива, другие участники праздника были осведомлены, что это казачий праздник, но относились к этому скорее с исторической точки зрения, как к памяти об историческом прошлом поселения.

Среди респондентов распространено мнение, что в селе есть потомки казаков или казаки по происхождению, а казаков настоящих сейчас нет, либо упоминались атаман и казачий писарь — Илья Кутенков, иногда вспоминали, что вроде бы был и казачий судья.

Разговоры с атаманом и казачьим писарем, убеждают, что Михаил Иванович Кутёнков — в целом, единственный серьезно увлекающийся казачеством человек в Чингельтуе. Следует отметить, что помимо этого он увлекается историей села, традициями, верованиями, старообрядчеством, шаманизмом и ламаизмом. Поэтому есть предположение, что все его инициативы в пользу развития казачества в селе связаны именно с его интересом к традициям и истории. Награжденный медалью «За возрождение казачества» Илья Кутенков, работает в местном клубе и в администрации, «служит» на должности казачьего писаря. Он так же интересуется традициями, но из интервью с ним, становится понятным, что большая часть жителей села их с атаманом деятельность серьезно не воспринимают и говорят, что они «играются в казачков-разбойничков»¹. На просьбу рассказать какую-нибудь казачью традицию, он пересказал сценку сватовства, обычаи выбора атамана и братчины из «Аргуней» Балябиной, не уточнив, что это по книге. Такое замещение реальной традиции художественным образом объяснимо тем, что в селе не осталось никого, кто видел бы эти обычаи раньше.

В селе практически ничего не сохранилось и из материальной культуры казачества. Лишь один из жителей — Илья Миронович Чирков показал нам шашку дореволюционного времени, которую он нашел на огороде много лет назад.

¹ Архив. Аудиофайл mashaP140714-01. зап. М.П. Попова; респ. И. Кутенков.

Илья Миронович
Чирков
Фото В.Л. Кляуса

На вопрос о причинах сложившегося безразличия к восстановлению казачества среди большей части села, все респонденты отвечали примерно одинаково. Они говорили, что не видят в этом пользы, так как сейчас им важнее найти работу, а казакам же предлагают только волонтерские неоплачиваемые варианты работы. Кроме того, нельзя забывать, что эта традиция была практически забыта за годы советской власти и из ныне живущих в селе никто не застал актуальную традицию.

В заключении, нужно отметить, что, жители села говорят о казачестве как о части истории их семей, но не выражают никакой заинтересованности в его возрождении. Существование в Чингельтуе казачьей станицы зафиксировано фактически только на бумаге, где записано, что здесь живут несколько десятков казаков. Но с другой стороны от исторической памяти здесь никто не отказывается. Так один из респондентов, говорит, что если бы им предложили реальный вариант бытования казачества, например, оплачиваемую работу по охране границы, то, по его мнению, многие более внимательно отнеслись к членству в Забайкальском казачьем войске¹. Такую позицию можно понять, мужчины Чингельтуя испытывают трудности с поиском работы, особенно остро вопрос стоит в отношении молодежи. Заниматься безвозмездным сохранением казачества не все могут себе позволить. Традиционно казаки в этих местах охраняли границу, но сейчас это обязанность лежит на пограничных войсках и устроиться служить на заставу достаточно трудно. Организация отдельных военных или дружинных формирований с учетом и сохранением казачьих традиций выглядит единственным возможным вариантом существования казачества в Приаргунье. Но вероятность воплощения в жизнь такой инициативы представляется крайне малой, так как расходы на специальную форму, особую подготовку и специфические мероприятия, делают эту идею экономически невыгодной, а выделение особых условий для одной группы выглядит дискриминирующей мерой и вряд ли осуществимо с юридической точки зрения в рамках действующего законодательства. Так же, с социальной точки зрения обособление казачества и выделение им привилегий в сложившейся экономической ситуации в стране может быть встречено негативно со стороны остального населения России.

Список сокращений:

Архив — архив полевых материалов и исследований УНЦСА РГГУ (2014).

Список респондентов:

Лариса Анатольевна Шаньгина, 1970 г.р.,
Алексей, около 10 лет,
Кутёнков Михаил Иванович, 1958 г.р., род. в Чингельтуе,
Кутенков Илья Владимирович, 1989 г. р., род. в Чингильтуе,
Якимов Семен, 1991 г.р.

¹ Архив. Аудиофайл mashaP140715-01 зап. М.П. Попова; респ. С. Якимов.

Литература

1. Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/203446.shtml>
2. Санкт-Петербургское городское казачье общество. URL: <http://kazaki-irbis.ru/istoriya/>
3. Энциклопедия Забайкалья, Забайкальское казачье войско. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=488>
4. Энциклопедия Сибири, Семенов Григорий Михайлович. URL: <http://russiasib.ru/semenov-grigorij-mixajlovich/>

А.А. Острогская

Экспедиция к китайским русским в городском округе Эргуна Северной Маньчжурии. Заметки на полях дневника

В июле 2014 г. я принимала участие в совместной экспедиции Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва) и Института Национальных литератур Академии общественных наук КНР (Пекин) под руководством профессора Лю Куйли, почетного академика Академии общественных наук КНР, профессора Академии социальных искусств КНР. Основной задачей экспедиции был сбор фольклорно-этнографического материала среди китайских русских, одного из малочисленных народов Китая. Экспедиция дала бесценный опыт полевой работы. В настоящей статье хотелось бы поделиться некоторыми своими впечатлениями о ней.

В истории русско-китайских отношений район реки Аргунь играл значимую роль уже с XVII столетия. Принадлежность Приаргунья первоначально оспаривалось между двумя странами, пока в 1689 году, согласно Нерчинскому договору, не была определена граница по реке Аргунь. Важную роль в самом факте присутствия русских на этой территории Китая играет географическая близость к России.

В ходе данной экспедиции граница на пограничном пункте Забайкальск—Маньчжурия была пересечена нами буквально пешком, что позитивно повлияло на психологическое восприятие перемен. Дело в том, что культурного шока не ожидалось и, в целом, не случилось, учитывая короткий двухнедельный период экспедиции и имеющийся у меня опыт годового проживания на территории КНР. В Пекине доводилось ранее сталкиваться с русскими предпринимателями и студентами. Редко бывали встречи и с преподавателями, которые приезжают

в Китай для проведения курсов по истории России и русскому языку. Также в предыдущие визиты в Китай у меня была возможность встретить русских людей, которые родились или приехали в КНР в раннем детстве и живут в уже ставшей для них родной стране.

Пограничный город Маньчжурия (满洲里 *Маньчжоули*) нацелен на торговые отношения между Российской Федерацией и КНР, русские, в подавляющем большинстве это жители Забайкальского края, приезжают в Китай за выгодными покупками. Наблюдая за их поведением, можно было заметить их ощущение уверенности в себе, приходящее чувство больших возможностей, чем на Родине. Местные жители не препятствуют вальяжному поведению соседей, так как чаще всего их терпимость благоприятно сказывается на потреблении и развитии китайского бизнеса.

Приехав в город Лабдарин, центр городского округа Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия, мы встретились с нашими китайскими коллегами. Там же, при содействии администрации по сохранению культурного наследия и культурного центра национального меньшинства «русские» городского округа Эргуна, произошла встреча с Центром Культурного Развития национального меньшинства русские. Необходимость «авторизации» на месте, в данном случае, предоставляло участникам экспедиции большое количество преимуществ. Для одобрения экспедиции мы обратили внимание на китайский метод социального взаимодействия «гуанси», что значит «отношения» или «связи». Здесь это понятие не имеет негативного оттенка. Для того, чтобы влиться в социум и получить необходимую информацию важно быть представленным соответствующим лицам, обладающим властью, отмечу, что главным образом, это происходит в процессе разделения общей трапезы. Также важным фактором стала возможность заручиться поддержкой Пекинского Института национальной литературы АОН КНР. Даже имея благие намерения проведения исследования надо осознавать, что с тех пор как мы исследуем что-либо за рамками нас самих, важно получить на это разрешение. Таким образом, отношения складываются в дружественном ключе и все стороны остаются довольны.

Жители городского округа Эргуна нередко выезжают в РФ на заработки. А вот граждане России несмотря на близость границы здесь не частые гости. В регионе развивается этнотуризм, но он рассчитан на жителей южных городов КНР, которые бегут летом от жары родных краев на север страны.

Трёхречье со времен включения русских в официальный перечень национальных меньшинств КНР стал очень привлекателен для туристов. Китайцы, обычно, любят и предпочитают путешествовать по своей стране. Это происходит ввиду разных причин, например, прививаемого не только с детства, но и в глобальном историческом смысле патриотизма китайцев. Кроме того, для пу-

тешества за границу нужны не только немалые средства, но и большая работа с документами для получения визы, которая требуется в большинство стран.

Лабдарин — это крупный город, куда проездом прибывают туристы, чтобы продолжить свое путешествие к границе с Россией. Сюда приезжают семьями с детьми и родственниками, редко приходилось видеть организованные группы коллег по работе или друзей в футболках и головных уборах турфирмы, которые часто можно встретить за границей. Сами китайцы не путешествуют в одиночку, за редким исключением современной молодежи, как правило, ведущих в связи со своим путешествием интернет-блоги, куда выкладывают отчет о своих впечатлениях. Понятие отдыха в одиночестве, вдалеке от привычной жизни, незнакомо и непонятно китайцу. О таком феномене подробно писал Юй Чуюй в «Римских каникулах» [Юй 2003].

Коллективные поездки гарантируют большой поток туристов, что способствует развитию экономики региона, хотя данная отрасль имеет сезонный характер. Кроме туризма, здесь занимаются промышленным сельским хозяйством, разведением меда и производством сухого молока. Китайцы приезжают сюда за причудливой и хорошо знакомой российским участникам экспедиции природой, характерной широкими полями, раскидистыми реками, отсутствием городской инфраструктуры, березовыми лесами, возможностью посетить настоящую русскую баню и даже попариться в ней, послушать русские песни под русскую водку и борщ, и, конечно, попробовать необычные русские блюда и знаменитый русский хлеб, или как его здесь называют — *леба* (列巴).

В поселке Эньхэ (бывшая русское название Караванное), где была организована база нашей экспедиционной группы, необходимо было зарегистрироваться в полиции и сообщить о своих намерениях. Согласно китайскому законодательству иностранные путешественники обязаны предоставить регистрацию в месте, где они останавливаются. Ввиду того, что это была не первая экспедиция в Трёхречье и благодаря поддержке Института национальных литератур АНО КНР присутствие российских ученых на территории Трёхречья было не только благосклонно встречено властями, но и не вызвало подозрений у местных жителей, которые могли со спокойным сердцем вступать в диалог и не волноваться о своей судьбе. За последние 60 лет в КНР произошло множество событий, большое развитие получила не только экономика, ставшей второй в мире, но и все сферы жизни людей — политические, идеологические, бытовые, культурные, социальные изменения стали нормой в жизни людей. Гордиться своей национальностью не всегда было в интересах местных жителей. Во времена Культурной Революции здесь было запрещено использовать русский язык и следовать русским традициям.

п. Энхэ. Встреча на улице. Фото В.Л. Кляуса

Интересна история появления русских на этой территории, рассказанная Таисьей Николаевной Петуховой (1931 г.р.). Она говорит, что во времена русской революции женщины бежали от «белобандитов» сюда через реку Аргунь. Русские женщины бежали сюда с мужьями, многие из которых пали жертвами внутренней революционной борьбы. Прибыли сюда и одинокие юные девушки, которые с радостью вступали в брак с не употребляющими алкоголь и трудолюбивыми китайцами [ФК ИМЛИ РАН: Кляус, Острогская, 2014].

Вопрос брака вообще приобрел интересный оттенок в ходе исследования. Многие бабушки искренне расхваливали китайских мужчин, прекрасно подходящих на роль мужа. Китайских мужей характеризовали как заботливых, любящих наводить порядок в доме, тяжело работающих и одним из главных положительных качеств озвучивали — «главное, чтобы в маджонг не играл», что говорит об отсутствии привычки к азартным играм. В деревенской реальности девушки традиционно занимаются хозяйством, а не образованием.

Непонимание вызывала внешность автора из-за несхожести с китаянками, но и на русскую в их представлении я не походила. Такие отличия скорее создают препятствия и четкому разграничению «свой-чужой». Необычно стало совершенное безразличие к возможности разговаривать на китайском языке. Все

жители Эньхэ в первую очередь прекрасно изъясняются на китайском и используют русский с редкими гостями из России. Тут — все русские, и все говорят по-китайски, ничего удивительного. Знание языка скорее помогло в обработке полученных данных и комфорту понимания того, что происходит вокруг.

Сами записи фольклора на китайском имели место и ранее, то есть, респонденты не понимают, но и не вникают зачем их просят говорить на китайском. Они рассказывали эти сказки и песни на китайском языке внукам, которые по-русски не понимали, а исследователям они их рассказывают скорее потому что их попросили. В Китае, в целом, очень дружелюбное отношение к иностранцам, их называют *лаоваями* (老外 в переводе почтенный иностранец), изначальный посыл в любой точке страны — помочь человеку, который всегда выглядит растерянно и сильно отличается от местных.

п. Таньдзетуй (Ернишиное). В гостях у китайских русских. Фото В.Л. Кляуса

По приезде в поселок Эньхэ, в котором и проводились основные исследования, ощущения были схожи с тем, когда навещаешь в России дальних родственников, — «декорации» вроде бы другие, но родные и понятные, люди говорят иначе, чем в России, но смысл речи ясен. А самое главное — это та просто-

та и естественность гостеприимства. Даже если они и видели меня впервые, мое временное присутствие по-родственному приветствовалось.

Вне зависимости от внешности, языка, целей приезда, главным остается накормить и поприветствовать гостя. Думаю в чувстве «как дома», которого и добивались хозяева играет и знакомый пейзаж, архитектура и устройство дома внутри, пища не только в рационе, но и по временным промежуткам, домашние атрибуты, одежда, наличие печей, качелей во дворе, знакомые мелодии гармошки или баяна. Китайские палочки, которые подаются к столу, закуски, китайская речь, монголоидные лица, и другие элементы китайской повседневности казались незначительными элементами вариаций культуры. Интересно, что в этом регионе почти не пьют зеленый чай, как в других регионах Китая. Черным этот чай тоже сложно назвать, пьют чай монгольский с молоком, но в больших кружках с хлебом и вареньем, как полагается в русском чаепитии. Варят варенье — из земляники, черники, смородины и других лесных ягод. Также в пищу употребляют сметану, которую готовят и хранят почти всегда в морозилке. Сметану едят, намазывая на хлеб и добавляя в борщ.

Поселок Эньхэ (Караванная) располагается на стоящих крест накрест друг к другу двух главных дорогах. Место пересечения этих дорог и составляет центр села. В поселке есть школа, полицейский участок, несколько небольших продуктовых магазинов, гостиницы и рестораны для туристов. По всему поселку, да и во всем регионе можно наблюдать стремительное развитие потребления нетрадиционных возобновляемых источников энергии через солнечные электростанции и ветроэлектрические установки. От центра в четыре стороны уходят участки с деревянными домами, на окнах незамысловатые наличники, крыши лишены традиционных китайских заостренных к небу углов. Не каждый деревянный дом можно назвать полноценной русской избой, но все же, по облику они значительно ближе к архитектуре русской деревни, чем китайской. Во дворе часто можно увидеть небольшой огород, в доме главным местом действия старшего поколения стала кухня с печкой, столом и красным углом. В красном углу всегда можно увидеть расшитое полотенце, раскрашенные с Пасхи яйца, веточки вербы, свечи и, конечно, иконы.

Внутреннее устройство и убранство в доме включает в себя наличие печи, сундуков для хранения белья и одежды, обеденного стола со стульями, покрытого скатертью в традиции русского прикладного искусства. На окнах висят занавески, на полу постелены половицы, в доме обувь не снимают. Любопытно, что уборные комнаты в домах Трёхречья построены по китайскому образцу. Из посуды дома присутствуют чашки объемом 300 мл., что характерно для тради-

ции русского чаепития. Часто встречаются чайные ложки и розетки, из которых едят варенье.

Представители молодого поколения китайских русских редко бывают дома, они трудятся целыми днями, принимают туристов, решают денежные вопросы, прибирают, организуют досуг гостям. Летом погода теплая, в полях пестрят цветы, благоухают травы... С мая по сентябрь на севере Китая период активного заработка (с наступлением холодов туристы не приезжают). Многие дети трёхреченцев летом приезжают работать в родное село, а все остальное время проводят в городе. Бабушки и дедушки обычно живут здесь круглый год, ведут хозяйство, набираются сил на следующий сезон.

Старшее поколение, в отличие от китайских семей, поддерживает молодых, но отнюдь не удерживает статус главенства в семье. Если в китайской традиции главная в семье — всегда старшая женщина, то бабушки русского происхождения отдают бразды правления семейным очагом невесткам. Бабушки помогают на кухне, дедушки ремонтируют дома. Честно говоря, в описании быта поселка сложно делать какие-либо обобщения, у каждой семьи есть своя история и обстоятельства, за последние десятки лет у всех сложился разнообразный образ жизни, в зависимости от официальной включенности в состав национального меньшинства, активности, умения вести дела и проч.

Антропологический тип трёхреченцев отличается большей монголоидностью, волосы преимущественно черные и черно-русые, прямые, иногда встречается курчавость. Рост бороды и усов находится на уровне ниже среднего или № 3 по шкале Чебоксарова¹. Угол выступания носа к линии профиля — большой, нос широкий. Наклон глазной щели горизонтальный или выраженный монголоидный наклон. Цвет глаз № 1—8 по шкале Бунака: черный, темно-карий, светло-карий, буро-желтый-зеленый, зеленый, серо-зеленый, серый или голубой с буро-желтым обрамлением вокруг зрачка. Складка верхнего века средняя, сильная, верхнее веко с набуханием. Рост характеризуется малым и средним.

Одежда у мужчин — брюки с ремнем и рубашка западного кроя, обувь — мужские ботинки. Встречаются головные уборы в виде рыбацких шапок или кепка «кополла». Женщины старшего возраста носят юбки, под которые надеты тряпичные штаны и носки, блузки или футболки. Сверху часто можно увидеть фартук, так как многие из женщин трудятся на кухне. На голове жительницы Трёхречья предпочитают носить платок, особенно когда встречают гостей. На праздник обязательно покрывают голову платок ярких расцветок. На ногах носят женские ботинки или туфли.

¹ Этот и последующий выводы были сделаны по серии фотографий.

Интересно, что родственные связи у трёхреченцев строятся исключительно по китайской схеме, родственники женщины называются иначе, чем родственники мужчины по суданскому типу классификации. Названия родственников по-русски, как правило, упоминают с затруднением.

Система жизнеобеспечения в Трёхречье представляет собой смешанный хозяйственно-культурный тип земледелия и скотоводства. Ввиду близости Монголии, разведение и работа с лошадьми получила широкое распространение в регионе. Забайкалье — откуда пришли русские, одно из традиционных мест коневодства, как коренных народов (бурят и конных тунгусов), так и русских.

Говоря о социальном устройстве важно отметить, что согласно Конституции КНР, запрещено притеснение любого национального меньшинства, китайские русские, в частности, де факто свободно пользуются русским языком и никаких запретов гласных или негласных нет. Так было не всегда, и многие семьи, помня ужасы и ограничения, которые им пришлось пережить во времена Культурной революции, признают своей национальностью — хань (национальное большинство, проживающее в Китае). Сейчас в районах компактного проживания национальных меньшинств создаются органы самоуправления, осуществляются автономные права и национальная автономия. В Конституции подчеркивается, что «районы национальной автономии являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики». Каждое национальное меньшинство имеет возможность свободно использовать и развивать свой язык и письменность, никаких ограничений со стороны правительства не накладывается на сохранение или изменение национальных нравов и обычаев [Конституция КНР 2004].

На территории Трёхречья такое уважительное отношение властей в рамках национальной политики страны реализуется на деле. После принятия этого курса национальной политики, власти КНР ввели ряд льгот для тех, кто идентифицирует свою принадлежность к национальным меньшинствам. И, как уже упоминалось, если некоторые, ввиду запомнившегося страха, отказались де-юре записываться в ряды китайских русских, то те, кто сейчас имеет на руках документы, подтверждающие принадлежность к национальному меньшинству, получают государственные льготы в виде сниженных цен на земли, скидки на ведение предпринимательской деятельности, а согласно словам респондентов, некоторым выдавали бесплатно коров для хозяйства.

Нуклеарный тип семейной организации среди трёхреченцев тоже способствует сохранению обрядов и обычаев, среди интервьюируемых респондентов большинство супругов прожили друг с другом всю жизнь, вместе растили и воспитывали детей и внуков. Часто в рассказах упоминаются многодетные се-

мы, где женщина заботится о потомстве, а мужчина обеспечивает семейный доход, если такие стабильные термины вообще применимы к тем уже давним тревожным временам, в которые жили российские эмигранты и их дети. Уйдя в Китай, эти люди искали мира, в кровопролитной гражданской войне для них все стали врагами — белые солдаты готовы были уничтожать семьи за то, что они не имеют желания бороться против своих соотечественников, а красные испытывали ненависть к тем, кто не поддерживал их идеи.

п. Эньхэ (Караванная). Интервью с Василием Зоркольевым. Фото В.Л. Кляуса

Важно отметить, что в Трёхречье уже проводились научно-исследовательские экспедиции фольклористов, социологов, лингвистов, антропологов. Таким образом, большинство трёхреченцев, говорящих по-русски, уже знакомы с этнологическими исследованиями. Кроме того, их навещают иногда потомки русско-китайских браков, давно покинувшие эти места, живущие сейчас в США и в Австралию, а также их потомки. Кроме исследователей, заокеанских родственников, бывших друзей и соседей, по-русски разговаривают с родственниками, которые теперь живут на территории России, Казахстана или в Харбине. Хотя правильнее было бы отметить, что в повседневной коммуникации друг с другом они скорее предпочитают китайский язык, которым все свободно владеют. Однако, подобные встречи и визиты издалека создают повод

самоидентификации трёхреченцев по отношению к русской культуре и так как именно русские корни объединяют этих людей, то традиции застолий, пения и танцев продолжают свое существование. Во время экспедиции, в Эньхэ приезжали родственники из Краснодара, Харбина, Читы. Разговоры велись на китайском языке, но весь антураж русской культуры, воссозданный в первую очередь для туристов, становился атрибутом приятного времяпрепровождения и для этих гостей.

Можно сказать, что респонденты, в целом, привыкли к этнографам, так как они связаны с их русским происхождением, возможности проявлять и разделить которое не так уж много. У некоторых респондентов в домах можно увидеть книги, написанные о Трёхречье русскими и китайскими учеными, журналы и праздничные календари Общества изучения русской национальности. Жителям Эньхэ нравится такое взаимодействие и, учитывая, что это безопасно, они охотно вступают в диалог. В общем, вся обстановка, включая климат, природу, флору и фауну, еду и напитки, взаимодействие с респондентами были очень комфортны и понятны. Вероятно, если провести в такой экспедиции много месяцев, то ситуация бы изменилась, и подходы были бы иные. Но сформировавшаяся традиция визитов ученых не беспокоит местных жителей, и они ведут себя естественно.

Наблюдая за жизнью китайских русских в Эньхэ (Караванная), Шивее (Олочи), Линцзяне (Ключи) можно было увидеть, что этнотуризм здесь развивается ими не только ввиду денежной выгоды, но и как возможность сохранять свое культурное наследие. На сегодняшний день, когда отношения между двумя нашими странами развиваются, в китайской общественности складывается позитивный образ России, согласно политическому курсу КНР, жители городского округа Эргуна с особенным удовольствием дружелюбно настроены к России и своей принадлежности к русскому этносу.

Тем не менее, ситуация не всегда складывалась таким образом. Отношения между Россией и Китаем, политика обеих стран претерпевала изменения, а до пограничных китайских деревень из столицы доходили лишь приказы в сжатой форме. Во времена Культурной Революции было запрещено использовать в общении русский язык и подчеркивать свою национальную идентичность. Люди рассказывают, что помнят, как бабушки и мамы закрывали одеялами окна, стелили перины на крышку от погреба, залезали внутрь и пели душевные, знакомые сердцу песни.

Говоря о респондентах, в первую очередь хочется назвать Тансю Николаевну Петухову (1931 г.р.), одну из последних «чисто» русских женщин Трёхречья. Эта храбрая женщина любит и гордится своими русскими корнями. Интересно, что в России она никогда не была «за ненадобностью» и ввиду отсут-

ствия желания посетить страну предков. И все же она всю жизнь живет, храня в сердце любовь к России и русской культуре. Она сохранила старинный рецепт русского хлеба, который стал основой для предпринимательской деятельности ее детей. Так же в 2006 году она заявила о своем желании иметь российское гражданство и получила его в исключительном порядке в посольстве РФ в Китае.

п. Эньхэ (Караванная). Интервью с Таисьей Николаевной Петуховой. Фото В.Л. Кляуса

Слушая ее, приходит понимание, что она всю жизнь полагалась на Бога в своем сердце не взирая на войны, политическую обстановку между странами, не взирая на ученых, врачей и бизнесменов. Чистота ее намерений и мужество гордиться тем, кто она есть сделало ее самым известным респондентом этнографических экспедиций. Хотя истории своей семьи, сказки, молитвы, традиции и песни она, очевидно, хранит совсем не для исследователей и даже не для потомков, а для себя. Она искренне верит и любит свою жизнь такой, какой она сложилась, и благодаря исключительной памяти и энергичности, именно она создает базу сохранения русского культурного наследия в Трёхречье. К ней приходят просить совета как в кулинарии и строительстве, так и в проведении обрядов, православных праздников и постановках фестивалей русского творчества.

Большим знатоком русской культуры является Иван Васильев, рассказчик сказок и историй из жизни Трехречья, он прекрасно владеет русским языком и его знаменитые истории подробно описаны, зафиксированы и проанализированы в последнем исследовании, опубликованном В.Л. Кляусом [Кляус 2015].

Все жители русского Трехречья, которые связаны с Россией в прошлом, знают друг друга или приходятся родственниками. Перед началом экспедиции был подготовлен список вопросов, которые задавались в ходе метода включенного наблюдения. Беседа строилась довольно открытым способом, особенно учитывая скромный опыт исследования вопроса. При подготовке были прочитаны статьи Лю Куйли, В.Л. Кляуса, Р.П. Матвеевой и О.И. Курто об исследованиях, проводившихся ранее на Территории Эньхэ. Но в интервью я старалась в вопросах не давать ни подсказок, ни ответов, чтобы респонденты отвечали мне, а не я с ними делилась опытом прочитанного.

Главной моей задачей была фиксация произведений русского фольклора на китайском языке. Было записано некоторое число песен, частушек, мифологических рассказов и сказок.

Исследования проводились не только с помощью опроса, но и участия в традиционных русских застольях. В русской традиции песни поют и пляшут отнюдь не во время рабочего дня, а во время пиршества. Так появилась возможность участвовать в проведении праздника в честь свв. Кирика и Улиты. Здесь все были участниками и нашими стражами и попечителями и проводниками одновременно. В зале ресторана комната была отгорожена занавесом, чтобы не привлекать внимание приезжающих гостей. Этот праздник был для себя, для местных, в радость, а не для работы. Хотя нельзя сказать, что любопытство гостей как-либо раздражало местных жителей, они уже давно привыкли быть диковинкой для гостей. Участники экспедиции были частью праздника, принимали участие во всем, как «посвященные гости», исходя из общности происхождения.

Согласно протоколу экспедиции велся полевой дневник, ежедневно регистрировались полученные аудиоматериалы, составлялись архивы реестров. Полевой дневник велся и во время интервью, пометки фиксировались в течение дня и итоги впечатлений подводились перед сном. Кроме того, участники экспедиции собирались на обсуждение прогресса работ, чтобы поделиться опытом и наработанным материалом. Оставаться полностью наблюдателем в поле было довольно сложно, чаще всего, перед интервью необходимо было поучаствовать в обряде встречи гостей, немного рассказать о себе, помочь накрыть на стол, и задавать вопросы в режиме естественного общения, не разделяя визит на части «личного общения» и «делового». Такое взаимодействие сделало исследователя менее «чужим», оно не вызывает волнений ни у самого интервьюера, ни у рес-

пондента. Я бы сказала, что это скорее черта русской культуры, когда двери из-бы всегда открыты, в доме идет своя жизнь, а приходящие гости просто заходят и становятся частью этого размеренного порядка. Китайское гостеприимство более церемониально, у каждого расписана своя роль, когда приходят гости скорее разыгрывается спектакль с четко расписанными ролями, нежели продолжается ежедневная рутина.

п. Эньхэ (Караванная). Фотография на память с Анной Дементьевой, от которой было записано несколько русских сказок на русском и китайском языках Фото В.Л. Кляуса

Русский язык используется только китайскими русскими старшего поколения. Определенное время русский фольклор продолжит свое существование на китайском языке, но трудно предсказать, как долго просуществует эта форма его бытования. Дети трёхреченцев живут в китайской реальности, они много трудятся и позабыли уже детские сказки, а посиделки бабушек и дедушек у них не вызывают той душевной сопричастности. Тем временем, внуков, родившихся после 1990-х годов, активно приобщают к участию в фестивалях русской культуры, готовясь к которым они учатся петь русские песни, исполнять русские танцы, надевают народные костюмы. Нередко молодежь отправляется получать высшее образование в Читу, Иркутск, Улан-Удэ, Владивосток, где они выучивают русский язык и обретают специальность.

Но нужно за-
го фольклора пол-
ложение Трёхречи-
дежь, а возможнос-
ет сэмидентифи-

В.Л. "Русско-
ной культуры,
Конституция КНР
<http://chinalawin>
О.И. Русски
действия русск
Ю. Куили. Китайско
народов Сибири
плексного изуче
Ю. Куили «Китайски
2001. № 2. С. 33
Катеева Р.П. Русск
тексте // Сибирс
русской и М
140.
Ю. Чуюй. Лома Цзяж

Касимов — небо-
административны
в нас пригласили
года готовились
ан-еских зданий и
за, в лице недавне
реализацию студен
Проект должен б
эстетический город
нию ему этого ста

Но нужно заметить, что в вопросе сохранности формы бытования русско-го фольклора положительную роль может со временем сыграть и само расположение Трёхречья. Экономический подъем региона возвращает туда молодежь, а возможность всегда видеть Россию на другом берегу реки поддерживает самоидентификацию и интерес к истории предков и их обычаям.

Литература

- Кляус В.Л. "Русское Трёхречье" Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры, — М.: ИМЛИ РАН, 2015.
- Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution
- Курто О.И. Русский мир в Китае. Исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев. М., 2013.
- Лю Куйли. Китайско—русские потомки на реке Аргунь // Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (горизонты комплексного изучения). Чита, 1995. С. 13.
- Лю Куйли «Китайские русские» на правобережье реки Аргуни // Живая старина. 2001. № 2. С. 33—34.
- Матвеева Р.П. Русский фольклор в национально-смешанном культурном контексте // Сибирский сборник—3. Народы Евразии в составе двух империй: российской и Монгольской / отв. ред. П. О. Рыкин. СПб., 2011. С. 131—140.
- Юй Чуюй. Лома Цзяжи (Римские каникулы). Пекин, 2003.

А.П. Анисимова

О молодежной среде г. Касимова

Касимов — небольшой город с населением чуть больше 30 тысячи человек, административный центр Касимовского района Рязанской области. В Касимов нас пригласили преподаватели и студенты МАРХИ, которые в октябре 2015 года готовились представить жителям города свой проект по реставрации исторических зданий и благоустройству городской среды. Администрация Касимова, в лице недавно назначенного главного архитектора, находила возможным реализацию студенческих проектных работ и вела переговоры с инвесторами. Проект должен был стать частью программы по превращению Касимова в туристический город или, как мы часто слышали от самих касимовцев, возвращению ему этого статуса. Нас как антропологов попросили выяснить отно-

шение жителей города к программе по развитию туризма и, в частности, к проекту, представленному молодыми архитекторами. Причиной заинтересованности городских властей в поддержке жителей, вероятно, можно назвать полное недоверие со стороны касимовцев к администрации. Часто в беседах с горожанами приходилось слышать о «власти рязанских бандитов». Представляется, что в планы администрации входит реальное включение в жизнь города, тесное взаимодействие с жителями и, как результат, продуктивная совместная работа по преобразованию городской среды. В рамках нашего исследования было уделено внимание вопросам, связанным с молодежной средой Касимова, ставшей центральной темой статьи.

В представлении туристов и местных жителей Касимов — город слияния двух культур: русской и татарской. Действительно, основанный в 1152 году, Касимов с середины XV века до конца XVII века был центром Касимовского ханства, управляемого преемниками казанских царевичей. Город выделяется среди прочих сохранившимися памятниками мусульманской архитектуры (например, минарет XV века, Ханская мечеть и усыпальницы). Но в целом, Касимов — старый купеческий город, в котором, по словам главного архитектора города, каменных домов больше, чем в Рязани. Касимов богат и православными памятниками архитектуры: например, в одной точке можно увидеть одновременно пять храмов и церквей (на деле их значительно больше). Однако интерес представляет не только исторический центр города, но и его живописные окраины на высоком берегу Оки. Неширокие спускающиеся к реке улицы, которые сами касимовцы называют «аулами», застроены деревянными и каменными частными домами. Планировка города удобна для туриста: сетка прямых улиц и расположение вдоль реки позволяют легко ориентироваться на местности без посторонней помощи. Более того, в конце осени 2015 года были установлены указатели исторических и туристических мест. По мнению студентки пятого курса МАРХИ, «У Касимова туристический потенциал намного больше, чем у Плёса». В ходе бесед мы узнали, что не так давно Касимов действительно был туристическим городом:

«Раньше было много туристов... Жители к ним привыкли».

«Пока Ока не обмелела, было речное движение, ходили теплоходы. Набережная была активная, там свидания назначались. Сейчас мертвая».

Так, в самом начале нашего исследования возник вопрос: «Почему внешне привлекательный, уютный город с богатой архитектурой кажется настолько мертвым и отталкивающим?».

«Без людей — атмосфера [в городе] прекрасная» (Д., студентка из Москвы, 20 лет).

Основной проблемой касимовцы считали отсутствие рабочих мест. До кризиса 1990-х и начала 2000-х практически вся мужская часть населения работала на крупных заводах и фабриках. После закрытия большей части промышленных предприятий увеличился отток населения; нехватка рабочих мест и отсутствие постоянной, хорошо оплачиваемой работы, по словам жителей, заметно повлияли на городскую жизнь. Надо сказать, тоска по недавнему прошлому красной нитью проходила не только в разговорах с людьми среднего возраста. Молодежь 20—25 лет не может помнить жизнь в Касимове до кризиса, но при этом часто можно услышать от людей этого возраста о том, что раньше было лучше, город процветал, рабочих мест было много. Реже упоминалось и туристическое прошлое Касимова, роль судоходной Оки в жизни города. Не будет преувеличением сказать, что город ориентирован на прошлое и живет воспоминаниями. На это есть и другие причины. Как сказала сотрудница краеведческого музея, женщина лет 50, «Если бы жители поверили, что что-то изменится, — все было бы лучше». И действительно, горожане неохотно говорили о будущем Касимова, не верили в возможность туристического развития города и восстановление промышленного производства. Одной из причин такой апатии, возможно, являлось недоверие к властям, которые воспринимались как «чужие» и «преступники»: «Власть сменилась. Категория людей раньше была несколько иная, сейчас — бывшие преступники. При них все и закрылось. Власти в городе нет, администратор не местный, его здесь почти не видят. Денег не приносит, заводов нет», — рассказывала все та же сотрудница музея. Жалобы на власть в малых городах — проблема не уникальная, часто они кажутся преувеличенными, но в Касимове это приходилось слышать практически от каждого жителя среднего и старшего возраста. Часто вопрос криминального прошлого и настоящего «рязанской» администрации Касимова становилось единственной темой для разговора. Касимовцы явно не чувствовали возможность повлиять на ход жизни в собственном городе. Вероятно, это порождало равнодушие к городской среде; например, поражали мусорные свалки в черте города. Интересно, что на эти свалки во всех оврагах нам жаловались не только туристы, но и сами жители города. Причем горожане жаловались как на администрацию, которая не могла организовать централизованный вывоз мусора, так и на своих соседей. (Система сбора мусора выглядела следующим образом: два раза в день машина проезжала по городу и останавливалась в определенных местах по расписанию). Городское самоуправление, судя по нашим данным, не было развито: территориальных старост нет, по крайней мере в частном секторе.

Переходя от беглого описания жизни Касимова непосредственно к молодежной среде, хочется вспомнить слова женщины лет 55, с которой мы погово-

рили во время презентации проекта студентами МАРХИ: «Интересно на людей [студентов] посмотреть, нам бы таких. Мы таких только на теплоходе видим».

Кризис 1990-х в Касимове отразился не только на рынке труда, но и на восприятии города его жителями. Помимо рассказов о криминальном прошлом нынешней администрации, приехавший в Касимов человек обязательно услышит (и не один раз) про "криминальную войну" начала 1990-х. Касимовцы разного возраста с некоторой гордостью говорили, что крупнее Касимовской была только Тольяттинская криминальная война, и могли подробно рассказать о ходе событий и о способах кражи золота с завода. "Я вырос в гетто" — такие слова часто можно было услышать от молодых людей Касимова.

Романтизация мелкого хулиганства, ощущение заброшенности и отчужденности, представление об особой роли «уличных» законов и порядков («понятий») кажется «цементом» социальной жизни многих молодых касимовцев, с которыми удалось поговорить. Город с богатой историей, архитектурой и умиротворяющими видами молодым населением (особенно до 20 лет) воспринимался как «гетто».

«— Ты тоже можешь назвать Касимов гетто?

— Да. Сейчас фасад Касимова лучше, но внутри все еще г**** (и оно неизменно)» (Н., 19 лет, дизайнер-самоучка).

Интересно, как два, казалось бы, разных образа города переплетались в представлении молодых жителей. После разговоров с молодыми людьми 18—25 лет (и не только с ними) сложилось впечатление, что для города существуют лишь два исторических события: основание Касимова («всего на пять лет позже Москвы») и Касимовская криминальная война. Выпускники школ хорошо знают историю города и области — это обязательный предмет в школах, занятия ведутся по специально изданным учебникам; нельзя сказать, что молодежь не отдает себе отчет в исторической и культурной ценности города, не гордится в какой-то степени внешним обликом Касимова. При этом заместитель директора Дома Культуры (А., 23 года) видел своей задачей «Доказать, что город хороший, а то глаз замылился [у жителей]». По мнению А., позитивные изменения городской среды оказывают влияние на жителей города. В качестве примера А. приводил случай с переустройством небольшого парка в черте города: стоило вложить деньги в обновление парковой зоны, установить пост охраны, поддерживать чистоту и порядок — и парк стали посещать исключительно молодые матери с детьми и "приличные" люди. Вопрос о том, куда переместились прежние постоянные посетители парка (которые, судя по разговору с А., не входили в категорию приемлемых), А., видимо, мало интересуется. Обустройство парка, как представляется, и есть пример обновления того "фасада", о котором говорил молодой дизайнер. К этому же можно отнести открытие летнего кинотеатра на

открытом воздухе. Условно выделим два образа Касимова: купеческий городок на берегу Оки, каким видят его не только туристы, но и сами жители, и приходящий в упадок провинциальный постсоветский город, с богатым криминальным прошлым и, отчасти, настоящим.

Интересно, что на вопрос о преступности в современном Касимове нам ответили следующее: «Сейчас город особо не криминальный. Года два назад было подпольное казино. Бандиты тех времен [90-х] уже с бизнесом, а молодежь так, по мелочи, шпанье» (П., 20 лет). Следует отметить, что при этом П. говорил о Касимове как «гетто». Преступный мир города в глазах молодых людей ограничивался мелким хулиганством, драками и соседством с бывшими «бандитами». Таким образом, можно предположить, что представление о Касимове как неблагополучном городе основано вовсе не на ощущении тревоги, вызванной реальной криминальной средой.

«Москва основана на семи холмах, а Касимов — на семи оврагах», — эту грустную метафору мы часто слышали именно от молодых жителей Касимова. Часто сравнивая родной город с Москвой, молодые люди говорили, в том числе, про отсутствие приятных им мест, где можно провести вечер в компании друзей: «Они [кафе] периодически появляются и пока о них никто не знает, там нормально. А так, нет ни одного приличного. Раньше были, но вечером туда нельзя, потому что там бандиты "зависали". В районе были хорошие заведения, но надо было ездить. <...> Друг в "Венецию" ходил: из веселого только то, что подрался. Ценник дороже, чем в Москве». «Венеция» — кафе-бар в центре города, место, можно сказать, культовое. Информанты несколько смущались, говоря о «Венеции», — посещение этого места вечером больше похоже на печальное приключение, чем на приятный отдых. Нам посоветовали не приходить ни в одно заведение вечером без сопровождения мужчин крепкого телосложения. При этом такие кафе-бары продолжают пользоваться спросом у молодежи, возможно, за неимением альтернативных вариантов разнообразить досуг. Выпить чашку кофе в тихой обстановке вечером можно, разве что, дома. Главным местом встреч молодежи в Касимове остается улица (перекресток ул. Советская и ул. Ленина, площадь с памятником героев Великой Отечественной войны, площадь Ленина и др.). Небольшие компании молодых людей (по 4-5 человек) в октябре мы видели на улицах преимущественно после семи часов вечера. Как нам рассказали, на площадях собираются компании по 15-20 человек: «Даже если приходят по несколько человек, все равно получится большая компания, все ведь друг друга знают. Любители покататься на машинах собираются на площади Ленина. — И как часто ребята встречаются на улице? — Да каждый день». До 18-20 лет молодые люди чаще общаются с представителями своего пола: «В пацанских компаниях обычно 1-2 девушки. А девушки сами "кучку-

ются" и идут танцевать, например». От студенток колледжа мы узнали, что в городе в основном все общаются в пределах маленьких групп по 3-5 человек: «Между собой есть контакты, но такие, не особо тесные». Стоит отметить, что наши информанты выделяли группу молодых людей из "богатых" семей: «Они жили в одном районе и поэтому больше общались между собой. А так, в принципе, всем все равно. Гуляли вместе».

Основной проблемой Касимова А., заместитель директора Дома Культуры, назвал переезд выпускников школ в другие города: «Нужно сделать так, чтобы после ВУЗов возвращались. А сейчас возвращаются те, кто разочаровался и не самореализовался на новом месте. Когда приезжают, им уже ничего не нужно». По словам одного нашего информанта, у школьника после 9 класса есть два варианта:

1. Остаться в школе и после 11 класса уехать учиться в другой город (из 26 одноклассников этого молодого человека только 5 остались в Касимове: «Кто-то забеременел, у кого-то совсем денег не было»), но при этом значительная часть уехавших возвращается в родной город; объяснили нам это тем, что в Касимове у недавних выпускников осталась квартира или дом, родственники.

2. Получить среднее специальное образование (в Касимове несколько колледжей) и "гарантировано" остаться жить в городе.

Люди, которые с самого начала знают, что после получения диплома вернутся в Касимов, идут на специальности, востребованные в Касимове: «Кто похитрее, двигаются потом в госструктуры за деньгами». Высшее образование воспринимается как обязательное условие хорошего заработка и постоянной работы, это отличает высшее образование от среднего специального (о студентах творческих профессий будет сказано отдельно).

Выпускники школ уезжают получать высшее образование в Москву, Санкт-Петербург и Рязань. В качестве примера приведем истории двух молодых людей. В., 21 год, учится в рязанском ВУЗе на платной основе, стоимость обучения не сильно отличается от стоимости в московских или петербургских ВУЗах. Рязань В. выбрал потому, что после завершения обучения его ждет место на кафедре этого же института, где он планирует брать со студентов взятки («от 300 тыс. за сессию»). В Рязани В. жить скучно, на протяжении пяти месяцев молодой человек употребляет алкоголь в больших количествах каждый день. Такая ситуация вполне устраивает В., переезжать он не планирует. Девушка С., 20 лет, получает образование в Москве, после завершения обучения не исключает возможность переезда в Рязань: «Хоть какая-то инфраструктура, жилье дешевле, чем в Москве, и я могла бы найти работу по специальности. [На вопрос, почему именно Рязань]: Я довольно хорошо ориентируюсь там, а для меня важно знать

город». В Касимове С. жить не планирует: «Это, конечно, не табу, но без веских причин возвращаться на постоянное проживание не хочется».

Большие города не воспринимаются как площадки для самореализации, как культурные или интеллектуальные центры. Туда переезжают, потому что есть возможность заработать больше денег или получить образование, чтобы в конечном счете заработать больше денег. От информантов мы ни разу не слышали про знакомого им человека, который бы видел себя в академической среде, в научно-исследовательском институте. Однако отдельно стоит упомянуть про выпускников художественной школы Касимова. Практически каждый, с кем мы поговорили, знает одного или нескольких человек, поступивших в московские и петербургские художественные ВУЗы, некоторые уже сейчас работают по профессии (дизайнеры, мультипликаторы). Но студентов-художников можно назвать скорее исключением из общего правила: чаще молодые люди Касимова не говорят о потребности самовыражения в искусстве и не думают о творческих профессиях как реальном способе заработать на жизнь. На вопрос: «Почему выпускники выбирают понятные и очень практичные профессии?» нам отвечали: «Потому что здесь ни у кого нет других интересов, кроме как заработать денег, купить машину. Думают только о материальных благах». Автомобиль для молодого человека в Касимове — показатель его статуса, значение автомобиля в молодежной среде сложно переоценить: «В маленьком городе большую роль играет общественное мнение. Возникает борьба за внимание окружающих и социальный статус. Высокий социальный статус — это, например, наличие машины или, что касается девушек, — парня с машиной.» (С., 20 лет).

Автомобиль — неотъемлемая часть уличной культуры. Молодые люди собираются вместе, стоят рядом со своими машинами, обсуждают их, ездят по городу с девушками. Рассказывая про отношения между юношами и девушками, почти все информаторы упоминали важную роль автомобиля: это не только показатель статуса молодого человека, но и повод познакомиться, продолжить общение («прокатиться по городу»). Личные отношения не только завязываются на улице, но, можно сказать, развиваются на ней: «Отношения заводятся чаще, и люди часто ругаются и расстаются напоказ». Девушка Д. из Москвы была поражена открытым обсуждением личной (в том числе интимной) жизни молодыми людьми: «В моем присутствии это обсуждали без какого-либо стыда и в красках».

Та же девушка Д. пересказала слова своего друга из Касимова: «Я с ними [друзьями] на один горшок ходил и готов для них все сделать и все, что им нужно, отдать». Важная часть уличной культуры — это ее "законы", а в первую очередь — правило взаимовыручки. Но чтобы найти в городе друзей, нужно проводить время на улице в компании других ребят. С., 20 лет: «Да, многие по-

падают, на первый взгляд, в "плохие компании". Но на самом деле это вызывает высокую социальную активность. Крайне редко встречается социофобия». Подростки, которые не нашли себе места в уличных компаниях, по словам П., 20 лет, идут в театральную школу, где у них есть возможность общаться с ровесниками и «самовыражаться»: «Все они повернутые, замкнутые люди без друзей. Странные ребята, которых все унижают. Нормальный парень не пойдет, девушка тоже — им это неинтересно и ударит по авторитету. Заниматься творчеством позорно, таково общественное мнение». Эти слова подтверждаются опытом общения с учащимися колледжа, стоявшими рядом со своими автомобилями и увлеченно перебиравшими содержимое багажников:

«— А есть в городе творческие ребята?

— Мы их называем "дебилами".

— Значит, вы кого-нибудь знаете?

— Нет, у нас таких нет.»

19-летний дизайнер-самоучка Н. Рассказывал, что интересных ему людей — единицы, «креативного класса» как такового нет: «Тут много всяких художников», — говорил Н. и показывал фотографии с местной выставки пожилого художника-реалиста.

Хочется поделиться историей 29-летней девушки, сотрудницы библиотеки, которая, как представляется, в юности была именно той «странной» девушкой, с которой общались неохотно. При первой же возможности она выезжала из Касимова, чаще в Рязань, посещала все концерты классической музыки в области. По словам девушки, ей в Касимове «очень тесно», но конкретных планов смены места жительства на момент разговора у нее не было. Все друзья, которые были, давно переехали. Особенно запомнилось, как молодая женщина подробно расспрашивала про московскую библиотеку им. Достоевского, о которой она слышала на конференции; особенно интересовал вопрос, почему эта библиотека пользуется такой популярностью. Девушка произвела очень приятное впечатление, но в отличие от большинства своих ровесниц она одинока и не замужем.

Отдельно стоит сказать, что в Касимове подростки начинают выпивать лет в 13 и, по словам большинства наших информантов, «пьют все»; объясняли нам это тем, что «больше здесь делать нечего». Алкоголь употребляют в компаниях или в одиночестве, от скуки или чтобы повеселиться — поводы, казалось бы, разные. Молодой человек 20 лет, страдающий от алкогольной зависимости второй стадии, говорил, что начал пить от скуки, продолжил — из-за ненависти к людям и городу, хотя при этом сам рассказывал, что "вырос на улицах" и знаком со всеми молодыми жителями города. О внутреннем конфликте, вызванном, с одной стороны, неприязнью к сверстникам и их образу жизни, а с

другой стороны, неизбежными контактами с этими людьми, часто тесными, говорил не только этот молодой человек. Практически все информанты высокомерно и оскорбительно описывали своих ровесников, делая акцент на том, что казалось им особенно постыдным и «некультурным». Ни один информант не отозвался хорошо о так называемом «большинстве», каждый рисовал картины тотального упадка нравов и полуживотной жизни.

Как получается, что молодые люди, спивающиеся со скуки в родном городе с чувством отвращения к происходящему вокруг, продолжают жить по такому сценарию? Сами информанты объяснили это так:

1. Дети до 12-13 лет посещают многочисленные кружки и секции; когда обучение заканчивается, подросткам нечем заняться, нет интересных им образовательных и развивающих программ.

2. Отсутствуют «умные» люди рядом, которые могли бы послужить примером, заинтересовать чем-то.

3. «Плохое качество школьного образования не способствует появлению интересов и развивающих занятий».

4. «Потому что родители такие же».

5. Никто не поддерживает начинания молодежи. Например, музыкантов, актеров, художников никто из меценатов поддерживать не будет. (На вопрос: «А кто-нибудь пробовал искать поддержку?» ответили: «Они [молодежь] и не думают, что можно ее найти. Денег никто не даст».)

Возвращаясь к вопросу "Почему Касимов кажется таким мертвым городом", можно предположить, что не последнюю роль в этом играет пассивная позиция молодых людей, привыкших воспринимать свой город как неблагополучный.

Н.В. Крюкова

Некоторые аспекты конструирования смысла жизни и жизненных ценностей в актуальном армянском дискурсе (Первичный анализ материалов двух экспедиций в Армению)

В августе 2015 года и в январе 2016 года состоялись две экспедиции исследователей Центра социальной антропологии РГГУ в Армению. Первая экспедиция была задумана как одна из составляющих научно-исследовательской работы по проекту РГНФ «Конструирование смысла жизни: реальность и ее восприятие в России и сопредельных странах (социально-антропологическое исследование)» (№ 15-01-00445). Участники экспедиции — преподаватель Цен-

тра М.Е. Кабицкий, магистранта второго курса Д.Е. Грач и автор настоящей статьи — видели свою задачу в том, чтобы попытаться выяснить, каким образом люди конструируют смысл жизни, проявляется ли этот конструкт в их повседневной деятельности и, если да, то как и в чем. Вторая экспедиция проходила в январе 2016 года в рамках подготовки нашей квалификационной магистерской работы и была сфокусирована на изучении повседневной жизни армян, проживающих в сельской глубинке, их жизненных ценностях и представлениях о счастье и благополучной жизни. Исследования проводились методами включенного наблюдения и глубинного интервью; всего в ходе двух экспедиций было опрошено 78 респондентов в возрасте от 17 до 97 лет. Во время второй экспедиции проводилась съемка документального фильма о жизни современного армянского села.

При планировании полевой работы, мы предположили, что вероятнее всего, мировоззрение, устремления и представления людей, живущих в большом городе — центре активной социальной и экономической жизни — будут существенно отличаться от представлений людей, живущих в сельской глубинке, где, как мы надеялись, еще есть шанс встретить остатки классической этнографии, где традиционные ценности не подверглись полной эрозии и продолжают играть определяющую роль в жизни простых людей. Соединительным звеном между этими пунктами, по нашему мнению, мог быть малый город. Исходя из этого, работа проходила в крупнейшем городе Армении — Ереване (население 1,068 млн чел.), малых городах Дилиджане (Тавушская область, население — 18 тыс. чел.) и Апаране (Арагацотнский марз, население 6 600 чел) и одном из горных сел Апаранского района (село Лусагюх, 870 жителей).

Апаранский район как нельзя лучше подходил для проверки наших предположений относительно разницы в мировоззрении жителей большого города и сельских поселений, поскольку считался и продолжает считаться не представляющей интереса частью страны, где, по эмоциональному замечанию одного из информантов, «...ничего не происходило и не происходит вот уже лет двести...» (ПМА, 2016)¹. Город Апаран расположен примерно в 60 км на северо-запад от Еревана, у восточного подножья горы Арагац. Главной достопримечательностью Апарана и окрестностей является сама гора Арагац — ныне самая высокая точка Армении. В советские времена город был значительным экономическим центром, четыре крупных предприятия обеспечивали хорошо оплачиваемой работой жителей окрестных сел. Ныне — это небольшой провинциальный городок со всеми типичными для современной Армении проблемами: безработицей, высоким уровнем миграции, низким уровнем жизни.

¹ Далее будут указываться только инициалы респондента, возраст и/или место записи.

Примечательно, что жители Апарана и его окрестностей традиционно служат излюбленным объектом насмешек, и существует множество анекдотов про апаранцев. Если в анекдоте фигурирует недалекий, несообразительный или ленивый армянин, то это, неизменно, апаранец. Надо ли говорить, что тем, кто столь иронично отзывался об Апаране даже в голову не приходило, что можно захотеть жить в подобном месте или же туда переехать. Наоборот, они были уверены, что, если по воле жестокой судьбы тебе пришлось родиться в Апаране или где-то рядом, то лучшее, что ты можешь сделать — это выбраться оттуда как можно скорей. Именно это, по рассказам респондентов, с успехом сделали многие выходцы из этих мест:

«В Армении сейчас у власти два клана олигархов: карабахские и апаранские... Как выбрались отсюда, так и возвращаться не хотят, ничего тут не делают, раз в год столы накрывают и все!» (А., 44 г., с. Лусагюх).¹

Местные жители, соглашаясь с общепринятым мнением о скучности и неинтересности родных мест, тем не менее гордятся своей землей и своими предками, которые, по словам одного из респондентов *«с вилами турок прогна-ли и отстояли всю страну, хотя сами и не поняли, как у них это получилось!»* (Г., 33 г., с. Лусагюх)².

Совершенно иное отношение у армян мы отметили к городу Дилиджан. У нас сложилось впечатление, что любой армянин, которого сами армяне считают разумным и стоящим на пути прогресса, просто обязан мечтать о Дилиджане, стремиться иметь в этом городе если не дом, то хотя бы возможность регулярно приезжать туда на отдых. Дилиджан считается гораздо более престижным местом для жизни, чем, например, Севан, несмотря на то, что курортные возможности последнего показались нам гораздо более очевидными.

Престиж Дилиджана еще более возрос после того, как было решено сделать город финансовым центром республики. В последние годы ведутся актив-

¹ Имеется ввиду ежегодный праздник в Апаране — «Старый Новый год», который проходит в ближайшее воскресенье после 13 января. На главной площади рядом с муниципалитетом накрываются столы с традиционными блюдами и напитками различных регионов Армении, устанавливается эстрада. Угощения для всех желающих и праздничный концерт со звездами армянской эстрады спонсируются богатыми апаранцами, которые приезжают на праздник в родной город вместе со своими семьями.

² Баш-Апаранская битва — вооруженное столкновение между вторгнувшимися на территорию Армении турецкими войсками и армянскими регулярными частями, произошедшее 23—29 мая 1918 года. Серьезную поддержку армянской армии в бою с превосходящим бо-лее чем в 3 раза по численности войска противником оказали ополченцы из окрестных сел. В ходе боёв турецкие войска были разбиты и отброшены к западу от Баш-Апарана, угроза взятия Еревана и захвата страны была ликвидирована. В честь этой победы и в память о по-гибших героях в городе установлен величественный монумент.

ные капиталовложения состоятельных зарубежных и местных инвесторов в инфраструктуру города, построена международная школа и кампус. Мы отметили, что некоторые представители высшей прослойки ереванского общества с удовольствием приезжают в Дилиджан отдохнуть на выходные или даже просто поужинать в местный речной ресторанчик, запросто проделав путь в 70 км в конце рабочего дня.

Как уже упоминалось выше, было решено остановиться на методе структурированного глубинного интервью, как основном методе исследования. Были разработаны блоки вопросов для обсуждения с респондентами. Вопросы затрагивали как довольно общие и отвлеченные темы: в чем заключается смысл существования человека на Земле, или что в религии, исповедуемой респондентом, он считает для себя наиболее ценным, так и вполне конкретные, к примеру: в какие моменты респондент ощущает себя счастливым, от чего получает удовольствие в жизни, чего не хватает, чтобы чувствовать себя довольным. Во время второй экспедиции список вопросов относительно индивидуальных ценностей был расширен с целью более детального изучения личностных ценностных ориентаций.¹

Возрастной состав респондентов не был жестко ограничен; было решено опросить представителей максимального числа возрастных групп, чтобы выяснить, если ли особенности в представлениях и мировоззрении респондентов, которые были бы связаны непосредственно с возрастом. Нам удалось пообщаться как с совсем юными респондентами, так и с представителями старшего поколения весьма преклонного возраста: самому пожилому респонденту весной 2016 г должно исполниться 97 лет.

Многие респонденты, услышав о цели исследования поначалу выражали недоумение и недоверие. Мы отметили, что люди были не готовы вести философские беседы на абстрактные темы; они стремились к живому обсуждению простых и понятных им вопросов. Фраза «Мы приехали узнать, как живут люди в Армении» оказалась универсальным ключом к любому собеседнику, она сразу устраняла все возможные препятствия в общении, поток армянского жизнерадостия и темперамента обрушивался на исследователей мощной силой бурлящего Аракса.

На вопросы о смысле жизни, счастье и главных жизненных ценностях, респонденты ожидаемо отвечали вполне традиционно. Абсолютное большинство опрошенных на вопросы: «Что для вас самое ценное в жизни?», «В чем, по вашему мнению, заключается смысл жизни» давали быстрый ответ: семья и дети. Однако, последующий анализ нарративов и сопоставление его с наблюдае-

¹ Вопросы для опроса составлены на основе методики Соломона Шварца.

мыми во время экспедиции реалиями жизни в Армении, позволил выявить некоторые, по нашему мнению, глубинные аспекты мировоззрения армян, которые, с одной стороны, дополняют классическую базовую конструкцию «дом-семья-дети», а, с другой стороны, смещают с нее фокус в ином направлении.

«В Армении люди буквально выживают» — вот основной эмоциональный лейтмотив почти всех интервью, независимо от возраста, пола и места жительства респондента. Оценки людей старшего поколения, проживших большую часть жизни в Советском Союзе, и привыкших к определенным жизненным стандартам и ценностным установкам, мало отличались от оценок тех, чье детство и юность прошли в независимой республике в условиях становления свободных рыночных отношений. Рассказы и тех, и других представляют собой жалобы и отличаются лишь степенью эмоциональности и акцентами, которые расставляют респонденты. Вот типичные примеры начала беседы:

«Не живет народ в Армении, выживает.» (Р., 63 года)

«Народ в Армении плохо живет.» (А., 21 год)

«Эх, Наташа, народ в Армении просто выживает!» (А., 47 лет)

«Да, как живут! Плохо живут!» (Г., 33 года)

«Сейчас, понимаете, фактически выживают!» (А., около 60 лет)

«За последнее время в лучшую сторону совсем ничего не изменилось, и даже свет не виден в конце тоннеля, чтобы что-нибудь хорошее было. Еще не видно света» (Н., 63 года).

Говорившие это, как правило, имели ввиду и себя, что становилось понятным из дальнейшей беседы. На вопрос, почему народ живет плохо, большинство респондентов давало однотипный ответ: потому, что нет работы.

«Работы нет, раньше в Дилижане были заводы, было 35 тысяч человек, сейчас тысяч десять. Уезжают все, работы нету.» (Н., 63 года)

«Работы нет, была бы работа — всё было бы хорошо.» (А., 21 год)

Среди опрошенных в городах все респонденты, кроме одного, тем не менее имели полную или частичную занятость. Многие совмещали несколько мест работы. Несколько опрошенных работали не по специальности: девушка, несколько лет назад окончившая институт с дипломом социального работника редкой специализации, мужчина, владелец кафе, таксисты — в прошлом рабочие и инженеры на заводах.

Иную картину мы увидели в сельской местности. Основную часть опрошенных летом составили женщины. На момент нашего посещения в августе 2015 года в селе находились в основном женщины, дети, подростки, пожилые

люди, а также те, кто приехал навестить родственников. Большинство местных мужчин — мужей, сыновей, братьев — отсутствовало. Они находились на заработках, в основном, в России.

Жители села, в котором проходило исследование, живут, главным образом, за счет натурального хозяйства, держат домашних животных (как правило, минимум 2 коровы, небольшое поголовье баранов, куры, утки, гуси), выполняют тяжелую работу на огородах и в полях. Натуральное хозяйство держится в основном за счет женского труда. (о жизни семей см. *Варданян и др.* 2012: 518). Некоторые жители села имеют возможность излишки молочной продукции продавать в городе, как правило, в Ереване, и за счет этого имеют хоть какой-то денежный доход. Денежный доход также складывается из сумм, пересылаемых мужчинами из России. В селе, в котором из зарегистрированных 847 человек фактически проживает около 600, сейчас 30 рабочих мест, обеспечивающих небольшой, но стабильный доход: 25 мест — это учителя и работники в сельской школе и фельдшерском пункте, остальные 5 — в сельской администрации. Порядка 25 домов брошены, хозяева покинули село навсегда. В советский период в селе был средне-убыточный, обеспечивавший всех желающих жителей хорошо оплачиваемой работой, животноводческий совхоз. В 90-е годы попытки создать на месте совхоза кооперативное хозяйство не увенчались успехом, имущество совхоза, земли и скот были распроданы или сданы в аренду жителям села. (об особенностях приватизации в Армении см. *Абрамян* 2008: 56). По ситуации на январь 2016 года абсолютное большинство жителей села является безработными.

«Нет рабочих мест, зарплаты нет нормальной, весь день стоят за прилавком, а платят 60-75 тыс. (драмов)»¹ (Р., Ереван).

«Любую работу готов делать, даже черную, чтобы прокормить семью.... Работаешь, работаешь, а тебе дают 3000, что на них купишь? А у тебя нет ничего, вынужден соглашаться» (Н., Дилиджан).

Отсутствие работы, которую респонденты характеризовали как «нормальную», или «постоянную», «достойную», «перспективную», «хорошую», «хорошо оплачиваемую» называлось в качестве основной причины неудовлетворенности жизнью. Отсутствие достаточного количества денег в большинстве нарративов указывалось в качестве следствия отсутствия работы. «Достойная» работа, по мнению большинства опрошенных, означает работу не только

¹ Драм — национальная валюта РА. По курсу на январь 2016 года 1 российский рубль соответствует приблизительно 6,3 драмам. О динамике средней зарплаты в Армении см. *Kharatyan* 2007:64.

хорошо оплачиваемую, но и перспективную. Такая работа является, по их мнению, обязательным условием благополучия и счастья.

В ходе проведения опросов стало очевидно, что «работа» — особая ценностная категория для армян, она обладает не только практической пользой, проявляющейся в виде необходимого для жизни количества денег, но также является символом полноценности самой жизни. Не всякая работа, по мнению опрошенных, обладает одинаковой символической ценностью. Вот, что говорят респонденты-мужчины:

«Нужно много работать, чтобы иметь деньги, в Армении ты не можешь работать в каком-то одном месте и быть довольным. В Армении так нельзя. С другой стороны, это плохо потому, что ты много работаешь, чтобы достичь именно в финансовом смысле... это как-то уже чересчур становится... как-то не удается сосредоточиться на конкретной теме». (А., Ереван)

«Я не доволен своей жизнью. Если бы у меня не было второй, третьей работы, на нашу академическую зарплату и недели не проживешь... очень устаешь, в трех местах работаешь и еле-еле успеваешь — столько работаешь! И не можешь позволить себе отдыхать» (Р., Ереван).

«Работаю охранником два раза (в неделю), 3 дня на строительстве, еще водителем подрабатываю, тогда нормальная зарплата получается, средняя». (Х., Апаран).

«Здесь процентов 80 или больше не успевают зарабатывать свой ежедневный хлеб. Они б хотели, но нет такой возможности, чтобы человек пошел на работу, отработал свое и всё — свободное время, захотел — пошел туда-сюда» (А., Дилиджан).

«Работаю в двух местах, а с этого еле держишься, не живешь как положено» (Н., Дилиджан).

Необходимость работать в нескольких местах за небольшие деньги оценивалась респондентами-мужчинами негативно и воспринималась как несоответствие фактически получаемого результата затраченному времени и физическим усилиям. Это несоответствие выражается, по замечаниям респондентов, не только в размере заработка, но и в растущем чувстве несвободы, усталости, в ощущении суеты. Невозможность зарабатывать и обеспечивать достойную жизнь семьи вызывает у армянских мужчин, по наблюдениям исследователей и откровенным рассказам самих респондентов, смесь чувства вины и стыда, ощущение униженности, уязвимости и второсортности, что, вероятно, не соответствует представлению армянских мужчин о собственном статусе и входит в

конфликт с чувством удовлетворения от жизни и чувством внутреннего комфорта.

В целом, доступ к работе для армянских мужчин — это, очевидно, не только способ получить определенный или высокий статус, сколько, в целом, возможность занять какое-то место в меняющейся социальной иерархии постсоветского армянского общества. Большинство опрошенных мужчин, как мы отметили, не ощущает себя надежно включенными в какую-либо профессиональную или корпоративную сеть, дающую опору и уверенность в завтрашнем дне.

«В Дилиджане ... все приходит в упадок, есть некоторые постройки — Международная школа, банк, но это никак на город не влияет. Простому человеку ничего с этого нет». (А., Дилиджан).

«Построили Центральный банк — самое большое здание, но, например, из Дилиджана там никто не работает, всех работников банка привезли из Еревана. Работают уборщиками (дилиджанцы), не специалистами... Я очень хочу там работать, но нет там знакомых.... ощущения такие, что ты человек второго сорта, никому не нужен.... И тебе обидно, что это твой родной город, что-то строят и ты радуешься, наконец-то, думаешь, будет что-то и у тебя, но тебе говорят "нет!" Вообще "нет"» (Л., Дилиджан).

«Сейчас я зам руководителя отделения (банка), но это не гарантия совсем (что станет управляющим отделения), что нет у него племянника или знакомого, который придет (и займет место управляющего), хоть у него и нет нужных знаний таких, чтобы управлять людьми, но им это все равно!» (Т., Дилиджан).

У представителей старшего поколения данный конфликт усиливается, по нашим наблюдениям, также постоянным сравнением между тем, что «было» (при Советском Союзе) и тем, как «стало»:

«Мы все жили в Советском Союзе на зарплату, могли себе позволить с детьми куда-то ездить, вывозили их в Москву, Ленинград, Прибалтику». «Куда хотите ездили! Куда хочешь! Проблем вообще не было! На одну зарплату!» (Р., Ереван)

«Тут на селе совхоз был, все работали, ездили в город, там было 4 завода! Все в семьях работали: и мужчины, и женщины и даже старики. Очень хорошо жили! Я дояркой работала, получала 300 рублей. Всего хватало, деньги в банк откладывали. (С., с. Лусагюх).

«Я на заводе в городе работал и «шабашкой» подрабатывал еще на строительстве. Вот, есть заказ, идешь в поликлинику, в карточку медицин-

скую вставляешь 5 рублей, врач тебе больничный на неделю выписывает. За неделю как раз и делаешь. 1000 рублей в месяц выходило. А сейчас? Вообще ничего!» (А., с. Лусагюх).

«Двести сорок рублей зарплата была у мэнэсса, и еще и оставалось... И в бар, и в ресторан спокойно ходили, представляешь? И еще и оставалось! В Сочи ездили семьей отдыхать, представляете?» (А., Ереван).

«Правительство сытое народ не слушает! Дорвались до власти, а народ пусть копается в мусорных баках! Когда-нибудь такое было в Армении? Когда-нибудь такое было, чтобы попрошайки были на улицах Еревана? В советское время Ереван был настолько индустриально и культурно развитый город! И, вообще, Армения настолько процветала на фоне других республик — не всех, конечно, Прибалтику я не беру... Народу приезжало столько! Командировочных... Отсюда вывозили все, что хотите, что называется сетками, вот, эти консервы, которые стояли на полках, армяне в жизни их не покупали... У нас такие крупные были предприятия всесоюзного значения, заводы, и мы все нормально жили» (А., Ереван).

Для армянских женщин работа напрямую не связана с реализацией и поддержанием собственного статуса в социальной системе армянского общества. Положение женщин традиционно определялось и, как мы заметили, продолжает определяться опосредованно, через мужчин, несмотря на значительные социальные сдвиги, произошедшие, как в советские времена, так и в годы обретения независимости в условиях экономического кризиса и развития так называемой «женской экономики»¹.

Отсутствие возможности работать в родном городе, в селе, гонит мужчин на заработки за границу, как правило, в Россию. Практика сезонных миграций существовала в Армении и в советские времена. Однако, в прежние времена миграция носила добровольный характер и была в большей степени мотивирована стремлением к более состоятельному образу жизни и к более адекватному выполнению мужчинами своей гендерной роли, требовавшей вкладывания значительных средств во взаимообмен в широко разветвленной сети родственных связей. В постсоветский период причиной трудовой миграции становится выживание. В последние 10—15 лет, это явление приобрело характер националь-

¹ Влияние трудовой миграции на экономику Армении уже давно стало предметом локальных и международных исследований (см. в частности Галстян 2015: 174), а, вот, ее воздействие на семьи, оставшиеся на родине нуждается в серьезном всестороннем анализе. Некоторые данные, собранные автором в ходе двух полевых исследований, могут свидетельствовать о значительных изменениях в гендерных ролях и, казалось бы, «нерушимом» традиционном семейно-родственном укладе армянского села.

ной катастрофы, угрожающей безопасности страны (Галстян 2015: 174).

Как уже отмечалось выше, по сведениям респондентов в селе, почти все трудоспособное мужское население на момент опроса в августе 2015 года отсутствовало и находилось на заработках. По свидетельствам местных жителей, уехать из села стараются все: и только что окончившие школу юноши, и взрослые мужчины. Работают они в России пока позволяет возраст и состояние здоровья.

Для выезда используются чаще всего родственные связи, а также персональные знакомства с людьми, интегрированными в российское общество. Чаще всего именно эти люди обеспечивают вновь прибывших на заработки жильем и работой, по крайней мере, на первое время¹. На плечи оставшихся женщин ложатся все тяготы сезонной работы в поселке: работа на огороде, в саду и в поле, дойка и уход за домашними животными, сенокос, заготовки на зиму, а также домашняя работа, поддержание и ремонт дома, забота о детях и стариках. Таким образом, женщины в добавление ко всем традиционно женским занятиям вынуждены выполнять и чисто «мужские» виды работ. Женщины привязаны к земле и домашним животным, не имеют возможности выехать из села даже на короткое время: их попросту некому заменить. Счастье этих женщин, по их собственным словам, зависит от присутствия мужей, сыновей и отцов дома. И это не только психологическое удовлетворение от присутствия рядом любимого человека, но и острая необходимость в чисто физической помощи и поддержке.

«Вот, отец приедет, тогда и будет счастье... Пока не вернется, что хорошего?» (А., с. Лусагюх).

«Вот, муж приедет, тогда я буду счастлива. Ребенок родился, три месяца назад, он еще не видел... Надеемся, что это в последний раз уехал. В Ереване будет работу искать, чтоб не уезжать снова». (А., с. Лусагюх).

«Без мужа тяжело мне совсем стало, болею, не могу все это делать одна... Вот, сын придет из армии — хотим уехать в Россию... надоело всё». (С., с. Лусагюх).

«Отец, и дядя, и братья двоюродные, и муж сестры и его брат — все уехали. Дома строят. У отца уже здоровья нет, чтоб так работать, всё равно

¹ Вместе с тем эти связи, по свидетельствам подавляющего числа опрошенных мужчин, сезонно работающих в России, являются также и основным препятствием для «хорошего» заработка и, как следствие, обуславливают нежелание многих опрошенных работать в России с бывшими соотечественниками и с армянами в целом: «Русские люди — надежные, а армяне — хитрые, обманут. С армянами больше работать не хочу» (ПМА 2016, с. Лусагюх, Апаранский р-н).

поехал.. Деньги присылает, на них живем... в Красноярске они... очень скучаю... счастье — когда все в семье, дома... Вот отец приедет, и будет счастье». (А., с. Лусагюх).

Постоянное удаленное проживание мужей и сыновей не расценивается армянскими женщинами как нечто экстраординарное. Подобная ситуация в некоторых семьях стала «хронической» и продолжается годами и даже десятилетиями. Подобное положение вещей рассматривается и мужчинами, и женщинами как неизбежное, вынужденное, безальтернативное: «Никто не хочет уезжать, но как жить-то здесь, если работы нет» (С., с.Лусагюх). Высказанное нами предположение, что мужчины совместными усилиями могли бы организовать предприятие в родном селе и работать, не покидая семьи, опрошенные женщины и мужчины категорически расценили, как невозможное. Зачастую женщины высказывали пожелание воссоединения со своими мужчинами не в родном селе или городе, а в более благополучной, легкой для жизни и счастливой, по их мнению, среде. Большинство из женщин, высказавших такое желание, считают, что такой средой является Россия.

Во время проведения второго исследования в январе 2016 года большинство отсутствовавших летом мужчин вернулось в село. По нашим наблюдениям, и в зимний период, который длится в этих местах больше полугода, практически все работы, связанные с поддержанием дома, семьи и хозяйства, выполняются женщинами¹. По согласованному мнению мужчин и женщин, мужчины домой приезжают отдыхать. Основными занятиями мужчин в селе на момент проведения исследования было общение с многочисленными родственниками и соседями, а также поиск работы и составление стратегического плана на следующий сезон. Изменение экономической ситуации в России, падение курса рубля, по оценкам большинства респондентов, делало в перспективе трудовую миграцию в Россию уже невыгодной. Однако, часть респондентов, наоборот, строила планы отъезда в Россию на ПМЖ со всей семьей.

Несмотря на то, что подавляющее большинство опрошенных нами армян воспроизводили дискурсивную модель «жалобы», мы отметили, некоторое несоответствие между ней и контекстом наблюдаемой нами жизни. За время проведения обеих экспедиций в Армении мы не видели признаков явной нищеты, о которой так часто упоминали наши респонденты. Опрошенные нами люди, несмотря на заверения, вовсе не находились на грани выживания. Подавляющее большинство опрошенных нами в городе и в селе, их дети, родственники имели современные модели смартфонов, телевизоров и компьютеров, автомобили не-

¹ О трансформации традиционных гендерных ролей см, например, Kharatyan 2007: 77.

мецких, японских и французских марок, земельную собственность, собственные дома или квартиры. Несколько раз респонденты-мужчины с оттенком гордости говорили о том, что, несмотря на то, что в семье в данный момент никто не работает, все сыты и на столе всегда все есть.¹

В процессе общения с людьми и в последующем анализе интервью стало очевидным, что за индивидуальным опытом восприятия определяется своеобразная культурная модель, усвоенная подавляющим большинством армянского общества и довольно точно в целом воспроизводимая в индивидуальных рассказах. В этих рассказах некое общеармянское культурное знание превращается в личностное знание, повторяется и присваивается индивидуальными рассказчиками, переходит с коллективного уровня на индивидуальный и обратно, обогащаясь личным опытом, пропущенным сквозь фильтр общеармянского дискурса.

Постоянно воспроизводимый информантами бином «было-стало», по нашему мнению, указывает на одну из опорных точек этой имплицитной модели. Уровень жизни в советской Армении, по свидетельствам наших респондентов и мнению исследователей, был во многом выше уровня жизни большинства советских республик, за исключением разве что Прибалтики (Тер-Саркисянц 1998: 357). Стремление армян к предпринимательской деятельности, их более высокий жизненный стандарт и обеспеченное материальное положение, которое во многом было результатом присущего армянам трудолюбия, предприимчивости в сочетании с достаточно разумным и бережливым потреблением, а также с традицией всегда думать о завтрашнем дне, на фоне общих социально-экономических трудностей нередко становились причиной межэтнических конфликтов в период массового переселения армянского населения, в частности, на территорию России в период распада СССР. В условиях энергетического и экономического кризиса, войны, экономической блокады уровень жизни в самой Армении резко снизился и сравнялся с уровнем жизни большинства постсоветских государств. Однако, только сам факт контраста между тем, «что было» и к чему привыкли, и тем, «как стало» является, по нашему мнению, причиной жалоб информантов, независимо от возраста и уровня достатка. Мы полагаем, что в рассказах информантов проявляется глубинная структура армянской культурной модели, которую можно охарактеризовать как потребность

¹ По нашим наблюдениям в селе, основная часть потребляемых в зимний период продуктов заготавливается женщинами в летний период. Молоко и молочные продукты на столе — также результат, большей частью, ежедневного женского труда. Излишки молочной и сельскохозяйственной продукции раз в неделю женщинами вывозятся в Ереван на продажу, для этого арендуется специальный автобус (практика в с. Лусагюх), на обратном пути на заработанные от продажи средства закупаются мешками мука, сахар, стиральный порошок и другие необходимые в быту промышленные товары.

в движении, как стремление к развитию, стремление к наполненности / заполненности.

«Мы, вот, молодые, например, хотим куда-то пойти. Зарплата 100 тысяч, но и некуда пойти! Куда пойти? Что делать? Куда развиваться? На работе больше получает твой шеф, и всё! Уже некуда развиваться. В Ереване еще есть возможность, 150, 200 тысяч получать и люди растут. И ты хочешь работать, расти, но ты не можешь, если хочешь» (Л., Дилиджан)

«В Ставрополе была, в Нижнем Новгороде была. Там все есть. Развивающиеся города, все есть. А в нашем городе нет, развиваться некуда.» (Т., Дилиджан)

Постоянно звучащая в интервью тема потребности развиваться, по нашему мнению, отражает особенности армянского мироощущения. Как правило, движение задается наличием цели, оно определяет и его вектор.

«Надо сохранить заполненность. Все время больше хочешь, карьеру. Это бесконечный процесс. Счастье — это работа и активность. Спокойствие — это опасность: ты думаешь, что всё закончилось уже». (А., Ереван)

«Вот, сначала главная цель у меня была — это дом сделать. Я много работал... Я сам, все сам, мне никто не помогал... Я себе такую цель поставил... Сначала дом сделал, потом третий этаж, отделку сделал сам... Нельзя останавливаться, надо делать, развивать». (А., Ереван)

«Если есть цель, ты этого достигаешь, и я чувствую себя счастливым. Доволен собой — счастлив». (А., Ереван)

«Работа — смысл жизни. Женщина, которая доит корову — она тоже счастлива, она заполняет этим свою жизнь. Каждый делает что-то свое» (А., Ереван).

«Вот, я тут людям из Москвы рассказываю, какой у нас тут смысл жизни, когда у нас все предприятия стоят!» (А., Ереван).

«Смысл жизни есть, конечно есть! Без цели нет смысла в жизни. А человек должен работать, сам над собой и должен дело хорошее делать окружающим — немножко радости, хотя бы радости. Это тоже смысл, ради этого можно жить, я думаю. Если день проходит, и я ничего такого не делаю, чтобы я почувствовал, что да, я сегодня это уже сделал — я тогда в этот день очень плохо сплю. Я считаю, что этот день для меня зря прошел» (А., Дилиджан).

Движение в противоположность спокойствию, развитие в противополож-

ность стагнации. Работа как возможность ставить цели и достигать их. Естественная потребность развиваться и отсутствие возможностей делать это дома, по нашему мнению, приводит армянских мужчин к буквальному движению вовне, за пределы села, города, страны. При этом формальные и неформальные связи с родиной не прерываются. Складывается своеобразная форма присутствия в своей стране, при фактическом отсутствии — проживании ее пределами; развитие за пределами родины, но активное присутствие в ее экономике в виде импорта финансов, оплаты налогов, поддержания и воспроизведении традиционных форм семейных и родственных отношений¹.

Текущая ситуация в стране воспринимается армянами как стагнация, не дающая возможности проявлять индивидуальные способности ее гражданам, реализовывать присущую каждому человеку потребность в саморазвитии. Отсюда, как мы полагаем, и тотальное принятие армянским обществом трудовой миграции как естественного и безальтернативного способа разрешения данного конфликта. Подобное отношение в обществе, затянувшийся экономический кризис ведут к постоянно растущему оттоку трудоспособного населения, по меткому выражению одного из респондентов, к «утечке мозгов и мастеров», что, в свою очередь, не может не сказаться на будущем страны.

Таким образом, проведенный предварительный анализ нарративов и сопоставление его с жизненным контекстом респондентов в городе и селе показал не возрастные, а скорее гендерные различия в подходах к конструированию смысла жизни и определению жизненных ценностей среди армян, а также выявил, по нашему мнению, то, что можно назвать общеармянской имплицитной культурной моделью и обозначил некоторые ее опорные точки. Обширный материал, собранный в ходе обеих экспедиций, нуждается в дальнейшем глубоком и всестороннем анализе.

Литература и источники

ПМА 2015 — Полевые материалы автора, собранные в гг. Ереване, Апаране, Дилиджане, Севане, с. Лусагюх (Армения) в 2015 г. (архив из 45 аудиозаписей).

ПМА 2016 — Полевые материалы автора, собранные в 2016 г. в гг. Ереване, Гюмри, с. Лусагюх (Армения). (архив из 40 аудиозаписей).

Абрамян 2000 — Абрамян Л. А. Армения и армянская диаспора: расхождение и

¹ Подобная «экстенсивная» форма разрешения социально-экономического и психологического конфликта, как нам представляется, связана с длительным и глубинным историческим опытом выживания армян за пределами родины. (детально об истории и жизни в диаспоре см., например, *Тер-Саркисянц 2005:334; Тер-Саркисянц 1998: 256; Абрамян 2000: 56, Мелконян 1988:100*).

- встреча // Диаспоры. Независимый научный журнал. 2000, N 1-2. С. 52-76.
- Абрамян 2008 — Абрамян Л. А. Глобализация по-деревенски: армянский вариант // Сельские метаморфозы. Ред. А.А. Касьянова. Краснодар: Изд. Дом «Дедкофф», 2008. С. 41-74.
- Варданян и др. 2012 — Варданян Л. М., Саркисян Г. Г., Тер-Саркисянц А. Е. (отв. ред.). Армяне. (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2012.
- Галстян 2015 — Галстян М. Миграция национальных меньшинств Республики Армения (Этносоциологическое исследование). Ереван, 2015 (на арм. языке).
- Марутян 2008 — Марутян А. Т. Лицо нищеты в Армении: основные тенденции, материалы доклада в НОФ «Нораванк», прочитанного в рамках программы Нораванковских чтений // Армения и Армянство в глобальных развитиях: современное положение и вызовы. Ереван, 2008.
- Мелконян 1988 — Мелконян Э. Л. Армянская семья в условиях диаспоры // Советская этнография. 1988. № 6. С. 98—104.
- Тер-Саркисянц 1998 — Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998.
- Тер-Саркисянц 2005 — Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в., М., 2005.
- Kharatyan H. Life Is Very Sad (Poverty In Armenia). Yerevan, 2007.

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ИСТОРИИ

А.Б.Мороз

Как зовут лешего

В июле 2014 г. во ходе экспедиции в Верхнеустькулойском кусте деревень Вельского р-на Архангельской обл. нам пришлось столкнуться с ситуацией, когда знахарка ищет пропавший в лесу скот, заблудившегося человека или утопленника посредством пения *припевки*. Вообще, пение припевок — особая часть свадебного ритуала, они поются во время застолья: жительницы деревни, не приглашенные на свадьбу, приходили *смотреть молодых* и петь *припевки*. Пели их, адресуясь ко всем присутствующим по очереди, в то время как те сидят за столом. Супругам пели вместе. По окончании пения *припевка сдается*: поющая называет в особой форме имена адресатов и просит награды.

Описанная практика не является индивидуальной. Мы знаем по крайней мере о трех знахарках, практиковавших этот обряд. Одна из старейших жительниц Верхнеустькулоя, имеющая репутацию знахарки, рассказала, что она делает:

Хто заблудитси или потеряетси так вот — дак про это-то — дак я сама хожу, припевку пою. [Какую?] А... как поется эта припевка — как жениху да невесте, только сдавать ие надо дак этому... ну, как говорится, лешему. Сходим в лес-от этот... надо на ростани идти, где вот так от дорога. На этих ростанях и петь припевку. [Что за припевка? Как надо петь?] Дак... любую, какую жениху да невесте поют... Я пою припевку “из-за лесу” [наговаривает]:

Из-за лесу, лесу тёмного,
Из-за тёмного, дремучёго
Вылетало стадо серых лебедей,
А за ними стадо белых гусей,
Серые-те гуси щиплются,
— Не щиплитесь, гуси серые,
Не сама я к вам на двор зашла,
Завезли меня добры кони Кутафьевы...

Лешего-то Кутафьем, дак вот, Кутафьем... коней зовут. Споёшь эту припевку, кода кончится припевка, дак: “Только припевочка сдавать Кутафью Кутафьевичу Кутафью Кутафьевну целовать, вам на потешки, а нам на орешки, отдайте раба божьего такого-то” и бросаешь хлеба кусок. [АЛФ].

Н.В. Петров показал, что в былинах редупликация имени — один из способов характеристики антигероя [Петров, 2007, 53-55]. Возможно, и здесь повтор одного корня есть особенность именования демона? Помимо редупликации интерес вызывает и этимология имени. Словари дают единодушное толкование: 'О тепло закутавшейся женщине' [СРНГ, 16, 430]; 'О неопрятно, неуклюже одетой женщине' [СПГ, 456; СРГС, 2, 181]; "Ближайшая этимология: «неуклюжая, безобразно одетая женщина» (Пушкин, Мельников). Вероятно, от кутать" [Фасмер, 2, 433]. Итак, словари отсылают к глаголу *кутать*, а М. Фасмер пусть осторожно, но все же дает этот вариант этимологии как единственный. Между тем предположение относительно деривации слова *кутафья* от глагола *кутать* не может не вызвать сомнений: в русском языке отсутствует соответствующая словообразовательная модель. Единственное, что могло бы повлиять на такое словообразование, — это аналогия с именем *Агафья*. Тогда теоретически возможно допустить экспрессивную деривацию с корнем *кут-* в связи с манерой одеваться и внешним видом женщины. Тем не менее, примеры, приводимые в словарях, и употребление лексемы в художественной литературе не дают нам полной уверенности в справедливости такой интерпретации. Во всех случаях примеры показывают лишь, что это слово употреблено в бранном значении, но не содержат указаний на внешний вид человека. "Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошнику" Д.Н.Мамина-Сибиряка — единственный текст, где слово употреблено как антропоним (*прекрасная царевна Кутафья*) в ироническом, но не бранном смысле. К примеру, в Словаре русских говоров Сибири дается следующий пример: "Не человек, а кутафья кака-то" [СРГС, 2, 181]. Разумеется, можно предположить, что формула *не человек, а...* не предполагает собственно противопоставления 'человек/не человек', а лишь экспрессивно подчеркивает, что человек, о котором идет речь, не соответствует общим нормам. Однако возможно и обратное: в этой формуле человеку отказывают в принадлежности к людям (ср. *понеси тебя леший*, а также ряд бранных формул, где человек прямо именуется нечистой силой [Мороз, 200]). Тогда *кутафья* может быть именно наименованием нечистой силы, например эвфемическим. Такая номинация демонологических персонажей не уникальна:

Пришла женщина в гумно. Агафья какая-то. А ей из овина-то и говорит: "Агафья, скажи Кутафье, что умерла Стогафья". Она домой-то пришла, да и рассказывает. Вот такое-то было дело. Утром встала, а там, в трубе-то, заплакало. Утром встала — а там платок атласный висит. Подарили за то, что передала эту новость [АЛФ].

Сама информантка пояснила, что имя *Кутафья* образовано от слова *кут* 'часть русской печи' (ср. 'угол в печи' [СРГК, 3, 74]; 'угол за печью'; 'кухня или

небольшой чулан с печью' СРГН, 16, 165). Таким образом, пара квазиимен *Кутафья* и *Стогафья*, несомненно, образованы по аналогии с антропонимом *Агафья* и в связи с местом пребывания соответствующих демонологических персонажей: домовый — кут и овинник — стог.

В случае со свадебной припевкой квазиимя относится не к домовому, а к лешему, что может быть объяснено утратой лексемы *кут* в соответствующем говоре.

Литература и источники

АЛФ — Архив лаборатории фольклористики РГГУ.

Мороз А.Б. "Чтоб ты лихая немочь изняла!" // Русская речь, 2000, №1.

Петров, 2007 — Петров Н.В. Вахрамей Вахрамеевич против Идолища: закономерности в образовании былинных имен // Традиционная культура. 2007.

СПГ — Словарь пермских говоров. Вып. 1. Пермь, 2000.

СРГК, 3 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3. СПб., 1996.

СРГС, 2 — Словарь русских говоров Сибири. Т. 2. Новосибирск, 2001.

СРНГ, 16 — Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л., 1986. С. 166; Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 16. СПб., 2004.

Фасмер, 2 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2.

Е.П. Стрельцова

К семантике слова "шалыган".

По материалам экспедиций ИФИ на юге Архангельской области

О «шалыганах» (*шарыганах*, *шуликунах*, *шулюканах*) как о демонологических персонажах уже писали Д.К. Зеленин и Н.И. Толстой. В своих статьях исследователи рассматривали этимологию слова, происхождение данного существа, его внешность, место обитания. В этой работе на материале, собранном экспедицией ИФИ на юге Архангельской области, можно увидеть попытку охарактеризовать семантику слова «шалыган» на указанной в теме территории.

В значении «мифологический персонаж» это слововстречаются в селах Низовье, Верхнеустькулой, Ракуло-Кокшеньга, Пакшеньга, Хозьмино Вельского р-на, Саунино, Абакумово, Рягово, Архангело, Лекшма, Ошевенск, Усачево Каргопольского р-на.

Про персонажа известно, что он живет в воде и на суше появляется только в Святки, во время которых бедокурит, ходит вместе с ряжеными по домам, а затем опять исчезает в Крещение. Если в этот период оставить вещь, не перекрестив, то ее заберет *шалыган* как свою добычу, поэтому люди часто пытались обезопасить себя от влияния *шалыганов*, так, например, в последний день Святков люди «закрещивали» окна и двери.

А Святки те шулых... у меня мама скажет шулых... шулыгинов надо выгнать. *Снарядихи-те бегают, так шулых... шулыгинами зовут.* [Это снарядихи шулыгины?] Да, да, да, да, да. [Их надо выгнать из дома?] Да. А какие шулыгины народ бегают, дак... дак ведь никто, а народ. А ма скат [мама скажет]: "Девка, сходи воды-то святой принеси, шулыганы". Бегала тожэ, дак шулыгинов выгонять [Каргопольский р-н, Река, 2000].

Вторично он осмысляется в специальных шуточных текстах, которые произносили девушкам/девочкам накануне крещения: "Выносите мутовки, *шалыганы* поедут (то есть будут уезжать в конце Святков) — шелку намотают. И потом наматывали что-то на мутовки или оставляли какие-нибудь подарки.

[Кто такие шуликуны?] *Шалыханы* были. [Говорят, они могут что-то намотать?] Это, деточки, шутейное, наверное. Потому что эти *шалыханы*... Я помню, бывало, мама мне все говорила... Эти *шалыханы* едут последний день Святков. Это значит, Святки бывали всегда на... на Крещение, на девятнадцатого числа января приводились эти *шалыханы*. Дак она мне, бывало, говорит: «Ой, седня, Зинка, *шалыханы* поедут, дак... Наставила, это самое, жердей-то бы... не... а... островей». [Островей?] Островей. «Наставь, — говорит — островей-то, дак тебе, — говорит, — навешают, шелковья навешают!». Вот я и таскала островья от гумна. А в основном, островья были у гумна-то. А островь — это такая с сучьями и с... не совсем, а... это самое, обрезанная. На ей много... В общем, на каждом суставе сучки немножко обрублены и оставлены. На ни... на этих островьях сушили раньше горох э... сушили сено — ну, чтобы продувало, стога ставили. Вот я эти стога... э... островья таскала из-под горы до гумна. Наставила в завор, вот так же завор был, как и ра... и сейчас. Наставила этих островей в завор, уселась в уголке и сижусь. Зима, холодно. Мама и говорит: «Иди давай, это самое, полно сидеть, замерзнешь, иди полежи на печке, дак и еще сходишь посидишь. Погрейся на печке». Ну я, естественно, на печку улеглась, да и угрелась, да и уснула. Они мне утром навесили портянок [смеется]. На эти островья. Навесили портянок. Утром меня будят и говорят: «Ой, Зинка, бедные, видно, *шалыханы* приехали. Погляди-ко, какие, что они тебе навесили-то: одни портянки!» [Смеется]. Вот так. Шелкова... шелковья никто не навешал. Одни портянки. [Вельский р-н, Ракуло-Кокшеньга, 2012].

Мутовки те выбрасывали. Бывало, тётушка мне сказала: иди-ка мутовку выбрось на поленицу, положь, да [...] шулыхун шёлку наматает [Каргопольский р-н, Лекима, 1998].

Можно предположить, что данный сюжет образовался благодаря созвучию слов: «шелк» — «шуликун» и «мутовка — мотать» (в особенности с учетом распространенного в ряде сел диалектного произношения слова *мутовка* с закрытым О в корне: *мóтовка*). Завершением формирования обычая ставить мутовку на дороге стал сюжет «поехавших шалыганов».

Этот мифологический персонаж несет в себе сезонный характер, то есть он появляется только зимой в период Святков. Фраза «Шалыганы поехали» произносится в Крещение, что означает конец Святков (то есть шалыганы уходят вместе со Святками). Во время того, как *шалыганы* едут, что часто сопровождается какими-нибудь природными аномалиями (метель, сильный ветер), они наматывают шелк на стоящие мутовки (именно поэтому их надо ставить у дороги). Также можно предположить, что не *шалыганы* наматывают шелк и оставляют подарки, а мутовки что-то зацепляют, когда те проносятся мимо.

Мутовки те выбрасывали. Бывало, тётушка мне сказала: иди-ка мутовку выбрось на поленицу, положь, да [...] шулыхун шёлку наматает. [Каргопольский р-н, Лекима, 1998]

Святки выступают, с одной стороны, в значении синонима к слову «шалыган», то есть бесу, а с другой — названия периода; это можно увидеть как в устойчивом выражении «Святки поезжают», так и в текстах приговоров, используемых при гадании:

Чертица ходили зимой ходили как дорога штоб была на ростанях — в Святки ходили гадать, чертица: "Черти, вы черти, по кругу три чёрта, в кругу нет ни ково, стань горой каменной от востока до запада, востроголовому Святку не пройти не проехать". [Гадали] ну, там, как полоз заскрипит, да с какой стороны заскрипит — значит туда и взамуж. Или колокольчик забрякает, значит в этом году замуж выдешь. Доски теишут — к покойнику [Каргопольский р-н, Бор, 1996].

Этот персонаж тесно связан со святочными гаданиями. Например когда ставили мутовки накануне Крещения, то примечали, что у кого мутовка первой упадет, тот первой замуж и выйдет. Получается, с процессом установления мутовки в последний день Святков, когда *шалыганы* должны были проехать и оставить подарки (навить шелка), было еще связано и гадание.

[А что на Святки делали?] Против Крещенья, кто на горку пойдут, кто гадают, конюшни рядом, дак дровни, бани, все выдерет, утянет. Ну, а вот мутовки-то, придет Крещение девятнадцатого, и восемнадцатого мы пойдём. Давайте мутовки ставить, а кто поленья ставит, кто мутовки. Шулыхуны

поедут. [Кто это?] Дак ведь черти-то, что кончается Святки-то, дак ведь в последний день черти бегают, вот свои мутовки на дорогу ставят девки, нам шелку дак, да какой шелк? Кто поленья ставит, дак у кого раньше полено упадет, тот раньше замуж выйдет [Каргопольский р-н, Лядины, 1997].

Люди рассказывают, что в момент предсказания будущего рядом с гадающими ходят шалыганы. Можно говорить о шалыганах как о персонажах демонологии, потому что гадания проходят в Святки, в период активности нечистой силы, то есть шалыганов, как бесов святочного периода. Рассказывали и про гадание со шкурой, во время которого произносятся слова, где возникает шалыган под другим именованием: «Стань черта камня, от востока до запада, чтобы ни пройти ни проехать ни пешему, ни конному, ни святку востроголовому (иногда говорили, что шалыганы носят остроконечные шапки).

Шилыхуны? Ну тоже одевались как-то, шапки таки наложат. Один притворяется, ну это как... вот шулыкун пришёл. Та же снарядиha, только один как — под вид клоуна, што ли. Один-двое наденутца, шапки такие сделают [Каргопольский р-н, Рягово, 1998].

Наряду с мифологическим персонажем слово «шалыган» имеет и другие толкования, например, слово обозначает ряженого на Святки:

Шалыганами/шарыганами/шуликунами называли людей, которые надевали различные наряды и ходили по домам в Святки.

[А не помните такого, как нам здесь уже рассказывали, что были какие-то шулихуны?] [Инф. 1:] Я не знаю. [Инф. 2:] Шалыханы, шалыханы приехали. [Шалыханы, да. Как?] Шалыханы. [А вы сказали «шалыханы приехали»?] Ну это вот эти наряжухи это шалыганы, их и звали шалыханы действительно. Это местный диалект. Мы не здешние. Шалыханы. Я тоже слышала, что шалыханы. «Мы, -- говорит, -- как шалыханы». Но это вот эти вот наряжухи, это когда ходили, дак шалыханы здесь звали [Вельский р-н, Ракуло-Кокшеньга, 2012].

Шилыхуны? Ну тоже одевались как-то, шапки таки наложат. Один притворяется, ну это как... вот шулыкун пришёл. Та же снарядиha, только один как — под вид клоуна, что ли. Один-двое наденутца, шапки такие делают. [Каргопольский р-н, Рягово, 1998].

В Святки красиво одетые, например в старинные бабушкины сарафаны, ряженные имели прозвище «снарядих», «наряжух» (как раз в прозвищах прослеживаются те же корни, что и в словах «наряд», «нарядиться»). Шалыганами звали же тех, кто одевается в персонажей, олицетворяющих нечистую силу, то есть тех, кто выглядел страшно (надевали маски из конских волос, делали горбы и т.п.), однако встречается, что термин объединял два значения.

[А шиликунами пугали?] Так это шиликуны пугали во время святок. Ходили шиликуна. [А кто это?] [...] А, бывало, пугали ребят, специально сами наряжались. [...] [А как?] А наряжались чего-нибудь шубу на левую сторону вывернут, да какую-нибудь длинную шапку — просто робят пугали. [Каргопольский р-н, Усачево, 1998].

[Не слышали слово «шалыганы» или «шуликуны»?] Шалыханы. Шулыханы. Шулыханы — э... это ряженые. [Ряженые?] Ряженые. Шулыханы. [Эте те, которые на Святки?] Да, да, да. [Как вы сказали, они называются?] Шулыханы. Шулыханы. Это значит одевают, ну, всяко, по-всякому одеваются. И х... ходят из дома в дом. Там пляшут да это... танцуют да. А то и на зло чё-нибудь сделают. Шулыханы-то на зло чё-нибудь ещё делают. Нарядятся какими-нибудь... разн.. размалю_ются да... Лицо размалюют да. Это вот шулыханы, говорят, ходят. От шулыхан запираются даже, боятся йих, они нехорошие. А ряженые такие — поют дак... пляшут да... И чё... какие прибауточки поют дак... Тех-то пускают, а вот... шулыханов... «Ты, — гат, — как шулыхан». [Кем наряжается шулыхан?] Чертями всякими. Вот этими бесами-то они наряжаются. И рога привяжут, и хвостик привяжут к себе, как черти. Как чёртики сделаются, да. И хвост привяжут, и рожу размалюют, и всё делают... Вот... Картошину к носу прилепят ещё, чтобы нос большой был — вот, шулыхан. Шулыхан. [Так молодежь наряжалась?] Ну конечно молодёжь. Конечно, молодёжь. А раньше-то даки и пожилые, такие, ну, пожилые... ну, лет под сорок-то — тоже наряжаются, да и... и пойдут. Дак в клуб, бывало, придут, вот, напугать. Вот, там... вот шулыханы идут, вот, допустим, в клубе пляшут, танцуют. Приходят: «Ой, шулыханы идут!». Пришли шулыханы: двое в масках, на масках там чё-то нарисовано, хвосты прилепаны. Вот бли... блины будут печь сейчас. Один стоит у дверей, никого не выпускает. Другой, значит, сковороду держит. У третьего мазило какое-то в руках. А тут сажка в этой самой, сажка-то вот из печи-то. Он мазнёт тут... дак всех, кого только... Все... все прячутся, убегают. Ну, платье запачкают или тебя запачкают — вот ходят всех вот это, значит, этой... шулыханы эти мажут. Конечно, они вот как бесы, изображают из себя. Вот все и убегают от них: «О_й, шулыханы идут», поэтому и дверь закрывают. [Это называется «печь блины»?] Блины печь. У&у, это они блины пекут. «О_й, блины... шулыханы с блинами идут!» [Вельский р-н, Долматово, 2015].

В Васильев вечер молодежь ходила бедокурить по деревне. Как правило, люди просто рассказывают, что это молодые ребята шуточно вредят соседям, однако иногда святочные бесчинства связывали именно с шалыганами.

[Кто такие шуликуны?] Ну, шулыхины или шуликуны. В этот вот, в Васильев-то вечер, вот проказят-то, дак шуликуны ли шулыхины. [Это те, кто

наряжается?] Да и без нарядов, просто. Проказят, дак раз уж проказят, значит их и называют [Каргопольский р-н, Лукино, 2001].

Персонаж текстов-запугиваний из сферы народной педагогики.

Шалыганами иногда пугают детей, приговаривая при этом, что если те не будут слушаться, то приедут шалыганы и заберут их. Преимущественно это говорят на Святках детям, когда те балуются или не хотят ложиться спать. В данном случае так говорят, потому что известно, что шалыганы будут ехать в последний день Святки и поэтому пугают, что, мол, если ребенок не будет слушаться, то они его унесут с собой.

[Кто такие шулыкуны?] А тех не знаю, теми стращали ребят. Этих шулыкуных, вот только пойдешь на улицу, там шулыкуны, вот щас прибежит и тебя захватит. [На Святки стращали?] Да, о Святках стращали, ну, ребятшек маленьких. Я не знаю, у нас не наряжались эти шулыкуны. [А мутовки не клали, не говорили, что шёлку на них наматывают?] Да, это говорили тоже, говаривали всё [Каргопольский р-н, Печниково, 1997].

[А шиликунами пугали?] Так это шиликуны пугали во время святок. Ходили шиликуна. [А кто это?] [...] А, бывало, пугали ребят, специально сами наряжались. [...] [А как?] А наряжались чёво-нибудь шубу на левую сторону вывернут, да какую-нибудь длинную шапку — просто ребят пугали [Каргопольский р-н, Усачево, 1998].

[А шулыкуны кто такие?] Кто? [Шулыкуны.] [Поправляет:] Шелыкуны. А подь знай, это вроде чертей. Уж... Шлыкуны придут дак вас тожко вот... "Ужо ужо дошалишь, что шелыкуны вас заберут". А не знаю. Так вот, бытовали слова, да и всё. А сами не знают. Ой! [А мутовки в снег на святки не втыкали?] Вот этого у нас не было. [Чтоб шелыкуны шелка наматывали?] Нет, не знаю, не знаю. Может, где-то и был этот обычай. У нас — нет [Каргопольский р-н, Ягрема, 2001].

Однако бывает, что шалыган выступает в роли запугивающего персонажа вне святочного контекста наряду с бабайкой, букой, лешием, тогда становится интересно, в каком значении используется данный термин. Скорее всего, пугают шалыганом, потому что известно, что он представитель нечистой силы и обладает пугающей внешностью, говоря понятным для ребенка языком: шалыган — это некто страшный и злой.

[Кто такие шиликаны?] Шиликуны — пугали ребят раньше [...] Вот маленьких-то ребят пугали — ну ведь есть невольники все скажут: «Спи, а то шиликуны придут!» [Кто они?] Ты у меня спроси — ничего не знаю. Шиликуны — дак, наверно, страшна кака образина [Каргопольский р-н, Саунино, 1999].

[Про каких-то шулыкунов не слыхали?] Вот эти есть, шалыханы, какие-то шалыханы, шалыханы, а чё шалыханы делают, не знаю. [Как они выгля-

дят?] То же не знаю... ряженые, что ли какие. [Когда они бывают?] Шалыханы? Бабушки приговаривали, чтобы спать ребенка укласть, дак: «Вот шалыханы приедут, тебя увезут», а чего такое, шо за шалыханы? [Смеется.] Не знаю. [...][Не говорили, что они в колодце живут?] Не-а. [Или что у них какие-то колпачки на голове?] Нет, про этого ничего не говорили, знаю, что... это, маленьких ребят. [Так уговаривают спать?] Угу, угу, «Шалыханы приедут, тебя увезут». [И вас так уговаривали?] Было дело, маленькие были, давно было. [Вельский район, Ракуло-Кокшеньга, 2012].

В Святки говорят, дак шулыхуны бегают. [Кто это?] А кто его знает, мы и сами не знаем. Небольшие были, дак боялись: «У, шулыхуны — спать пойдём, дак давай спать пойдём!» Свет выключим: шулыхуны бегают [Каргопольский р-н, Казаково, 1998]

[А не слышали такого слова шарылан или шуликун?] Шарыган! Это так звали: «Вот шарыганы едут!» -- пугали челядь. [А когда они едут?] Да хоть куды! [Смеется.] Хоть куды едут, челядь пугали матки. Матки своих э... дет... детей пугали, он... на цлице [?] уже, дак: «Вон шарыганы едут» -- это прежь так кричали, нынче-то не кричат. [Вельский район, Верхнеустькулой, 2014].

Можно предположить, что в данном случае шалыган используется в значении мифологического персонажа, это иллюстрируют записи, где в первом случае шалыганом пугают, потому что он страшный как «образина», а в третьем примере — потому что фраза: «Шулыхуны бегают» указывает на то, что он принадлежит к нечистой силе. С другой стороны, во второй карточке Информант не объясняет, почему обзывают «шалыганом», что интересно по двум причинам: первая — сложно проследить, с каким из значений информант связывает слово «шалыган», вторая — фраза не осмысливается произносящим ее человеком, то есть получается, что называют шалыганом непотому, что «обзываемый» обладает какими-то качествами данного персонажа. По сути, ругательством в подобных ситуациях может послужить любое слово, поэтому существует такое большое количество аналогичных примеров (бабайкой, букой, лешим, цыган).

Стоит заметить, что иногда шалыганами пугали именно во время Святки, поэтому можно говорить о том, что запугивание, использовавшееся в определенный период вышло из узуса конкретной ситуации, став универсальным:

[А шуликунами пугали?] Так это шуликуны пугали во время святки. Ходили шуликуна. [А кто это?] [...] А, бывало, пугали ребят, специально сами наряжаются. [...] [А как?] А наряжались чего-нибудь шубу на левую сторону вывернут, да какую-нибудь длинную шапку — просто робят пугали. [Каргопольский р-н, Усачево, 1998].

«Шалыган» может использоваться в качестве бранного слова. Иногда им называют непослушных детей (здесь можно провести параллель с запугиванием детей, когда те не хотят слушаться взрослых).

[Шуликуном кого-нибудь называли тут?] [Инф. 1:] Шуляком. Тьфу ты! Шули... шуля... «Вот ш...». Шелюк, шелюк. [Это кто?] Это «шелюк неумный что-то такое сделал». «Вот шелюк-от, — говорит, — ведь, ну-ко, окошко сломал». [Инф. 2:] Шалюк, шалюк. [Что вы сказали?] [Инф. 1:] Нет, это я у примеру привела. [Инф. 2:] Нет, шалюк, это ну такой, он не очень, безобразник, ну, шалит, от слова. Ну, играет, расшалится иной раз. Это незлое выражение, это такое... [Инф. 1:] Да. [Инф. 2:] Довольно добродушное [Вельский р-н, Долматово].

Иногда данный термин использовали как бранное выражение, подходящее в принципе для любого контекста. Можно вспомнить аналогичные фразы, где называют других мифологических персонажей: лешего, черта.

[Кто такой шуликун?] Шеликун — [ругались]. Подь ты, шеликун! [Каргопольский р-н, Тихманьга, 1994].

[Вы слышали такое слово «шуликуны»?] [Инф. 1:] Шалыханы [Смеется]. [Кто это?] [Инф. 2, смеясь:] Ну-ка, рассказывай теперь, ес[л]и вът [вот] шалыхан. Эт... Это тоже кого-то так называют, какой-ни... какую-нить народность или... [Инф. 1:] Ну какой-то не... не... не... не... Непутёвый, на[в]ерно, не... Тихий, ну в смысле, нетихий, как-то так. Шалыханы. [Инф. 2:] А! Шалыхало! Шалыхало, это то есть ни два, ни полтора. Он ит... Ну начал, дак ты дальше-то чё-нить будешь делать, и он во... Дело-то не идёт, понимаешь? Правильно, шалыхало. Вот это... Вот это вот... [Ни то ни се?] Да! Так будет держать... «Неси!» — «Нет.» Вот [?] так буэт держать всё это, ну то есть не двигается. Точно, шалыхало, да. [Не говорят, что это кто-то неторопливый?] Также шалыхало. [Обращаясь к ТВП: А вы как-то сказали по-другому, а кто он?] [Инф. 1:] Ну то... Ну то, ну это в принципе-то тоже самое. [Инф. 2:] Это, наверно... [Тоже самое?] Ну да, производное, наверно, чё-то... э... Ребята, вот это... [Инф. 1:] Тоже самое... [Инф. 2:] Ну это всё равно шалыхало [Смеется.] [Инф. 1:] Шалыхало, да, а&а. [Инф. 2:] Всё... Всё равно шалыхало [Вельский р-н, Долматово, 2015].

Некоторые информанты соединяли в данном термине несколько узусов и контекстов, например, с одной стороны, относя шалыганов к мифологическому персонажу, с другой — кряженым:

[Кем детей пугали?] А у нас бывало, у меня, робята росли, парни, дак от все называли просто "шулыгины из леса идут", что от ну как называли лесно-во, шулыгины, шулыгины, шулыгини из лесу идут. Да. [Это кто такие?] Дак лесной от шо, хозяин от и есть. Иго называли ёго так шулыгины. Просто де-

тей-то пугали. [Как он выглядит?] А кто, никто вить ни видел. Называли так, и кто видел, как он выглядит. [Они на святки появлялись?] Да шулыкуны — те-то ить и ходили. [На святки?] Да. [Что они делали?] Дак там пошто будёт, робят пугали или ни пугали. Показывались или нет, робятам. [Пьяных в сугроб заводили?] Не знай... Не знаю [Каргопольский р-н, Река, 2000].

В этом примере мы видим еще один вариант местообитания персонажа.

По нашим материалам видно, что слово *шалыган* имеет несколько коннотаций, которые иногда могут быть распространены в рамках одной деревни или села. Это касается и шуточного мифологического персонажа, и роль *шалыгана* в ритуальном аспекте, и запугивание, что похоже на использование термина в шуточном контексте, и брань, формулы которой часто заимствуются из мифологической лексики. Например в Ракуло-Кокшеньге Вельского района *шалыган* является равнозначным *наряжухе* и синонимом к определениям «растрепанный» или «грязный» (ряпсоватый), а в Рягово-Лазаревской, к примеру, встречаются значения и ряженого, и представителя нечистой силы, и персонажа запугивания детей. Мы видим, что все эти именованья активно функционируют и показывают пути формирования комплекса переносных значений слова, дополняющих друг друга, а также способных быть используемыми в одном и том же топосе.

В.А. Кухтина

Пронимание через ивину как лечебная практика в Вельском районе

В двух соседних сёлах Вельского района — Верхнеустькулой и Лиходиево, — расположенных в 12 км одно от другого, широко известна практика пронимания через ивину детей для лечения рахита.

Процесс лечения, неоднократно описанный информантами, проходит так. Знахарка ищет иву — живую, не сухую, чтобы это был тонкий прутик, который растёт не в кусте, а отдельно. Затем она, не срезая иву, ножом разрезает ветку посередине, чтобы верх и низ ветки остались целыми. Ветка растягивается и получается большое отверстие. Один человек держит иву, знахарка передаёт ребёнка в руки матери (или кого-то другого) через это отверстие, затем мать возвращает ребёнка сбоку от ивы. Так ребёнок передаётся три раза. Потом от одежды ребёнка, в которой его пронимали, отрывается лоскут ткани и ива связывается. Затем следует смотреть, срослась ли ива — если ива не засохнет, тогда ребёнок будет жить. Зимой или весной, когда к ивам не пройти, пронимают

на пороге дома. Для этого срезается ива, точно так же разрезается, растягивается и вставляется в дверной проём. Её связывают лоскутком ткани, и ветку выкидывают.

Описание практики было зафиксировано как от людей, которые об этом слышали или принимали участие и лечили у неё своих детей, так и от самой знахарки — Пантелеевой Надежды Викторовны, живущей в с. Лиходиево 1970 г.р. (ПНВ). Следовательно, возникает возможность сравнить описание традиции очевидцами и «изнутри», со стороны ПНВ. Информанты описывают процесс лечения подробно, поскольку сами его видели, но с другой стороны, в их пересказе традиция некоторым образом изменяется.

Местные жители на вопрос о медицине, о людях, которые *знают*, почти всегда вспоминают именно ПНВ. Ранее пронииманием через ивину детей лечила её бабушка, передавшая знания своей невестке, а невестка передала своей дочери, то есть ПНВ. Информантам известно, о том, что она потомственная знахарка, они часто отмечают, что лечиться к ПНВ приезжают даже из-за пределов Верхнеустькулойского сельского поселения, хотя и говорят, что раньше, к бабушке ПНВ, ездили больше. Представления о народной медицине у жителей Верхнеустькулоя и Лиходиево основаны на её практике (кроме прониимания через ивину ПНВ ещё лечит от сглаза, моет детей в бане, лечит травами) и воспоминаниях о том, как лечила её мать.

1.

[МЛВ:] У нас ещё вот была в моей деревне бабушка Александра [...] ну вот, даже с Москвы приезжали к ней. Она очень рахит у детей [...] хорошо она выводила, сейчас у неё, по-мойму, передано внучке. Вот, и к внучке сейчас, но сейчас уже реже к внучке ездят, а вот раньше, я вот помню, очень много к ней народу ездило [...]. И помню [...] в поле водили, через йивину прониимали. У меня внука вот этого [в комнате сидит внук МЛВ, лет 10], но уже внучка [ПНВ] прониимала через ивину.

2.

Не откроет, да, никаких секретов, но вот детей она лечит, рахит. К ней с Москвы приезжают на машинах.

РЕК

Рассмотрим, как описывается традиция очевидцами. О том, какая ива нужна, может рассказать каждый информант.

[Любая ива?] Нет, не любую, там уж выбирала она тожо. [Как?] А выбирала уж которая наверно, не столь суковата да попрямае [...]. Ей надо, чтоб верхушка осталась целая и корень целый.

КАР

Вот эту ивину на[д]ъ расщепить пополам, раздвинуть, и вот ребёнка три раза через неё пронимают[...]. [Расщепленную ивину надо как-то держать?] Вот у нас дак в проёме дверей как-то они прикрепляли и делали. [Она ее срезала?] Да-да-да, надо сходить в поле, вот найти именно чтоб она одна росла.

МЛВ

После пронимания отрывается лоскут от той одежды, в которой был ребёнок, и ива завязывается. Однако у информантов появляется ещё два варианта:

Надо распашонку брать или чё... в чём одет ребёнок-то, там весит [вешает], оставляет. [...] Ребёнка пронимает-то, а потом [...] распашоночку весит там, куда-то, вещь какую-то надо взять, ну, распашонка или что иёное.

ДНА

То есть, в этом случае ничего не отрывается, а просто снимается и оставляется.

И её свяжет вот верёвоцкой, [...] с которой парня-то [...] перенимали [...] верёвоцка у него на руцке сделана. И в ивину-то проймут от и эту ивину свяжут этой верёвоцкой.

ЗАД

Соответственно, в этом случае на руку заранее привязывали верёвку, чтобы потом связать иву.

В процессе ПНВ говорит определённый заговор, который она отказалась рассказывать, но одна информантка запомнила некоторые слова.

И вот она пронимает и говорит: «[...] Ты мне отдаёшь больного, я тебе даю здорового ребёнка».

КТВ

Чтобы понять, будет ребёнок жить или нет, нужно проверять по иве, срастётся или засохнет.

И вот она если... пронимает через йиву, и потом ей скажет: «Вот придёшь через столько время, посмотришь: если посохло, значит недолговекой ребёнок, умрёт, а если растёт дерево, значит, человек долго будет жить.»

КТВ

В случае если при разрезании ива сломается или порвётся, то ПНВ отмечает, что это плохо, но нужно просто делать заново. Между тем, у остальных возникают дополнения, например:

[РЕК:] Режешь ножом по этой ивине, и нож может соскользнуть, например, Да, это уже вот судьба такая у ребёнка недолговечная...

[РВМ:] Вот режешь, и она соскочит — это уже худо [...]. Да, вот или режет, она трешит — тоже плохо, плохо [...].

[РЕК:] Ну как бы тяжёлое такое, ну там, может быть, вот это вот... тюрьма или что-то там.

[РВМ:] Житьё. И когда это... ребёнка проткнут, и она от ребёнка пускай ленточкой или в пелёнке ли, этой носком или маечкой — завяжот и не срастеца.

РЕК, РВМ

О том, что нужно делать со срезанной и связанной ивой, у очевидцев существуют следующие варианты.

[МГГ:] Потом раздирала распашонку, связывала и сказала, го[во]рит: «Вот, идите, эту ивину бросьте [...], опять чтобы — ива ведь хорошо прирастается — бросьте в реку». Значит, в реке эти ивина всё равно, если ребёнок жить будет, и ивина [...] примется, значит, ребёнок живой будет. [...] Зимой было, так мы — на улице-то холодно — дак мы её вырубали ходили, потом раздирали, а потом снова бросали, чтоб она потом весной прижилась.

[ВНА:] И куда эту иву, Галя, положить? К ребёнку ложили, нет?

[МГГ:] Нет. Эту ивину снова унесли, в реку бросили.

МГГ, ВНА

Здесь возникает путаница из-за существования двух вариантов практики: живая несрезанная ива должна срастись, а когда делают в доме, то ива просто выбрасывается, здесь же они смешиваются, и получаются, что срезанная ветка тоже должна срастись.

Ещё один вариант, что потом делать с веткой:

[А потом куда эту ивину?] А потом куда-то надо, я не знаю, то ли закапывать или сжигать, но что-то делать.

ЗОН

Информанты считают, что прони́мание делается один раз. Если же больше, и приезжают несколько раз с одним и тем же ребёнком, то это считается, что случай сложный.

Другой раз не по одному разу. Вот скажет, не прильнуло. Скажет, вот ещё через неделю приезжайте. И раза два-три она так это... одного ребёночка. [Не прильнуло, вы сказали?] Ну. Не прильнуло, видимо, молитва не прильнула.

СЗГ

В другой раз, раз и два и до трёх приезжали, а поправлялись.

КАР

В благодарность ПНВ дарят конфеты, платки, и большинство знает, что ей нельзя говорить «спасибо».

Сравним описанную «извне» традицию с тем, что об этом рассказывает сама ПНВ. Она отказывается рассказывать подробности и не сообщила текст заговора, но о внешних элементах практики, о взаимоотношении с посетителями она рассказывает охотно, не скрывая от собирателей, что она лечит.

Во-первых, возникновение рахита, он же *собачья старость*, ПНВ считает следствием того, что беременная пинала кошку или собаку. О причинах возникновения рахита другие информанты не сообщают. ПНВ лечит маленьких детей и считает, что чем раньше привозят к ней лечить, тем лучше, потому что, по её словам, «сколько болит, столько и выбаливает», то есть, если болезнь длится, например, три года, то выздоравливать человек будет тоже три года.

О том, как она выбирает иву:

[Именно ива должна быть?] Да, именно ива [...]. Говорят, раньше через черёмуху делали. Но я только через иву. Ива обязательно чтоб была не сухая, вот нормальная ива. [Живая?] Да, живая [...]. Тоненькая ива, чтоб одна от корня росла. От куста — нельзя. Вот я бегаю, до того добегаешь доищешь, уже нынче у меня всё кругом повырублено, уже всё идут кустами.

ПНВ

Сама ПНВ ничего не говорит об описанном выше случае, когда нож соскочит или ива при разрезании трещит. С одной стороны, она утверждает, что определить судьбу ребёнка можно только по сросшейся или несросшейся иве после обряда, что и говорили другие информанты ранее:

Я всегда говорю: «Пожалуйста, приходите, смотрите дальше, чё у вас, ивина растёт или посохла». Но обычно всегда она растёт дальше. [А если посохнет?] Ну не было ещё такого, чтобы посохло.

ПНВ

Однако потом она признаётся, что определяет судьбу ребёнка гораздо раньше.

И я сразу скажу, долговекий ребёнок или нет [...]. Вот по ивине. Когда я ивину расщепляю, я сразу скажу. [Когда расщепляете или когда она уже срастётся?] Да. Когда расщепляю [...]. [Определяете по самому дереву?] Да. Да-да-да-да-да. Ну не по самому, но не скажу. Но определяю [смеётся]. Чего могу, говорю, чего не могу, не скажу.

ПНВ

Далее сравним, что ПНВ делает со срезанной ивой.

[Потом что с ней сделать?] А потом просто выкидываю. Но не в реку [...]. Главное, чтоб не в воду. [Просто куда-нибудь отнести?] Ну, тут вон, туда на угоре, там есть у нас крапива, дёк я в крапиву туда выкидываю, и всё. [Почему нельзя в реку?] Ну, вот нельзя, чтоб в реку... чтоб не попало в воду. Так надо.

ПНВ

На этом примере видно, что одна информантка не поняла ПНВ и сделала наоборот, кинув иву в реку.

В отличие от информанток, ПНВ говорит о том, что протирание нужно повторить три раза.

[Это только один раз проделать надо?] Нет, это три раза делается [...]. Это вот, допустим, я, значит, сделала с ребёнком. Если он маленький, значит, через два месяца снова приглашаю, потом через год. А если уже большой, тогда через год только приглашаю и потом снова через год. Делается три раза.

ПНВ

О благодарности за лечение ПНВ говорит следующее:

[Полагается ли платить тем, кто лечит?] Но не деньгами [...]. [Почему?] Нельзя [...]. За это не платят, это [...] как бы не плотишь за это, а как бы подарок дают [...]. Платить деньгами ни в коем случае нельзя: не поможет [...]. И только что говорю всегда: «Не говорите никогда «спасибо»» [...]. Нельзя «спасибо» говорить, это... не на спасибо, это лишь бы чтоб [...] ребёнок был здоров [...]. Но они уже, кто ко мне ездит, они уже все знают, они уже друг друга учат. ПНВ

Пронимание через дерево (и не только через дерево) является распространённой практикой лечения болезни. С одной стороны, сам процесс пронимания через дупло дерева, расщепы, развилки деревьев, связанные в виде арки берёзовые ветки и т.д. имитирует роды: «Целью лечения [...] является приведение к тому нормальному состоянию тела, которое было после рождения»¹. С другой стороны, таким образом болезнь переносится на дерево: «В середине [...] дерева делают продольный разрез и через эту щель, расширив её, протаскивают больного ребёнка [...]. При этом они разрывают и выбрасывают снятую с больного рубашку и надевают на него новую»². Кроме того, существует соответствующая категория деревенских святынь: местночтимые «пронимальные» деревья. «В Череповецком у. Новгородской губ. стояла толстая сосна со сквозной дырой в стволе, больные «ходили к сосне и пролезали в дыру, желая получить исцеление. На ветви этого дерева вешали лоскутки ткани»³.

В данном случае, в селе Лиходиево, это было не одно дерево, а просто растущие у реки ивы, но информанты отмечают особенность того места:

И у неё вот там всё — приходишь, у неё такой прям... ну, буквально лес уже — все там в ленточках. А какие-то срублены — которые уже вот умерли — они уже срезанные [...] ивы.

РЕК

Личность ПНВ как знающей играет главную роль в формировании представлений жителей с. Лиходиево и соседнего с. Верхнеустькулой о народной медицине, к тому же лечение детей — наиболее распространённая ситуация, в

¹ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. — М.: 2003. С. 383

² Зеленин 1991, с. 286

³ А.А. Панченко. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни северо-запада Руси. СПб.: Алетейя, 1998.

которой прибегают к помощи знахарки, а известность ПНВ простирается за пределы двух упомянутых сёл. Фигура знахарки и ритуальная практика почти не мифологизируется в рассказах жителей, только некоторые детали добавляются или искажаются. Открытость ПНВ и её влияние в селе, вероятно, способствует тому, что практикуемый ПНВ обряд стал главной темой для разговоров участников экспедиции с информантами на тему медицины.

Н.А. Савина

Заговоры в народном огородничестве на юге Архангельской области

В традиционной культуре народное огородничество является важной составляющей, которая представляет собой комплекс различных верований, предписаний и обрядовых практик. Основная цель функционирования этой системы — это обеспечение хорошего урожая, его защита и хранение. Для достижения этих целей в народной культуре исполняются особые тексты ритуального характера, к которым относятся приговоры, заговоры, народные молитвы, заклинания и проч. В статье будет сделан обзор таких магических текстов, которые используются для нужд огородничества, и описана их специфика. Все использованные в работе записи были сделаны в ходе работы экспедиции Лаборатории фольклористики ИФИ в южные районы Архангельской области.

Следует оговорить, что проблема жанрового разграничения магических текстов является довольно спорным и обсуждаемым моментом в отечественной научной традиции. Некоторые исследователи пытаются предложить набор критериев, согласно которому можно было бы провести условные границы между приговорами, заговорами и народными молитвами¹. Однако, как нам представляется, жанровое различие магических текстов в нашем случае не является релевантным, поэтому в рамках статьи все вербальные составляющие обрядовых практик будут обозначаться как *магический текст*.

Огороднические практики носят окказиональный характер, т.е. используются для нужд повседневного быта, и представляют, как правило, редуцированную форму ритуала. Тем не менее, существование вербальных составляющих ритуалов без акционального сопровождения практически невозможно. В нашем случае произнесение магических текстов может сопровождаться мини-

¹ См. например Балобанова К.А. Заговоры и приговоры: формы бытования и способы фиксации традиционной магической речевой практики // Традиционная культура. № 2. С. 37-41.

мальным обрядовым действием — переkreщиванием, т.е. исполнитель обрядовой практики осеняет крестом либо себя, либо тот объект, на изменение состояния которого направлена обрядовая практика — в нашем случае объектами заговора могут являться посадки, либо угрожающие им вредители. Кроме того во время исполнения текстов могут совершаться некоторые другие ритуальные действия (например, закрывание глаз, похлопывание по частям тела) и использоваться специальные предметы.

Потребность в исполнении магического текста возникает в определенные семантически нагруженные переходные периоды, когда необходимо повлиять на положение вещей в будущем. В рамках системы народного огородничества в севернорусской традиции особо критическими являются моменты посадки и закладки урожая на хранение, соответственно, именно в это время исполняются магические тексты.

Среди заговоров на посадку выделяются тексты, которые должны обеспечивать хороший урожай в целом, а также тексты, связанные с конкретными овощными культурами, в которых указываются желаемые свойства овощей.

В качестве примера текста, который исполняется для общего благополучия огорода, можно привести следующий:

Умоюсь я (имя) в утреннюю Зорю утренней росой. Очерчу себя безимянным пальцем и скажу чай если ты заря утренняя, вечерная, поди на мою (назови растение) да бы (она, он) росло как лес высок, как дуб толста. Будете мои слова крепки и лепки. [Списано с листочка]¹.

В магических текстах, которые произносятся конкретно при посадке капусты, присутствует прямое указание на необходимое формирование, завивание кочана. Исполнитель магического текста обращается напрямую к сажаемой культуре и сочетает интонации приказа и задабривания.

Завивайся, капусточка, вейся, клубовушечка. [...] Вейся, вейся, наливайся, клубовушечка. Завивайся плотнее, плотнее, плотнее. Аминь²;

[Чтоб капуста хорошо росла:] «Рости, рости, капусточка» и всё, чего, «завивайся»³.

¹ Печниково, Каргопольский р-н, 1997.

² Усачево, Каргопольский р-н., 1998.

³ Ухта, Каргопольский р-н, 1996.

Также в ритуальных текстах на посадку исполнитель может обращаться к овощной культуре и в форме поучения указывать на необходимые для нее вкусовые качества (сладкая, сочная, вкусная) и внешний вид (большая, крепкая, тугая). Часто такой текст строится на противопоставлении желательных и нежелательных для данной культуры качеств. Важно отметить, что в подобных текстах часто присутствует рифма, что способствует устойчивости таких текстов в традиции.

Возьмут первую рассадинку [капусты]: «Расти, капуста, не пуста, ростом по блюду, а весом по пуду, сядь на качель, головой покачей»¹;

[Не слышали, что, когда садишь редьку, надо что-то говорить?] Вот капусту сажают дак слыхала, что говорят... «Не будь пуста, а будь толста. Не будь голенаста, а будь пузаста» — чтобы не голая... просто лис[т]ья, а чтобы кочан был. Вот это слыхала»².

Исполнение следующего вида ритуальных текстов, как правило, сопровождается определенными действиями, которые играют важную роль: при посадке женщина садится задом на землю или поворачивается задом к овощу и произносит магический текст. Таким образом, овощи и человеческое тело связываются на основании принципа внешнего сходства.

[Вы как-то специально садите, приговариваете что-нибудь?] Да не, чё приговаривать-то, «Вырасти», да... Баба... старухи-то, го[во]рят, раньше репу сеяли, дак бабушка на... падала на это... «Большая репка, расти!» — задом на... на землю. [Это чтобы лучше росло?] Лучше росло [утвердительно мычит]³;

Когда сажают капусту и редьку, поворачиваются задом к забору и говорят: «Чтоб росла крепкая, ядреная, большая»⁴.

В сфере народного огородничества довольно распространенным является использование разного рода кратких молитвенных формул, в которых присутствует обращение к высшим силам. При этом формулы могут дополняться некоторыми конкретными просьбами в зависимости от воли исполнителя.

¹ Шильда, Каргопольский р-н, 1996.

² Пакшеньга, Вельский р-н, 2011.

³ Ракуло-Кокшеньга, Вельский р-н, 2012.

⁴ Лимь, Няндомский р-н, 2007.

Пособи, Господи, всё вырастить хорошо, да и всё¹;

*[Что-то говорили, чтобы в огороде все росло хорошо?] А хожу да, ко-
пая, говорю, что... «Господи, благослови, уроди, Господи», да и всё. Хоть кар-
тошечку, хоть лук. «Не обойди бедную старушку»².*

Подобные молитвенные формулы с обращением к Богу широко исполь-
зуются во всех сферах жизни. Как правило, исполнитель произносит их в нача-
ле какого-либо дела и перекрещивается, что в севернорусской традиции назы-
вается *делать благословесь*. В сфере народного огородничества этот тип фор-
мул используется с некоторыми дополнениями: помимо обращения к Богу еще
называются те, на кого должна распространиться требуемая помощь. Основной
посыл этих текстов — «заложить» и обозначить некоторую долю будущего
урожая для перечисленных лиц. Все подобные тексты можно разделить на не-
сколько групп.

В первой группе текстов прибавляется просьба *уродить на себя и на доб-
рых/крещёных людей*.

*Благословясь посеют да оставят да и всё: «Господи, благослови, роди,
Господи, нам и добрым людям»³;*

*[Что говорили при посадке овощей?] Уроди, Господи, мне и всем крещё-
ным⁴.*

Стоит сказать, что в севернорусской традиции в ряде ситуаций, когда
предполагается обращение к множеству людей или к незнакомым людям, под
словом *крещёные* понимаются люди вообще, а не те, кто действительно прошел
обряд крещения. То же самое понимание применимо и к наименованию *добрые
люди*.

Более конкретный отбор тех, на кого должна распространиться помощь
Бога, делается в следующей группе текстов — *на меня и на нищих*.

*[Капусту] чтоб куры не ели — дак вот — как придёшь в первый раз в
огород садить первую — ну что там? — луковицу, рассадину — вот, надо го-*

¹ Троица, Каргопольский р-н, 1998.

² Троица, Каргопольский р-н, 1998.

³ Архангело, Каргопольский р-н, 1995.

⁴ Архангело, Каргопольский р-н, 1995.

ворить: «Уроди, Господи, тебе и мне, нам и нищим». Три раза повторить и потом «Аминь» и всё. И вроде помогало раньше¹;

[Слова при посадке:] «Уроди Господи себе и нищим. Чтобы себе хватило и нищему подать»².

В другой группе текстов исполнитель совершает посадку на себя и на воров.

Капусту сажают дак там приговаривают чё-то наверно, а я ничего ни... я токо приговариваю: «На себя и на вора, расти так, чтобы на себя и на вора», — а боле ничё. Вот так и горох сеяла: для себя и для вора. Больше ничё [усмехается], никаких приговоров не знаю. [Для вора?] Для... вопшом, горох растить для меня и для вора. Так все равно вить ребята лезут³;

А тут одна жєнишина с Лиходиева, тоже, grit, вот сажу, я, grit, в огороде, ак, всегда, grit, приговариваю: «Чтоб себе, соседу, вору, на всех наросло!» И у неё тоже всегда растёт, но она тоже... [Это именно лук?] Нет, в огороде капусту там, может, и лук и grit чё, я сажу, я и всегда: «Чтоб на меня, на соседа, на вора»⁴.

Если сравнивать эти две группы текстов, можно заметить, что тексты типа на меня и на воров представляют собой прямую установку на желаемый результат без апелляции к высшим силам, тогда как, напротив, в текстах типа на меня и на нищих апелляция к Богу есть почти всегда. С другой же стороны, оба типа текстов строятся по одной модели: исполнитель «закладывает» в будущем урожае долю на себя и на другого. Интересен в данном случае выбор другого — вор или нищий. Между этими фигурами обнаруживается определенное сходство — оба связаны с идеей уменьшения имущества, поскольку и один, и другой забирают что-то. Существенно также то, что в народном понимании вор и нищий — это другие, с которыми неизбежно приходится делиться. В рамках данной статьи мы не будем говорить подробнее об этом вопросе, так как он уже был рассмотрен нами ранее⁵.

¹ Усачево, Каргопольский р-н, 1998.

² Ошевенск, Каргопольский р-н, 1999.

³ Моша, Няндомский р-н, 2004.

⁴ Верхнеустькулой, Вельский р-н, 2014.

⁵ См. Савина Н.А. Вербальная магия народного огородничества в восточнославянской традиции // Живая старина. 2015. №4.

В следующей группе магических текстов, используемых в сфере народного огородничества, содержатся довольно подробные перечисления тех, для кого должен предназначаться урожай.

[Что говорили при посадке?] Как говорится, «уроди, Господи, на голодного, на жадного, на молящего, на просящего, на всех крещёных»¹;

Про лук: «Народи, Господи, на жадно, на голодно, на миня, на обжору»².

Использование подобных перечней можно объяснить установкой на универсальность, т.е. полноту представляемого в тексте. Стоит отметить, что основной принцип построения таких текстов — использование противоположных понятий (бедный — богатый, голодный — сытый, нищий — жадный). Выделение подобных оппозиций также претендует на всеохватность. Таким образом, используемые в некоторых случаях дополнения *на всех* или *на меня* являются, по сути, лишними и избыточными элементами.

Важно сказать, что слова *сажу на всех* вовсе не выражают действительного желания исполнителя раздать свой урожай. В традиционной культуре раздача и дар соотносятся с представлением о будущей прибыли и благополучии и являются своеобразными магическими способами обеспечения богатства. В противном случае отказ от дарения, по народным представлениям, может грозить отсутствием собственного урожая.

Я, знаете, такой один случай слышу, а... помнила, от бабушки. Бабушка говорит, соседка пришла, да и говорит: «В этот раз редьки нъ... э...насадила, никому ни дам» — «А ты чиво, — гът, — так? Наоборот вить надо отдавать всем» Э... вопщем сажать да и приговаривать: «Посажу на бедного, на богатого, на приезжего, на нищего...» ище на кого-то, очинь много, а она гът: «Никому ни дам, своей, — гът, — редьки» У неё ничего ниросло. А когда приговариваешь, то вот... «И на бедного, и на богатого, и на приезжего, и на нищего, и на проежжего». Тогда все вырастёт³.

Некоторый интерес представляет следующий текст. В нем содержится не только перечисление тех, на долю кого садится огород, но и присутствует приглашение, чтобы все названные приходили есть, когда урожай поспеет.

¹ Шильда, Каргопольский р-н, 1996.

² Хозьмино, Вельский р-н, 2009.

³ Мехреньга, Няндомский р-н, 2005.

[Что говорят, когда сажают редьку?] «Для вора... да для голодного, для вора — для всех я редьку сажу, приходите все есть». [Так говорят, когда садишь?] Да, да, да, када садишь. [Как говорят?] «Для вора.... Для... для голодного, для жадного, для вора — для всех, кому... на всех нароцу, всем будё. А не нароцу, так никому не будё». [Смеётся.] [Почему так говорят?] Не знаю, почему так говорили всё дак. Старухи раньше говорили¹.

Символическое приглашение на трапезу широко используется в севернорусской традиции в магических целях, чтобы установить с приглашенными необходимые отношения. Обращение с просьбой явиться к тем, кто может нанести какой-либо вред, предполагало, что в дальнейшем они не придут в неурочное время и не смогут причинить вред (например, с такими текстами обращаются к морозу, к волкам, чтобы защитить скотину). В народном огородничестве подобные тексты произносятся в отношении вредителей, чтобы защитить рассаду или урожай. Так, при посадке рассады могут приглашать птиц на трапезу, мотивируя это тем, что в будущем они не придут.

[Сажали первую рассадину с закрытыми глазами?] С закрытыми. У меня Катюша Уворина была, она у меня все птички залетят и всё склюют. Она: «Ты, такая, ничего не толкуёшь, закрой глаза-те, да и говори: «Птички, там воробушки, сороки, вороны, прилетайте, клюйте фсё!» Я грю: «Так ты, чево, заставляешь их склевать?» Она говорит: «Вот и не прилетят. И не будут»².

Намного чаще встречаются тексты, исполняемые при посадке, в которых птиц зовут не на еду, а на помощь. В этом случае кроме приглашения используются также формулы отгона и угрозы.

Чтобы куры не ходили на гряды: «Приходите, птички, ласточки, воробушки, сорокушки, помогать. Не придете помогать — не ходите и голодать. Походите порхать». Три раза скажет и всё³;

Я от бабушки от своей слыхала [как рассаду капусты сажать]. Значит, сделать три луночки, с закрытыми глазами взять эти три рассадки — посадить туда и говорить, что «Кошки, собаки, куры, птицы — приходите ко

¹ Моша, Няндомский р-н, 2004.

² Рягово, Каргопольский р-н, 1998.

³ Каргополь, 2003.

мне капусту садить, а если не придёте, то не ходите и есть. Не прилетайте и есть». И три раза надо сказать. И всё...¹

Мотив ритуального кормления и задабривания опасности широко встречается также в текстах от грызунов, произносимых при закладке овощей на хранение. Исполнение текста сопровождается, как правило, закладкой в погреб камней, которые вредители «получают» взамен урожая. Таким образом, договор подкрепляется ритуальным обменом.

[Когда зерно в погреб убирают, не кладут туда камни?] Вот у нас знаете, когда, бывает, камни ложат: картошку когда копаем, её потом закладываем в подполье, на хранение, да. Вот четыре камушка берём там, булыжник не возмёшь ведь, так какой-токой шо [нрзб.] взял, вот в углы положим, и это для мышей. «Это вот вам, — грят, — камни, грызите камни, картошку не грызите». [Это надо сказать?] Да. [Грызите камни, а картошку не грызите?] Угу².

Следует сказать, что в народной традиции камень широко используется как средство ограждения от опасности, своеобразного отворота (например, гадающие ставят вокруг себя камни, чтобы оградиться от нечистой силы; камни бросают вслед покойнику, чтобы не бояться; на горячий камень мать сцеживает молоко, чтобы оторвать ребенка от груди).

Существует ряд магических практик с использованием того же камня для защиты урожая от вредителей, в которых ведущим становится мотив устрашения. В этих случаях камень, который выполняет отгонную и защитную функции, в магическом тексте подменяется другим объектом, являющимся средством устрашения для вредителей. Таким образом, магическое устрашение, выраженное вербально с помощью текста, совмещается еще и с повседневным, выраженным с помощью предмета.

[Камень в огород не бросали?] Камень в огород бросала, у нас кроты тут были, дак сажала всё, бобы гоўрят, бобов бояца кроты. Они всё рыли. Я вот камень бросала. Вот бросаю, гоўрю... Как сщас... Вот тоже меня бабуля учила: «Бросаю не камень, бросаю кота, чтоб не было в огороде крота!»³

Отдельную группу составляют защитные магические тексты, в которых главным является мотив слепоты. В традиционной культуре понятие слепоты предполагает обоюдность субъекта и объекта — «позиции воспринимающего и воспринимаемого суммированы: слепой — не только невидящий, но и невиди-

¹ Печниково, Каргопольский р-н, 1997.

² Низовье, Вельский р-н, 2013.

³ Тихманьга, Каргопольский р-н, 2002.

мый»¹. В магических текстах делается установка на то, чтобы потенциальный вредитель не смог увидеть объект заговора и, таким образом, не смог причинить ему вреда. Эти тексты исполняются при посадке растений для защиты от птиц, животных и людей. Как правило, при произнесении этих текстов исполнитель действительно закрывает глаза, уподобляясь таким образом тем, к кому обращается в заговоре. В этих случаях частотным становится употребление формулы *как я не вижу, так и вы не увидите*. Распространена также практика, когда посадка (первое растение / первые три растения / первый ряд) совершается с закрытыми глазами без произнесения какого-либо текста, что наши информанты называют *садить слепком*. Иногда посадки также закрываются чем-либо (тканью, банкой, бутылкой), что является еще одним способом выражения воли исполнителя магического текста.

Лук сая или капуста сая, так надо глаза закрыть, да три капустины посадить, тамо хошь куды. Лук сажать, дак тожко. [Что при этом приговаривали?] «Чтобы кошка не видела, собаки не видели, птица не видела». Так оны кругом так будут обходить»²;

Вот рассаду садили, брюкву — вот так закроют этой кринкой первую рассадину, слепком, садиш вот так, не видиш, ей посадил и криночкой закрыл: «Я сажу — не вижу, и ты ходи — не видь ничего!» [Кому это говорят?] Никто, чтобы... Гнус ли там ли, птица ли, ну в общем не позорили. [Что значит «слепком»?] Глаза закрыть и так сажать, вот так не видиш и говори»³.

Таким образом, обзор магических текстов в сфере народного огородничества позволяет выделить некоторые актуализирующиеся в них смыслы. В текстах, направленных на увеличение количества урожая, основополагающей становится идея «заложенного» избытка, которая становится актуальной во время посадки. Корпус подобных текстов различается составом упоминаемых лиц, на которых «предусматривается» доля в будущем урожае, в тесной зависимости от этих фигур находится обращение или его отсутствие к высшим силам. Для необходимой защиты от вредителей используются разные в традиционной культуре способы: прием ритуального приглашения, ослепления и устрашения.

¹ Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М., 1998. С. 23.

² Архангело, Каргопольский р-н, 1995.

³ Казаково, Каргопольский р-н, 1998.

М.О. Гардер

«Будет, — гът,
Это баба Катя гът,
потом останется.
располагающаяся там,
дружки вот и пойду
од-от весь погибну

СЕВ считается
для многих ин
венное:

[Каким празд
ров, может — да
был, а вот такой
Покров ли. Я точно
Покров — этой дер

[А было како
готовили?]
У вас, девчони

[После еды м
ты... как ты руко
ис вон... я тоже в
е уж поводок [?
торой... у Гальки-
— я гъу [говору]:
ай знает, — гът,

В первую оче
радиции, сколько
рактик (поиск про
ежки лешему/черт
ак и — с некотор
того лица прак

1 Записано от ДЗА
2 Записано от ТН
3 Записано от СН
4 Записано от ДЗА

Статус и авторитет знающего: опыт экспедиции в село Верхнеустькулой

Работая в селе Верхнеустькулой Вельского р-на Архангельской обл. во время летней экспедиции Лаборатории фольклористики РГГУ в июне-июле 2014 года, мы несколько раз говорили с Екатериной Васильевной Сухановской (СЕВ), которая в ходе первого интервью рассказала о своем способе поиска пропавших с помощью свадебной *припевки*, адресованной лешему¹. Последующие дни показали, что СЕВ у жителей села пользуется авторитетом *знающего человека*. Опираясь на фрагменты интервью с СЕВ и ее односельчанами, я попытаюсь продемонстрировать особенности статуса *знающего* в случае СЕВ.

В интервью люди вполне открыто и без дополнительного «выспрашивания» со стороны собирателей отсылали нас к СЕВ, когда речь заходила об определенных магических практиках (в том числе о лечении, но в первую очередь о поиске пропавших и прекращении пожаров) или о других элементах традиции, «о старине». В разговоре с нами односельчане СЕВ зачастую апеллировали к ее высказываниям, желая подтвердить свои слова авторитетным мнением (СЕВ — одна из старейших жительниц деревни, и, ссылаясь на ее авторитет, сами информанты нередко отмечают это). СЕВ часто фигурирует в воспоминаниях, подтверждающих приметы, поверья и прогностические суждения:

*А всё, говорят, кукушка когда кукует, дак... Ну ўот, она меня окуковала взад. У это место [показывает на затылок]. Вот я Катерине сказала... Она: «Ницё, добро, — гът, — проживёшь».*²

Всё равно, всё равно война будет, это извес... не надо и говорить. Сецяс, вот видишь, война, а им... Отец на сына, сын на отця, на матку, всё будет...

¹ Припевкой в этом регионе называют песню, которую в день свадьбы гость адресует присутствующим, зачастую жениху и невесте. После ее исполнения припевка *сдается*. Это означает, что после основного текста поющий, обращаясь к адресату песни, просит награду. В случае локальной практики с. Верхнеустькулой припевка, используемая при поиске пропавшего, адресуется лешему. Подробнее об этой практике в контексте традиции юга Архангельской области: Мороз А.Б. О скрытых возможностях фольклорного текста: кроссжанровые метаморфозы и этимологические перспективы // О вере и суевериях: сборник статей в честь Е.Б. Смилянской. М., 2014. С. 303-318.

² Записано от ДЗА.

«Будет,— гъ,— у нас, Катерина, будет,— гъ,— война?» — «Будет». [Это баба Катя говорит?] Да. «И народ,— гът,— всё... весь погибнет. Но потом останется... за рекой мужик, а на этой стороне останется баба. Вот и расположаця там вот, сойдутся и станут детей рождать. Потом друг от дружки вот и пойдут, и пойдут. Будет добро жить, но народу не будет. Народ-от весь погибнет...».¹

СЕВ считается многими своего рода хранителем, «справочником» традиции; для многих информантов ее знание традиции более достоверно, чем собственное:

[Каким праздником заканчивалась осень?] Дак вот это, наверно, вот Покров, может — да вот эти вот. Покров вот чё-то этот праздник он большой был, а вот такой ли не Покров этой же деревни праздник? Вот такой ли не Покров ли. Я точно не знаю, это тут у бабы Кати надо узнать. Вот, наверно, Покров — этой деревни праздник.²

[А было какое-нибудь блюдо или еда, которую обязательно на свадьбу готовили?]

У вас, девчонки, всё вопросы-то какие. Вот, к Катерине.³

[После еды можно рукой крошки стирать?] Нет. ... [А почему?] А как ты... как ты рукой станешь обтирать? [Соб.: Ну можно собрать.] Нет. У нас вон... я тоже вот не слыхала, а кои дни я пришла да... это, Зи... к Катерине, уж поводок [?], рукавицы на стол положила, а девка... маленька, от во второй... у Гальки-то девки-ти ходят, — она: «Рукавицы не кладут на стол!» — я гъу [говорю]: «А чего?» — «А не кладут!» Катерины спросила, она: «Леший знает, — гът, — шо уж они знают, молодые, что за примета».⁴

В первую очередь статус СЕВ основан не столько на знании или памяти о традиции, сколько на рассказах о действенности выполняемых ею магических практик (поиск пропавших людей/скота, прекращение пожара). О пении припевки лешему/черту для возвращения пропавшего рассказывает как сама СЕВ, так и — с некоторыми вариациями — жители деревни. Хотя в описании от третьего лица практика приобретает несколько мотивов или фабульных обстоя-

¹ Записано от ДЗА.

² Записано от ТНГ.

³ Записано от СНМ.

⁴ Записано от ДЗА.

тельств (СЕВ утверждает, что для успешной сдачи припевки необходимо отправиться на росстань в темное время суток (вечером), а в одном из пересказов действие происходит в полночь)¹; СЕВ сообщает, что *сдает* припевку лешему (или чертям), а в пересказе информантки ДЗА, которая однажды сопровождала СЕВ, во время исполнения припевки «закачались все сосны и ели» — значит, «леший заходил». В этом же описании, по-видимому, ДЗА стремится подчеркнуть, что СЕВ как специалист обладает контролем над ситуацией, начиная с обращения человека к ней за помощью:

[Когда баба Катя поет такие припевки?] Вот, если ты придёшь попросишь. Скажешь: «Вот так и так, у меня горе». Она скажет, посмотрит на тебя: врёшь ли, не врёшь. А потом скажет: «Вот такого-то дня приходи, часов в десять. И пойдём».

[После того, как СЕВ исполнила припевку:] [Это вы от кого знаете?] Это мне свекровка... это... так сказала.

Свекровь, кроме того, научила СЕВ подкладывать под порог топор при выпуске коров, чтобы те не бодались, а также обмывать детей водой с углов, чтобы избавить от уроков. Информанты сообщают, что СЕВ или научилась от матери, или «умеет с детства»:

Ну, вот, она ходит ночью, в полночь, ходит на перекрёсток в лес и поёт припевку специальную. Чтобы, вот, или человека найти, или, вот, скотину найти. Ну, она как бы на скотину, иё мать-то научила, а... ну, от так от. Припевку, вот, научила иё эту, и, вот, она и людей другой раз дак. Находятся.²

[Откуда баба Катя узнала эти припевки?] Она, она ра... с детства начала, эти вот все.³

Статус знания, которым обладает СЕВ, может, с точки зрения односельчан, требовать сохранения хотя бы части этого знания в тайне:

Вот говорят, что она может там чё-то предсказать, вот кто-то там потеряется, и она может там, что вот и найдётся, вот такое. [Нам говорили, что она на перекресток выходила людей искать, так ли это?] Угу. [А это

¹ Записано от ТЛП.

² Записано от ТЛП.

³ Записано от ДСВ.

что за история?] Ну вот... [На росстань?] Да, на ростань. Ростань — это когда дороги... туда дорога, туда [показывает вправо-влево], и они пересекаются вот как... На доро... вот тут берут песок... и чё-то наговаривают там. [Для чего?] Ну шобы узнать вон там... где человек, если там человек пропал, дак чтобы от... ну как вот... как-то там уж это я не знаю даже. [Песок прямо с земли берут?] Угу. Да, вот с это... с земли берут с этой. Вот с этого... с ростани-то... [Куда потом песок девают?] Вот они... она как-то вот приносит, вот надо было у неё сп... Ну она, может, и не сказала бы.¹

Рассказы о том, как СЕВ останавливала пожар, были записаны только от третьего лица, но не от самой СЕВ:

[Не слышали, что люди как-то могут с иконой при пожаре ходить?] А, тоже она. Тоже она делает. Это правда. Горел дом там около нашего сына. Там вгустую там прямо домов. И вот потом это вот... Катя... Катерина Васильевна пришла с иконой так походила-походила, и никуда не разметалось. Это правда. [Она как ходила?] Сама лично видела, да вот, вокруг дома ходила, гьрят, что вот. [А икона какая?] Не знаю, что вот... [Специальная?] Какая-то.

[РНА:] У неё есть кака-то. Она как-то называла...²

[Не говорили, что когда пожар, то можно вокруг дома с иконой пройти вокруг дома?] Да. Обходили у нас тут дом, чере... через дом, у нас горел дом, в какой-то год дак. Обходила у на[с] тут же баба Катя-то. Со старой иконой приходила. [Не говорили, что надо как-то раздеться и обойти?] Нет, она одетая шла. [Одетая?] Да. [Ходила просто по кругу?] Да, вокруг дома. Да такой огонь был, даже страшно было подойти, а она, кода шла, дак вот кажется, даже огонь вот, так вот как-то, то есть она спокойно обошла вокруг дома, а так-то огонь вообще... дом вообще сильно горел, летом как раз, в жару [И он прям перестал или просто не перекинулся на другой дом?] Нет, не перестал, просто не перекинулся.³

Впрочем, как сообщают другие информанты, останавливать пожар способна не одна СЕВ:

¹ Записано от ЛПР. В описании практики самой СЕВ она упоминала хлеб, который она бросала на дороги.

² Записано от ЛПР и РНА.

³ Записано от ЮВФ.

[Когда пожар, не обходила голая женщина вокруг дома?] Нет, с иконами ходят... [ТЛП:] Вот бабка Катька-то. И не только, не она одна... А у нас он дом сгорел-то да. Не один горел — ходила.

[ТНВ:] Многие так. И так сильно успокаивает сразу этот. Ветер кончается, и всё. Иконой обойдут пожар, и всё. И уже не распространяется никуда.

[ТЛП:] Кверху. Сразу начинает кверху.

[С какой иконой?]

[ТНВ:] Какая-то должна быть... Непалимая, конечно, по идее-то, но...

[ТЛП:] Она ходила с какой-то...

[ТНВ:] Неопалимой у нас нет, наверное, ни у кого.

[ТЛП:] У бабки Катьки какая-то икона... Галья говорила, кто-то ей с этого... с Кокшеньги [с. Ракуло-Кокшеньга] что ли. Какую-то... бабулька как-то умерла и подарили.

[ТНВ:] Ну, она и мне тоже... какая-то у неё там есть.

[ТЛП:] И она гърит вот э... что всё, грит, около неё молится, и она, гърит,

краска стала восстанавливаться. Вот она вот с этой иконой, наэрно, ходила.

[ТНВ:] А у нас вон в Заозерье [д. в 5 км от Мелединской] пожар кода... когда горел... у нас ба... бабуля прибежала какой-то...

[ТЛП:] А икону она вон... с угла схватила...

[ТНВ:] Да.

[ТЛП:] У Маринки стоит, и у Маринки две. А это... Та, которая в доме была. И вторая, типа, икона, Славка из Шангал [Вологодская обл.] привёз из дома. Их две теперь там стоит.

[ТНВ:] Вот она с одной и убежала и тоже.

Помимо рассказов о помощи СЕВ жителям и ее успешных практиках, нам также удалось записать несколько упоминаний о ее способности вредить.

[Есть люди, которые могут на вред сделать?] Да, конечно, есть. [Что про них рассказывают? Что они делают?] Зло, вредят людям. Толкают, как говорится, на всякие беззакония нас. [Защититься от них можно?] Не знаю. Я в... к это, к этому не при... и не вникаю, и не хочу, даже не знаю вот это. Вот эта ба... баба Катя тоже может и на зло, говорят, сделать. С ней особо никто и не воюет, хотя она и добро делает, но и на... тоже делает что-то.¹

¹ Записано от ААИ.

[После рассказов о порче и знающих.]

[СИА, обращаясь к БВИ:] Валя, а ведь у Волеевых совсем недавно э... тожко было сделано, тожко с... полпосёлка ходило корову загоняло во двор. А Катерина делала: тогда у йих с... ссор был тожко с Володькой. Сделала. Уй, загоняли это... она не... не подходила к дому корова. А кто... а кто делал, не знаю, чтобы она заходила в дом, в свою коню... двор. [А что сделала?] А уж назно какие-то слова, какие-то говорить чёво-то, шобы тожко этого никто не видел не знал, шобы только она одна знала, которая знает. [Она прячется ото всех?] Корова? Или кто?

[БВИ:] Она не идёт.

[Соб.: Нет, кто делает.]

[СИА:] А, а вот не знаю, не знаю, когда... А это-то только то, Валя, то и точно было — Катерина сделала, ведь Во... Володька ходил туда к ней ма-тюгался, ру... ругался. [Почему ругался?] Почему плохое сделала с евонной ко-ровой. [Исправить может только тот, кто сделал, или другой человек то-же?] А может и может, если который хорошо знает, а я уж вот, например, я ведь не знаю, и Валя не знает — дак не поправить. Это надо уметь тожко го-ворить, знать чёво.

Сама СЕВ рассказывает другой случай, произошедший с участием того же человека:

У меня вот сколько случаев было, ешо был случай... Володя Болеев, он... до сих... и тэперь это... ну... токо не перва ли группа инвалидности дана ему. бо... робил шофёром, а председатели... шо... знаэш ли ты, и хто председате-лю сказал, да сам председатель... догадался, шо у е[г]о в гараже... всю ночь свет горил, вот он... а Володя Болеев на меня, шо это я сказала, пришёл... до-ма, на дому... вы... меня... до слёз догонил, я говёрю: «Не была я в конторе, не говорила ничего». Нет, всё ровно пошёл... и всё тут... пошёл, из избы, ругает-ся, я вышла за им на крыльце... да и го[во]рю, я говёрю: «А понеси тебя леший, сгореть бы, — гёрю, — тебе огнём и пламенем!». Он на завтрое в Кулой уехал, в этот... машину ремонтировать и обгорел. [И умер?] А... а... не... там чего-то... сделалось, что... машина загорела, и он с... и он обгорел, дак вот... опять мои слова сбылися, дак меня-то пригонят, я хоть бы... хоть бы сказала кому чего, дак... никому, я... сколько прожила, я ни на кого... не жатуюсь, никого не обвиняю, есьли кто чего и знает, что виноват, дак... не моё дело, и... без меня тут найдутся хозяева, моё-то какое дело. Нико... никого не обвиняю, ни на ко-го... не жаловалась, ни... ни... доносов никаких, у мьня этой моды нету... ни-че[г]о, вот и... вот таких три случая было, что... вот эт... говорю: «А будь

ты проклят, — гърю, — понеси тебя, леший, сгореть бы, — гърю, — тебе огнём и пламенем, дак... я-то сгоряча от... сослала, шо он меня расстроил-то, с расстройства, а ему пристыжилось.¹

После одного из упомянутых трех случаев СЕВ, по ее собственным словам, «стала боговеровать». Этот последний фрагмент, в котором СЕВ сообщает о силе своего слова и одновременно раскаивается в нанесенном вреде, как можно судить по нашим материалам, не находит отражения в дискурсе сообщества (если не считать таковым приведенный выше рассказ об испорченной СЕВ корове). Способность СЕВ наносить вред, очевидно, вполне допускается ее односельчанами, но однозначно не занимает центрального места в системе взаимоотношений СЕВ с деревенским сообществом.

Таким образом, статус «узкопрофильного специалиста» СЕВ дополняется ее общим авторитетом: жители нередко спрашивают у СЕВ о правильности/неправильности той или иной приметы или традиции, уточняют название и время церковного праздника, и т.п. Рассказы о практиках СЕВ дополняются некоторыми фольклорными мотивами, благодаря которым обстоятельства магического действия «дорисовываются», а образ СЕВ отдаляется от образа знакомого, рядового жителя деревни и приближается к общим представлениям о знахаре, знание которого для обычных людей не всегда понятно и доступно, а зачастую, возможно, и опасно:

[Что-то еще она делала, когда эту припевку пела?] Она припевку идёт — с хлебом. Ломоть хлеба берёт и на четыре стороны. Чё-то поёт, вот, уж ночью — дак, наверно, с чертями. В лес. С лесными духами. Чё-то с этим, вот, связано. Так что уж тут не знаю. Тут я иё вообще не помощница. Кто знает дак.²

Было бы весьма любопытно взглянуть на корпус текстов о СЕВ в обследованных деревнях спустя некоторое время и оценить ее место в складывающейся устной истории и представлениях о знающих людях.

Список информантов

- ААИ — Андрианова Александра Ивановна, 1946 г.р.
БВИ — Брыкалова Валентина Ивановна, 1937 г.р.
ДЗА — Дьячкова Зинаида Анатольевна, 1932 г.р.
ЛПР — Рогозина Людмила Павловна, 1937 г.р.

¹ Записано от СЕВ.

² Записано от ТЛП

Рогозин Нико
СЕВ — Сухановская
СНА — Сухановская
СНМ — Сухановский
СНП — Трофимова Ли
СНВ — Трофимов Ни
СНГ — Горкунова Тат
СВФ — Юрьева Вера

РНА — Рогозин Николай Александрович, 1932 г.р.
СЕВ — Сухановская Екатерина Васильевна, 1925 г.р.
СИА — Сухановская Ида Александровна, 1930 г.р.
СНМ — Сухановский Николай Михайлович, 1946 г.р.
ТЛП — Трофимова Любовь Павловна, 1958 г.р.
ТНВ — Трофимов Николай Викторович, 1957 г.р.
ТНГ — Горкунова Татьяна Николаевна, 1955 г.р.
ЮВФ — Юрьева Вера Федоровна, 1958 г.р.

УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ТИПОЛОГИИ И СЕМИОТИКИ ФОЛЬКЛОРА

Е.Е. Левкиевская

Актуальные демонологические представления в украинском анклаве Саратовской области

Основой для настоящей статьи послужили полевые материалы, собранные в 2012-2015 гг. этнолингвистической экспедицией Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ в Еланско-Терсянском украинском анклав (Самойловский р-н Саратовская обл.), который формировался несколькими волнами из разных областей Восточной Украины (в том числе с Слобожанщины) начиная с первой половины XVIII в. В настоящее время анклав составляет 10-12 сел, жители которых сохраняют локальную идентичность и диалект (самоназвание «хохлы», автохтонное название языка – «хохлячий»), отличая себя как от русских («москалей»), так и от украинцев, проживающих на Украине.

Одна из задач экспедиции при обследовании данного анклава - понять, в какой степени островная традиция, на протяжении двух с лишним веков существующая изолированно от материнской культуры, способна сохранять и воспроизводить ее релевантные элементы, в том числе в области мифологии. Иными словами: что украинского сохраняется в украинском анклав, существующем в близкородственном южнорусском окружении? К сожалению, проблема развития устной традиции славянских анклавов в инославянском окружении редко привлекает внимание фольклористов, этнолингвистов и этнологов (исключением здесь можно считать только старообрядческие традиции), поэтому теоретические разработки в этой области крайне немногочисленны.

Ряд важных предварительных наблюдений в этой области был сделан в магистерской работе А.И. Шевелевой (Шевелева, 2013), описавшей демонологическую систему исследуемого анклава в сравнении с традиционной украинской демонологией и обратившей внимание на ряд важных особенностей в структуре мифологических персонажей, представления о которых существуют в актуальных верованиях Самойловского региона. Одной из таких особенностей, в частности, является полное исчезновение из демонологической системы исследуемой традиции представлений о русалке. Вымывание из живой, хорошо сохранившейся традиции одного из центральных персонажей украинской мифологии пока что не имеет никаких убедительных объяснений – данной факт

можно только констатировать в надежде на то, что дальнейшее изучение народной культуры и истории развития анклава даст возможность решить данную проблему.

С другой стороны, в актуальной мифологии анклава активно воспроизводятся рассказы о разных типах магических специалистов, оказывающих значительное влияние на социальную жизнь сообщества – ведьмах, знахарках (бабках), гадалках, предсказателях. К услугам магических специалистов охотно прибегают в разного рода кризисных ситуациях не только крестьяне, но и местная интеллигенция. Жители Самойловки и окрестных сел осознают свой регион как место, в котором живет много ведьм и колдунов. Нарративы о ведьмах (в местной традиции они чаще называются *колдухами*, *колдуньями*, хотя название *ведьма* также встречается) составляют значительную часть всего корпуса записанных мифологических текстов, поэтому представляется оправданным поговорить подробнее о комплексе релевантных мотивов, которые приписываются современным ведьмам в Самойловке и окрестных селах. В настоящей статье мы рассмотрим ряд характерных представлений о ведьме записанных в ходе Самойловских экспедиций и сравним их с аналогичными мотивами, связанными с ведьмой в традиционной украинской мифологии. Это даст возможность увидеть, какие элементы этого образа, сформированные в материнской культуре, сохраняют свою актуальность в анклавной мифологии, а какие были утрачены или подверглись сильной редукции.

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что Самойловская традиция сохраняет основное ядро релевантных признаков и функций, приписываемых ведьме, характерных для традиционной украинской мифологии: ведьма – это реальная женщина, живущая в конкретном селе, чья деятельность, в основном, направлена на причинение вреда человеку и его хозяйству. Ведьма насылает порчу на человека и домашний скот, в результате чего человек заболевает, а скот перестает вестись в данном хозяйстве.

Кто же может стать ведьмой? В украинской традиции существуют представления о ведьмах «рожденных» (т.е. родившимися ведьмами) и «ученных», т.е. получивших магические знания в результате обучения, которое обычно сопровождается специальным актом отречения от христианской веры, кощунственным попранием христианских святынь и договором с нечистой силой (Виноградова, Толстая 1995:297). В Самойловке и окрестностях почти не встречается верований о «рожденных» ведьмах, как и отсутствуют мотивы вступления ведьмы в договор с чертом. Чаще всего полагают, что ведьминский дар женщины получает от другой ведьмы, которая должна передать свое знание перед смертью другому человеку: «[А не говорили, она передала свой дар?] Племяннице? Вы знаете, как. Она просила, ещё когда лежала [перед смертью], но

ужё вот-вот ей ёто. Грит, подойди ко мне. Но та жёнщина отказáлася. А вот племянница подошла. Она её за рúку взяла. И чё? И всё. [И с тех пор племяннице перешло?] Но вот ёта племянница, она всё мóжет тепёрь. [А что она делает?] Плóхо лóдям дёлает. [Вредит?] Да. [А до этого?] А до ётоуо она нормáльная была. А тепёрь она на коуó зláя, она плóхо дёлает им» (с. Самойловка, А.С. Иванова, 1927 г.р.).

Традиционное украинское представление об «ученых» ведьмах в актуальной Самойловской традиции получило новую интерпретацию под влиянием большого числа книг по магии и эзотерике, ставших доступными в постсоветский период. Практически все информанты указывают, что количество ведьм в селах последние годы значительно увеличилось, поскольку многие выписали по почте книгу (по другим сведениям, газету) «Черная магия», по которой и научились колдовать:

«У человека мóжет быть порча – это есть. Сулаз тóже есть. [Кто может сглазить?] – Ну, вот хто... Есть, што и сáми себя сулáживают. [Сам себя?] – Сам себя, да-а. [Как это?] – Да так. Вот чеуó-нибудь: “Ой, какáя я хоро́шая, ой, как у меня получа́ется...”, да и фсё. [Это каждый человек может?] – Мóжет. А потóм есть люди улазливые, они чёрные улаза́ таки, они улазливые. Есть, порчу наво́дят, это тóжо. И ма́уия есть, котóрую снима́ть на́до. [А в Самойловке есть такие люди?] – Полно́! [Порчу наводят?] – Да, и в церковь ходят такие. [Как их называют?] – Да кто их знаёт, колдуны их назывáют, у нас, в Самойловке, их óчень мнóуо. Потому што, когда началóсь свободное вот это... ма́уия пошла́ свободно печáтать, её выписывали чéрез пóчту, óчень мнóуо выписывали. [Газета такая?] – Книуа! «Чёрная ма́уия». Да. Вот у нас одна́ с Лесной [улицы], как её зовут? Раскóленко, она́ ж потóм утонула, она́ вот начала́ чёрной ма́уией занима́ться и с ума́ сошла́. Она́ занима́лась чёрной ма́уией... её и в психушку отправляли... А чёрную ма́уию чита́ет, я зна́ю, одна́ старушка <...> “Ай, не моуу! Ай, не моуу!” Идёшь нормально, [она] вые, як соба́ка. “Ну, чеуó ты воёшь?” – “Ай, ноуы болять!” Я оттуда иду, у меня ноуы подка́шиваются и не идут. Чёстное слóво. А щас она́, як ло́шадь, бе́уа по улицам. Ей во́семьдесят с чем-то, она́ так лёта. Один раз я её не моула́ и доуна́ть. Воёт, и воёт. Потóм я к ней пошла́ – она́ книжку чита́ет. Я ей: “Тётъ Нюр, шо ты цэ чита́ешь?” Она́: “Ой, цэ я..., цэ я...” и спрятала ту книжку. Я зна́ю – она́ занима́ется, ещё Ва́ля Скóрикова, вот они занима́юща́ этой ма́уией. Вот они [эту книжку] чита́ют, вот они на люде́й дёлают порчу и сулаз. А им это дёлать на́до обяза́тельно. Вот я её заподо́зрила сра́зу, потому што мне плóхо. У мэ́нэ ноуы отнима́юща́. Живёт она́ рядом. И вот один рая я иду – ну, дава́й, буду «Отче наш» чита́ть. Как зайду в двор, я забыва́ю «Отче наш» чита́ть – слов я не по́мню. Начну я на улице, во двор зайду – я не по́мню слоу́...» (с. Самойловка, Г.Ф. Кутельмах, 1948 г.р.)

Представление о том, что ведьмы не знают покоя (поскольку их гоняют черти), что им нужно обязательно вредить людям, является редуцированным вариантом украинского и белорусского мотива «Черти мучают ведьму, заставляя ее вредить людям»: «Ее тянуть недобрые [т. е. черти вынуждают ее вредить], каб ёна што зделала, знахарует в этот день, на Ведьмина Ивана» (с. Золотуха Калиновичского р-на Гомельской обл.; НД 1:102-103).

Часто насылание порчи осмысливается как результат хозяйственного конфликта между соседями, при котором обращение за помощью к другому магическому специалисту не всегда помогает:

«Мы сюда пэрэихалы, мы купылы [дом], ну, рядом сосэдка купила тóже. А у нас óкна [хлева] были к ним во двор, там окóнцэ малэнькэ. Ну, и чеуó: «Мэни, - ўврит [соседка], - поросята воняют». А я тóжэ, дура, упэрлась, на́до было забыть [окно] да и фсё. И оны самы забылы, ну и ну, то поросята были по шесят, по семьдесят килоу́рам, а это што такое – у мэня тры раза подряд поросята нэ былы. Тут [в доме] растёт, як ф хлеў отп́равим – пыцить, óсенью зарежем, трéхлитрову ба́нку са́ла накладэм, и фсё. И ўод, и два, и три. А тут ф цэркву ходэла жэншына, щас умэрла: “Татьяна Ива́новна, та шо такóе?” Она: “Та зделай во так” [Посоветовала читать молитву «Отче наш»]. Сделала – нэма́ дила. Ну, потóм кажу: “Кóлька, дава́й пэрэвэдём ў друу́ое мисто поросят. Шо, мы третий ўод ни са́ла, ни мяса, ничоу́о нэ ба́чим”. Пэрэвэлы, пишлы на́шы поросята ў ўара́ж. Так хлиў пустый тэпэр. Ў хлива́х ничо́ нэ во́дыця так до сих пир и ўсё. [Это Вам соседка сделала?] - Да, и хорошо сделала. [Это что-то подкладывают?] – Мо́жэ, подкла́дывают, мо́жэ, ўоворят... Оця Татьяна Ивановна [сказала]: “Та што такóе, хыба́ зарылы шо у хливи”. Нэ зна́ю тóжэ. Оця с поросятамы сто процэ́нтиў ў мэ́нэ пра́ўда. Потому шо мы з хлёва ў ўараж пэрэвэлы – пишлы на́шы поросята» (с. Самойловка, Л.Л. Лёвина, 1941 г.р.).

Корпус представлений о ведьме в исследуемой традиции не избежал общих тенденций, характерных для современной восточнославянской системы мифологических персонажей – редукции и частичной утраты части мотивов в той или иной сюжетной линии. Это касается, прежде всего, одного из центральных сюжетов, связанных с ведьмой, а именно – с мотивом отбирания молока у чужих коров. В Самойловском ареале достаточно хорошо сохраняется традиционный для украинской мифологии сюжет «Ведьма доит чужих коров», который может иметь разные варианты. В одном случае хозяйева, придя в хлев доить корову, обнаруживают, что у коровы мокрое вымя, а молока нет:

«До́ють коро́в. Ви́дьмы. То одна́ ба́бка, то друу́а рассказы́вае: “А у мэ́нэ подо́йлы. А у мэ́нэ подо́йлы”. - А як же ты дозна́ла? - А вы́шла вранцэ́, вы́мя мо́крое и молока́ нэма́. И пустэ́. Кто? - Ви́дьма. - А шо ж цэ́ такó ви́дьма? А цэ́ такó: оно́ мо́же преврати́ться и в ко́шку, и в соба́ку, и да́же мо́жэ преврати́ться в

клубок. Бүдэ вот так поперёд тэбэ каты́ться, и на са́мом де́ле, цэ — вѣдьма» (с. Залесьянка, В.И. Федорцов, 1936 г.р.).

Этот вариант широко известен в украинской и белорусской демонологии. Ср., например: «[Ведьмы отнимали молоко] на Ивана на Купального, и коли задумаецца. Кидаецца [превращается] и на ужа, и жабу и на крысу, висисае молоко и несе до дому» (с. Копачи Чернобыльского р-на Киевской обл., 1985 г., НД 1:58).

В другом случае человек слышит, как в хлеву кто-то доит корову и думает, что это делает хозяйка. Войдя в дом, он видит там хозяйку и понимает, что в хлеву была ведьма:

«Это в дѣтстве. Не зна́ю, ско́лько мне было. Лет семь-во́семь мне было. Я в кино ходила на дѣтский се́анс. И с кино пришл́а и ма́ме рассказываю фильм, но слышу, что она́ в сара́е до́ит коро́ву, и рассказываю, рассказываю, и так прям, зна́ешь, увлечѣнно — она́ молчит, вообще ничѣ не отве́чает. Я: «Мам!» — и тако́й грубый голос: «А!» Я до тако́й стѣпени перепуга́лась и убежа́ла домо́й. Зашл́а — в до́ме и ма́ма, и па́па находились. А вот кто?.. Я не рассказ́ала родителям, на́до было рассказ́ать этот эпизо́д родителям. Мо́жет, па́пап бы вышел, посмотре́л, кто там в сара́е... [Вы слышали, что там доили?] — Да. Я прям слышала эти струйки молока́ в ведро́, прям били по ведру. Говорят, что быва́ли такие случаи. И стра́шно было о́чень» (с. Олышанка, Е.Ф. Федорова, 1965 г.р.).

Этот вариант мотива также имеет свою параллель в украинской, в частности, в полесской мифологии: «Мы ужэ пошли спать на Купайло, а баба прала. Колы чуем: брась! — у хливу хворточка [калитка стукнула], хтось доит корову. Дед: «Шо ж, баба здурела, шо у тако врѣмя доит!». Пошел до бабы, а вона ў хати. Пошли до хлива —ничого, только собака побежала, и титьки [у коровы] мокрые. То ведьма була» (с. Рясное Емельчинского р-на Житомирской обл., 1981 г., НД 1:57).

В последние десятилетия хозяева все меньше держат коров на частных подворьях, в связи с этим актуальность сюжетов, связанных с кражей ведьмой молока у чужих коров постепенно уменьшается. В том числе это касается одного из наиболее частотных украинских сюжетов о ведьме в традиции XIX-XX вв.: «Ведьма в виде животного приходит доить чужих коров. Хозяин калечит животное, в которое обернулась ведьма. На следующий день по травмам, обнаруженным у одной из женщин в селе, в ней опознают ведьму». Ср., например, характерную полесскую быличку: «Застаў чэловэк коло сваей кароўы ў сарае сабаку и тягал ее к калодке, лапу адрубать хотел. Вон лапу ей топором адрубил, а утром глянул: сасэдка бэз руки. Дак тая жэншчына ведьма була вона сабакой пэрэвэрнулася» (с. Олбин Козелецкого р-на Черниговской обл., 1985 г., Народная демонология 1:204).

В Самойловском ареале уменьшается число носителей традиции, знакомых с этим сюжетом, снижается и количество нарративов на эту тему, а сами они становятся более краткими и отрывочными. В частности, в подобных рассказах уже практически отсутствует мотив нанесения увечий животному — оборотню с целью дальнейшего опознания ведьмы.

В Самойловке и окрестных селах записан ряд текстов, содержащих характерное для украинской традиции представление о том, что ведьма отнимает у чужих коров молоко, собирая его на какой-либо предмет, который становится символическим вместилищем для отнятого молока:

«Да да́же был слу́чай у нас тако́й. Блауове́щенка, вот у нас село́ здесь есть. Ну, и тоу́да ж е́здили на коро́вах. На коро́вах е́здили. Ну, и бы́ли там в селе́. И е́хали... Щаз же, вот, никто́ не пу́стит, а в то вре́мя... да уо́ворит, е́хали, далеко́ они́ бы́ли, что, сюда́, до Зале́сянки, далеко́ е́хать, на́до бы́ло переночева́ть уде́-то. Попро́сись там до одної́, э́той же́нщины́ и́ли семья́ была́ там. «Мо́жно у вас пе́реночевать?». Ну, про́сто, лошаде́й там... ой, э́тих, коро́в поста́вить, воз свой там, теле́уу и́ли че́ там поста́вить и переспа́ть, а пото́м да́льше. Ну, у́рит, леу́ли спать. А дед, у́рит, не спал е́щё. Ви́дит, у́рит, ба́ба. Вы́шла. И к э́той коро́ве. Что она́ там де́лала с коро́вой? Не зна́ю. И пото́м, у́рит, вы́шла. И (ра́ньше же соло́мой же бы́ли сара́и покр́ты) и там уде́-то тря́почку тудá. Воткну́ла и ушла́. Дед встал: что ж тако́е? Тудá, до э́той — знач́ит, стрі́хоты её называ́лы. Стрі́хоты. И там тря́почка. И он взял. Взял э́ту тря́почку. Ну, у́тром вста́ли и у́ехали. У́ехали, и че́ ж — по доро́ге их доу́нали. И у́рит: «Отда́й тря́почку!». У неё [у же́нщины, у которой ночевали,] молока́ не́ту, э́та е́дут, молоко́ льётся. А там не́ту молока́. И вот они́ доу́нали и у́рят: «Отда́й тря́почку!» «За́чем ты, - у́рит, - взял. - А ты за́чем сде́лала такэ́?» [То есть она на тря́почку перевела молоко́?] Да. Она́ сво́ей коро́ве всё. А е́му - не́ту. А ко́уда он взял тря́почку, у э́той [у его коро́вы] льётся молоко́, е́дут, льётся, а там не́ту молока́. И тря́почки ж не́ту. Он бы перерва́л попола́м, поделе́л бы что ли. [Вот это да. Это, знач́ит, она так сде́лала?] Сде́лала, да. Она́ забрала́ всё молоко́ у э́той коро́вы. Да. Сво́ей. А пото́м э́тот дед неу́лупый был. Сообра́зил и тудá. Та́кие дела́» (с. Самойловка, Л.Е. Галушкина, 1938 г.р.).

В украинской и белорусской мифологии данный мотив встречается в похожей форме: «Наиболее популярными из <...> магических действий «перетягивания» к себе молока являются в Полесье следующие: ведьма привязывает к перекладине своего дома, хлева полотенце (скатерть, тряпку, пояс, нитки) и, когда приходит время вечерней дойки, дергает за концы этой ткани, из которой льется молоко; втыкает нож в дерево, мимо которого обычно проходит сельское стадо, — с ножа стекает молоко (забивает нож либо «зуб» бороны — в стену своего хлева); собирает в Иванов день траву с межевых полос и скармли-

вает своей корове — «и у ней молоко будэ, а ў других у хозяев не будэ»; поит свой скот водой, набранной ночью из чужого колодца и ряд других. Вообще любой предмет, субстанция (щепка, тряпка, солома, трава, веник, земля, песок, навоз), тайно перенесенные к себе с чужого двора символизировали акт «кражи молока» (или других хозяйственных благ)» (НД 1:60-61).

Одна из отличительных особенностей ведьмы — способность к оборотничеству. В Самойловской традиции довольно хорошо известен сюжет о том, как ведьма виде животного (свиньи, кошки) или предмета (иголки, клубка) преследует путника на дороге, мешает ему идти, пугает, сбивает с пути:

«[Колдухи могут в кошку превращаться?] — Да! У нас ба́ба Ма́шка Ярэхвычка так робыла. У соба́ку прэўраца́лася. [Ее кто-нибудь видел?] — А Мишка Ва́син пидышо́ў, идэ, а вона́ выла́зить з викна́, вин пидхо́дэ, ота́к внэза́пно, да пид хвист ей: «А-ав!» - А вона́ и обисра́лася! Да, ну, пра́ўда, оцэ действительно. Ма́шка Ярэхвычка [жила], дэ Па́ўлик наш жывэ сейча́с. А она́ оцим дилом занэма́лася. Одын раз иду я з клуба, ў клуб ходэла, иду з клуба зимо́ю, и шо́-то такий шар снiуу — я иду, и вин потыхэньку ко́тыця, я ста́ну — и вин стоить. Думаю — оцэ ба́ба Ма́шка ужэ. Я иду — и вин ко́тыця, я ста́ну — и вин стоить. Та хорошо́ — двэри у калитки нэ булы закрыти. Ворота́ нэ закрыти. И я зо фсе́ўо ма́ху як розби́ўлася, у ворота́ як ткнулася и быстро закрыла. Як оцэ́й комо́к ба́хнул об оцю калитку, и на фсий калитки ота́к таки разбрэ́лык [размазанное пятно снега] до фсей калитки. [Почему она не могла войти?] — Я закрыла, если она́ ко́мком ота́к. А одын раз иду с клуба так, и за мной ко́тыця цыу́анска иуо́лка з ныткою, з чо́рною, длынна така́ нытка чо́рна. Я вро́де вэрну́сь, хо́чу отак ўста́ть на нэй, а вона́ - ўэ́ть, нияк нэ получа́еця. Всё ра́ўно я нало́ўчылася. Ота́к ишла́, ишла́, и так нэо́жиданно - раз на нытку и друу́ой ноу́ой, и ота́к она́ запры́ўала, иуо́лка, запры́ўала. А я за иуо́лку схвати́лась и нэсу её до до́му. Входу́, так за иуо́лку бэру ту́о, а она́ так пры́ўае, круты́ця ў рука́х... Бэру молоток, дэ оця калытка, оцэ туда, ў столб у вэрх до тако́й стэ́пэни забыла, шо аж з ныткой тудá зали́зла. Ну, и ўсе́, ну, ўрю: «Стий. Як надоймэ, пидэшь». Утром выхо́дит тётка моя, у мэ́нэ родитэ́леў нэ було́, мэ́нэ тётка воспы́тывала. Вот. [Она] прыхо́дэ: «Валя!» Я ўрю: «Чо?» - «А шо цэ у нас ба́ба Ма́шка ро́бэ, Ярэхвычка?» - «Чоуо́?» - ўрю. — «Да вона́ во́лоссем прыбы́та у той, оцэ, во́лоссем туды аж забы́та». Я выхо́дю: «Ах, ба́ба Ма́ша, а ты так и не вырва́лася?» [Она]: «Водпусты!» Ну, я з но́жыком вышла. «Ну, ище́ будэшь би́ўать [за мной]?» Она: «Бильш нэ буду, фсе́, бильш нэ буду!» Ну, и фсе́, я ей взяла́ и одри́зала во́лосся, и она́ пишла́» (с. Ольшанка, В.И. Власенко, 1943 г.р.).

Подобный сюжет о преследовании путника ведьмой, принявшей вид животного (свиньи, кошки, собаки) или предмета (клубка, решета, колеса, копны сена и пр.) является одним из самых частотных в украинской, белорусской и

уюжно-русской традициях. Преследуя идущего по дороге человека, ведьма старается сбить его с ног, прыгнуть на плечи, испугать:

«Ў полноч ходить нельга, буде лякати. Клубок який бежить и доганяе тебе. Буде тільки под ноги бити... Ведьми були. Ведьма — и клубком [может показаться], и котом, и собакой. Чи круглое што-то ходи. Людына перэтворица на кошку, овечку, высасывае у коров молоко. Ведьма робилась на свинню, кота...» (с. Великий Злеев Репкинского р-на Черниговской обл., 1980 г.; НД 1: 85). Ср. также: «Ведьма можэ зрабица иголкаю, курицэю, тэлям, канём — чым хочэш. Карзинаю можэ зрабица, абручом. Абручом на тебе кинецца. Можэ на тебе накинуща» (с. Дягова Менского р-на Черниговской обл., 1985 г., там же).

Этот сюжет связан с возможностью опознать ведьму-оборотня. Предмет, в виде которого ведьма преследует человека, привязывают к столбу, воротам, забору — на следующее утро вместо предмета обнаруживают привязанную женщину. В полесской традиции наиболее частым является превращение ведьмы в колесо, которое само по себе катится по дороге — прохожий продевает веревку сквозь ступицу такого колеса и привязывает его к забору, на следующее утро видят: «соседка лежит на полу, и через задницу, и через рот веревка протянута» (с. Голубица Петриковского р-на Гомельской обл., 1983 г., НД 1:206).

В Самойловском анклавe известны несколько способов опознания ведьмы, имеющих соответствия в украинской традиции. Чаще всего это опознание применяется тогда, когда требуется выяснить, кто отбирает у коровы молоко. В этой ситуации остатки молока сдаивали на сковороду, которую ставили на огонь — отнявшая молоко ведьма придет в дом, чтобы что-то занять (ср. аналогичный мотив в полесской мифологии: НД 1: 222-228):

«Ище як корову доють [т.е. ведьма доит чужую корову]. Надо знать, кто цэ дое. Колы здоишь молока, раскалэш скóвороду и на цю скóвороду оцэ молоко нальёшь. И ёсли оцэ она́ робыла, то она́ придэ до тэбэ за чим-нэбудь. Колы вона́ придэ просыть — солы дай или ще там шо... Иды, уоворыли, похóрошему видсэля. Значыть, ты корову доила. Выдоила молоко́ себе» (с. Ольшанка, В.И. Власенко, 1943 г.р.).

В другом случае если женщина, в которой подозревают ведьму, пришла к кому-либо в гости, нужно втайне от нее перевернуть веник ручкой вниз — ведьма не сможет выйти из дома:

«Есть такэ - ну, как, ба́бка - ба́ба Та́нька. О це яка само́йловска́ или ольшанская. Она у́рит, ёсли хочешь узнáть, что человек на тебя колду́ет-не колду́ет, сде́лай так: он зашёл к тебе́ в у́ости, зашёл. Ты выхóдь. И ви́нек. Ве́ник, зна́ете, что тако́е? Кверх но́уа́ми ста́вьте, о так, с той стороны́, шоб она́ до неу́о не дотро́нуться, с друу́ой. Вот, наприме́р, дверь. На ту сто́рону, короче, ве́ник кверх но́уа́ми и ста́вит. Она́, у́рит, сама́ проверя́ла и при мне. Я ещё ма́лый был. При-

ходит. Зашла в гости она. Вот там чё-то разговаривает. Бабка уговорит на меня: “Дэвись!” Перевернула веник на ту сторону. Она сразу: “Ой, мне домой надо. Домой. Домой надо”. Только до дверей и – черта лысого. Нияк не выйдэ. До дверей сразу. Ну, что-то её останавливает. До дверей и усэ. Опа. И нияк. Домой надо, а нияк не выйдэ. И усэ» (с. Самойловка, А.В. Коваленко, 1982 г.р., И.А. Синельникова, 1980 г.р.).

Этот способ проверки ведьмы хорошо известен во многих славянских традициях: «Для опознания ведьмы в Полесье (как и в других славянских зонах) весьма популярной была практика символического «замыкания» пришедшего гостя в пространстве дома. Если хозяйка подозревала пришедшую к ней гостью в «ведьмарстве», то она украдкой переворачивала стоящие у печи или порога предметы (кочергу, ухват) «зализом угору» или метлу прутьями вверх. В результате этого ведьма не могла покинуть чужой дом» (НД 1:233-234).

Чтобы проверить, является ли подозреваемая в колдовстве женщина ведьмой, нужно в двенадцать часов ночи воткнуть в стену ее дома иголку – ведьма сразу же начнет молиться:

«Видьма ёсли, она <...> устрои, у двенадцать часів ночи надо до ей дома подойты и иглу вот так в стену <...> она будэ сразу Боуу молітся, в двенадцать, видьма» (с. Самойловка, Н.А. Сухомлинова, 1940 г.р.).

Кроме того, известен и другой способ узнать, является ли та или иная женщина в селе ведьмой:

«А ии провэрыть можно лэуко, колдуху – солы коло нэй насыпать, коло калытки, и она зроду нэ выйдэ. Як нэ выйдэ, значыть... <...> У мэнэ сосидка точно така́я була, она нэ прэўрацалась, колдуха. И я ей... взяла нощу и соли отак насыпала коло калытки, прямо так насыпала. Она утром кинулась ў мауазин идты, двэры открыла – и назад, по оуородам побиула. Во! Дывлюсь: муж ии выхóдэ, бэрэ винык, змитá, у ўрабáрку [деревянную лопату] склада, дэрэвянна ўрабáрка...» (с. Олышанка, В.И. Власенко, 1943 г.р.).

Как и в украинской традиции, в Самойловском регионе существует поверье о том, что заставить ведьму обнаружить свою сущность можно, показав ей кукиш:

«Бабушка покойная рассказывала, не ходітэ. А у нас колы бабушка сказала – улядіть, в эту хату не ходіть, там, кажэ, живэ колдұха. Оцэ после войны. Мне было уодов тринадцать. Ещё у мэнэ тётка така́ тож, ей четы́рнадцать. Ещё быў Волóдка. Ужэ умэр, нэмá. “Давайтэ провiрэм!” – “Давайтэ”. И подаліся. Приходым до улухой стéны – а надо в улуху стіну, вин мне ка́же... Ка́же: “Дáйтэ дұли”. Ка́же: “Як дұли дэсі, она́, ка́же, вiскоче. И узнáете – чи колдұха, чи ни”. Тóчно. Мы як пидышли́, [смеется] нáчалы: “Рұли-рұли, нате вам чэтырэ дұли”. [И что было?] Она́ як вiскочила, ба́ба: “Я вас щаз чертынiят приколю́!”, – кажэ,

ауа. Так мы побіулы до до́му, сказа́лы, а бабу́ся ка́жэ: “Ну, чё ж вы пишли! Ведь она ж мо́жет с вас зробі́ть зна́ете что? Заце́м?” Она́ тільки кры́кнула нам: “Ну, ё́сли е́щё прідыты, я вам сді́лаю. Всэм!” Мы бі́льше ни пишли. И по цэ́й дэ́нь я оцэ́ зна́... Оцэ́ було́. Цэ́ сама́ я, лі́чно, ходы́ла. [Э́то просто к стене́ дома́ без окон подо́йти и дулю́ показат́ь?] Ну, оцэ́ о́кна, а тут — үлу́ха́я стена́. В үлу́ху сті́ну онó и на́до. Цэ́ було́. Цэ́ я сама́ прóбовала. <...> “Она, - ка́же, з вас зрóбе ва́ленок”» (с. Самойловка, Р.В. Губина, 1931 г.р.).

В Самойловском ареале хорошо сохраняются традиционные представления о трудной и мучительной смерти ведьмы. Ведьма не может умереть, пока не передаст свое знание другому человеку: «... и когд́а она́ умира́ла [женщина, считавшаяся ведьмой], она́ о́чень трудно и до́лґо умира́ла, ника́к не моу́ла умере́ть, пока́ не назвала́ фами́лию одної деу́чо́нки, её привели, два часа́ они уо́ворили наедине, деу́чо́нка вышла, у́рит: «Вот така́я кни́ґа чо́рная!», вот, и ушла́, а ба́бка умерла́. [А до этого не могла умереть?] – Не моу́ла, мучается, они, уо́воят, о́чень сильно муча́ются, пока́ не назо́вет фами́лию, кому передат́ь, беспо́лезно. Она́ стра́шно умира́ет, тяжело́» (с. Самойловка, В.И. Сахинов, 1953 г.р.).

Чтобы облегчить агонию ведьмы, выламывали доску в потолке или в пороге – эта практика является общей для местной традиции, как и для украинской мифологии в целом:

«Тоди́ потоло́к взрыва́ють, ё́сли вин до́лґо не умрэ́. То колду́нья кый-на́будь. [Э́то колду́нья долго...?] Коне́шно. Вот. У нас в Песча́нце тоди́ Гали́йка, ба́ба была́, зна́ла. Ну, она́ пло́хо де́лала лю́дям. Ну и чё? Ния́к не умрэ́. Потоло́к взрыва́ть, цэ́ ж дила́. А потóм, после́днее дыха́ние, ка́же, двэ́ри навста́ґу як ви́хром далó, ка́же, двэ́ри повыбива́ло. И она́ и ко́нчилась тоди́. Цэ́ ра́ньше бы́ло такэ́» (с. Самойловка, Л.Л. Ле́вина, 1941 г.р.).

В другом случае для ускорения смерти ведьмы разбирали порог: «Цэ́ я чу́л шо́ (я сам нэ́ ба́чил), зна́ю, шо́ ба́бка одна́ была́ - там, напро́тив Вале́ры – ба́бка, ну як, то́же уо́воят, колдува́ла-колдува́ла, нэ́ зна́ю, кто она́ там. Чи ве́дьма, чи бе́лая, чи кра́сная. Нэ́ зна́ю, за коу́о она́ там. Она́ умэ́рала и му́чилась. Они ж ве́дьмы, о́ни му́чаются пэ́рэд сме́ртью. Вин, коро́че, э́то, у́рит. Ну шо́, пришлы́ э́ти. Они дава́й на поро́зе де́руать. Ро́дичи. Я уо́ворю, чё о́ни твора́т? Ба́бка при́сме́рти, о́ни поро́ґу ремо́нтировать наду́малы. Ну, э́тот. Она́ уо́вори́т, шо́б быст-ро́й умэ́рла. Ро́дычи, ви́дно, зна́лы, шо́ она́ занима́лась вот э́той фиу́нэ́й. И поро́ґу оцэ́й о́-па. Срыва́лы. И тады́ ба́бка буквально́ мину́т за пята́дцать [умерла]» (с. Самойловка, А.В. Коваленко, 1982 г.р.).

Как и другие «нечистые» покойники, ведьмы могут показываться людям после смерти, особенно в тех случаях, если при их погребении были нарушены какие-либо предписания. В частности, в местной традиции существует запрет

участвующим в похоронах самим бросать землю на гроб ведьмы после того, как он будет опущен в могилу, не имеющий аналогов в украинской традиции:

«Еду я зимой, фермерствовал, еду я на уазике к дядьке пол-одиннадцатого вечера, там чё-то надо было передать, еду, смотрю, там посадка на половине дорёуи, у Криуши – мужик, ну, он идёт с той стороны, навстрёчу, мне показало, что он без шапки и раздетый... Скорость [у машины] довольно быстрая, промелькнул. Ладно, с дядькой дело сделал, еду назад. Точно, идёт он [мужик] дальше по направлению к Самойлоўке <...> Я сам останавливаюсь: «Куда?» - «Ў Самойлоўку.» - «Ну, садись» <...> Я говорю: «А чё ты раздетый?» Он урит: «Ты знаешь... Ну, ты же видишь, я же трезвый?» - «Трезвый». - «Ну, чё, я сам с Кирикоў, родственники там, умерла женщина. Ну, надо похоронить. Ну, я приехал, туда-сюда, там похороны, фсё. И когда хоронили, - говорит, - мне говорят: «Не кидай землю ей на гроб». Ну, я охотник, для меня... Я бросил. Ну, фсё, похоронили, ну, тут же ближайшие родственники остались, собрались, барана им надо было ещё зарезать, зарезал, ну, говорят, ты устал, приляж, ну, в друую комнату лёу, и ўсё раўно как заснул – не заснул. Смотрю – она, говорит, передо мною сидит. У меня, говорит, каждый волосок стал на уолове, как дрын. Я не помню, как я вышел в друую комнату, а они [родственники] сидят... закурил, покурил, по двору походил, примерещится же такое! Только я опять улаза открываю, она сидит, корона, говорит, у ней чёрная. Ну, тут, говорит, я вообще уже ничё не помню, как я выскочил, урит, и вот я в чём был, выскочил, и вот я прямиком как ломанулся, урит, и вот до самой рёчки меня фсё равно как кто-то толкал, [пока] только рёчку не перешёл. Я же охотник, я же не верю в это фсё. Но вот, хоть верь, хоть не верь, урит. [Значит таким людям нельзя землю на гроб кидать?] – Да, да, которые занимаются чёрными делами...» (с. Самойловка, В.И. Сахинов 1953 г.р.).

Как видно из приведенных материалов, актуальные мифологические поверья о ведьмах, записанные в Самойловском анклав, сохраняют основной комплекс сюжетных линий, характерных для традиционной украинской культуры. Однако, существует ряд мотивов, сформированных, как можно полагать, уже в собственно анклавной среде и являющихся новообразованиями. Сюда можно отнести, как современные представления об обучении колдовству с помощью получаемой по почте «Черной магии», так и запреты бросать землю на гроб ведьмы, нарушение которых ведет к ее возвращению с «того» света.

Литература

Виноградова, Толстая 1995 – Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Ведьма // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., «Международные отношения». 1995. С. 297-301.

НД 1 – Народная демонология Полесья. М., Языки славянских культур. 2010. Т. 1. Сост. Л.Н. Виноградова и Е.Е. Левкиевская

Шевелева 2013 – Шевелева А.И. Демонология украинского анклава Самойловского района Саратовской области в сравнении с украинской мифологической системой. Магистерская диссертация. М., РГГУ. 2013.

М.А. Чернова,
А.А. Лапина

Народная медицина в Самойловском р-на Саратовской области (По следам этнолингвистической экспедиции 2015 г.)

В рамках фольклористической и этнолингвистической экспедиции в село Еловатка Самойловского района Саратовской области в июне 2015 г. был собран интересный и достаточно богатый материал по программе «Народная медицина».

Прежде чем говорить о собственно медицинской магии, скажем несколько слов о том, из каких источников жители исследуемого анклава привыкли получать медицинскую помощь. Представителем официальной медицины в Еловатке является фельдшер - женщина 1960 г.р. Помимо основных своих функций и обязанностей, она вполне владеет и традиционными методами лечения, о чем будет сказано ниже. Кроме фельдшера, жители села в случае болезни обращаются к *бабкам* – знахаркам, четко проводя разграничение их с *колдухами*: «Колдунья, наверное, только плохое делала, а лечили, наверное, знахари....В Самойловке...была там бабка где-то на выезде, на воду заговаривала и вылила воском....Чо щас, щас, наверное, еще больше этих всяких экстрасенсов, знахарей. Раньше были колдуны, а сейчас экстрасенсы» (ж., 1959 г.р.).

Как видно из этого фрагмента интервью, на формирование медицинских представлений, не связанных с официальной медициной, значительное влияние оказывает телевидение, которое формирует представление о специфической группе магических специалистов (экстрасенсах, ясновидящих, магах), не связанных с народной традицией и в сознании местных жителей начинающих конкурировать с традиционными знахарками и колдухами. Информанты вспоминают лечение (разной степени успешности) с помощью телесеансов А. М. Кашпировского и А. В. Чумака:

Соб.: А вот в 90-е не увлекались? Чумак? Не увлекались? Воду заряжать?

Инф.: Нет, но смотрели мы, смотрели. Кашпировского, Чумака.

Соб.: А какое к ним отношение было? Верили?

Инф.: Вроде, верили, ага, да нам оно ничеуо не помоуало.

(ж., 1951 г.р. и ж., 1949 г.р.)

Еще одна информантка (1937 г.р.) рассказала о том, что Кашпировский «по телевизору» вылечил у нее на шее рубец. В интервью также упоминают о телевизионных передачах, посвященных здоровью: передачи Елены Малышевой, «Малахов+».

Знание о травах также передается не только через традицию, но и воспринимается через массовые коммерческие издания. Так, признанная всем селом травница сказала, что теперь информацию о том, когда собирать травы пишут в брошюрах и численниках, а фельдшер заметила, что советовала своим пациентам лечиться травами на основании книжки «Лекарственные растения Саратовской области». Еще один информант указал на то, что вычитывал рецепты в 70-е из книжки «Лекарственные травы». Лечение травами широко распространено у местных жителей. Уже упомянутая травница (доярка 1937 г.р.) рассказала собирателям о применении следующих растений: кровохлебки (от поноса, настойка на самогоне — от выкидыша), чистотела (отвар чистотела — от геморроя, мазь — чтобы смазывать больные места и сводить бородавки), ромашки (от недержания), чабреца и липового цвета (от кашля). Особо ГНФ выделила растение девясил как опасное, но очень полезное. О травах рассказывали и другие информанты, самые популярные лекарственные средства здесь: девясил (от остеохондроза, от артритов, артрозов; от гриппа и даже от сглаза), ромашка (от воспаления; для мытья головы), череда (от кашля и насморка; от крапивницы) и чабрец (для роста волос; от давления; от кашля).

Таки образом, в местной традиции с официальной медициной вполне успешно конкурируют магические специалисты, как традиционные (знахарки), так и навязываемые средствами массовой информации. Знахарки — рассматриваются жителями района положительно, в отличие от *колдунов*, способных нанести вред. Знахарки лечили, к ним обращались в сомнительных ситуациях заболеваний, по поводу которых считалось, что они возникли сверхъестественным образом: "Моя мамка тож лечила, я вон рассказывала девочкам. Сүлаз лечила, больна сама сэрдцем. Никауда никоме не отказывала. Двенадцать чисив, час, два. Стукают: "Оля Константиновна, дэтина умирает, тянет дэтину, младенске это, тянет дэтину". Мамка встает, молится сама и позихает и всю тянет, она личит. А тодиж ... она хворала, личила, сама хвора тодиж, а людей спасала, никогда не отказывала" (ж., 1937 г.)

Интересно, что знахарское «знание», по представлению местных, можно передать по наследству, с одной стороны, а с другой – ему можно научить (определенным действиям и молитвам): "В Самойловке одна лечила. И извих и то-ди, ну все она лечила. Да и сулаз, все она лечила. И она пэрэдала дочке. А сама умерла... А так нихто не хоче....[И учит?] Да, учит....таже «Отче наш» прочитать. Видь, доченка, як я, так и ти". (ж., 1941 г.р.)

В качестве магического специалиста, способного вылечить детские болезни, информанты называли и *черницу/черничку* - в советское время так обозначали женщину, уединенно проживающую в селе, ведущую практически монашеский образ жизни и выполнявшую функции религиозного специалиста в отсутствие священников. В частности, чернички занимались отпеванием покойников и крещением детей. Надо заметить, что черниц в советское время в селе проживало как минимум две (в разное время), а кроме них, повсеместным авторитетом пользовался т.н. "народный" поп Василий (Василий Николаевич Коваленко). Кроме него в Еловатке и окружающих селах существовали (и отчасти существуют до сих пор) "отпевальщицы", составлявшие конкуренцию попу Василию, - группы из 8-15 женщин, которые "пели по покойникам". В селе считалось, что и они могут помочь в случае болезни.

Помимо профессиональных знахарок, лечением своего ребенка в экстренных ситуациях (главным образом при сглазе) занимается мать или кто-то из женских родственников: "[А кто лечил?] Ну, бабушка, свэкровь моя. [А она знала как лечить?] Ну, хто-то одаренный, толи одаренный, то ли...Ну, прочитал молитву и священной водой брызне и оцэ полотенцем накрые. И спыть может двое суток спать, а ты терпи. [А она всех лечила?] Ни, своуо тильке, своих" (2 ж., 1941 г.р.)

Одним из основных детских недугов, требующих обращения к знахарке, в Самойловском районе и селе Еловатке, считается так называемый *младенчик* или *младенческая*, или *падучая младенческа*, т.е. эпилепсия. Местный фельдшер охарактеризовала эту болезнь, как спазмофилию. Лечением этой болезни в исследуемом ареале также занимаются знахарки. В качестве основного метода лечения – накрывание младенца венчальным платьем или фатой, или же, как вариант, венчальным полотенцем, крыжкой, фартуком: "[Болезнь такая есть, младенчик?] Ой, то не дай Боу. Да, тоди накрывают там, или венчальным платьем там, или чем. Ну, конэшно, яки выживалы, а есть таки шо и у нас тут. Двух я знаю, младенчика умэрли..[Это мать должна своим венчальным платьем?]ну да, так, или этим, фартуком. Вот носишь на сиби, снимаю и то его надо поло(жить) и трогать нельзя его. Надо положить и вот то накрыть ним и тоди куды Боу даст" (ж., 1948 г.р.). Информантка, вышедшая замуж в село с Украины, рассказала о практике накрывания ребенка темным платком (метод, прак-

тикующийся у нее на родине). Кроме того, над ребенком принято было читать «Отче наш» и окроплять его святой водой: "Накрывали чем, не знаю, и то дите накрывают, а потом читают то над ней, то и святой водой...оцэ вроде" (ж., 1942 г.р.).

Другая распространенная детская болезнь – *испуг*, который также называют *переляком* или *переполохом*. Считалось, что если какое-то животное сильно испугает ребенка, то это потом будет крайне негативно сказываться на его здоровье. Для избавления от болезни ребенка отводили к бабке (знахарке) и она испуг «выливала» - лила воск в святую воду, держа посудину над головой ребенка. Воск должен был сложиться в изображение того, кто испугал пациента: "Она сама старая, платок черный. Вот это все черное...Он (ребенок) как увидел, как кричит, как плачет...И она молчит, как рыба, а сама свое дело делает. Она вот в эту столетнюю чашку налила воды святой, взяла ножик, подходит к малышу, а он кричит как бешанный, а вот так вот в чашку, крест перед ним делает ножиком...воск туда выливает, а он кричит как бешанный, чо то там прилякало, он кричит, орет, умоляет нас увести его...хоть бабка и говорит: «да малыш, не плачь, да щас я тебе ничо не сделаю эти ножом». Она подходит вот с таким ножиком к нему, он кричал, визжал... [А это где все было?] Да, в Самойловке. А муж говорит: «Господи, да что б мы еще хоть раз поехали к этим бабкам», она нас то испугала этим ножом. Она щас сама в обморок упадет и нож воткнется в нас" (ж., 1960 г.р.).

Существовали и превентивные меры от испуга – вставляли в печную трубу *клэчане* – зелень, которой украшали дом на Троицу (ветки осины, главным образом), а кроме того, в косяке по росту ребенка сверлили дырку и втыкали туда осиновый колышек или, как вариант, волосы ребенка. Считалось, что когда ребенок перерастет отметку с волосами – испуг пройдет: "Это свекровь моя лечила своего сына, Валеру моего, он прелекался, не знаю чо, не помнит она. Берешь волосы, с головы срезаешь, ставишь ребенка к косяку, ну, дверному, вырезаешь волосики так, сколько не знаю, и сколько у него роста прокручиваешь дырочку. В эту дырочку втыкаешь волосы и они там остаются. Как только он перерастет эту отметку, испуг у него перестанет. (ж., 1960 г.р.)

Другим серьезным недугом, которому подвержены абсолютно все – и животные и люди, является, по представлениям жителей села, *сглаз*. При этом дети находятся в особо уязвимом положении. Сглазить может любой человек или же человек с нехорошим глазом. Обычно таких опасных людей все знают и даже более того, люди с «нехорошим глазом» знают об этой своей особенности и могут заранее о ней предупредить, сторонятся новорожденных детей и скот. В селе считается, что наиболее эффективно лечение от сглаза может проводить мать ребенка. Было записано несколько методов действия – мать должна умыть

ребенка святой водой, помоями, или водой, оставшейся от мытья тарелок, а также обтереть его своим подолом — все эти способы лечения сглаза являются универсальными и широко распространены у восточных славян: "А если и сүлазют, так бывало ну там мыем посуду, выливаем там, куды там, или така кадушечка была или ведро, то тоди значит умочишь, так було, ну щас фартуки не носят, а раньше носили ж фартуки, запиндар назывался, завязывали тут, вот и оцэ и полочку, на изнанку, мочишь помыйницу и ребеночка моешь и вытрешь и ўсе, цэ зүлаз тож пройдэ" (ж., 1937 г.р.). Для охраны от сглаза использовали воткнутую в одежду булавку (или несколько булавок, воткнутых в пояс), что является универсальным средством защиты у восточных славян. Местные жители предпочитают не показывать лишний раз маленьких детей посторонним, а люди с черными глазами (или те, которые знаю о себе способность к сглазу) стараются не «дивиться»: "Мэнэ муж бул ўлазливый. Он наших обоих дэтэй народних, вин мисяц их ни в руки не брал, вин ўлазливый. И вообще...вин не бэрэт дэтэй малых и не дивится" (ж., 1945 г.р.; ж., 1943).

Другая младенческая болезнь, известная в селе — *щетинка* - волосики, которые появляются на спине младенца и не дает ему спать. По мнению информантов, болезнь эта приключается в результате нарушения беременной женщиной ряда запретов — пинать домашних животных (кошек или собак), на выплескивать воды из ведра при походе за водой. Щетинку выкатывали горячим хлебом: "То хлебом выкачивали раньше. Хлеб коль из печи вытащииь....коли беременно ходишь, коли из проруби брали воду, с ведерка нельзя было воду выхлюпывать, вот так нэсти шоб на коромысле жэ носили, взливать нельзя воду було. Это вот у ребенка потом будут волоса то на тельце. Так выкачивали горячий хлеб. Коли вытащют с печки и оцэ горячим хлебом по тому, по тому волосикам выкачивали...[Что еще беременным нельзя?] Нельзя кошку пинать, через веник ходить нельзя" (ж., 1937 г.р.).

В комплекс известных лечебных магических практик входят также способы лечения зубной боли, которую заговаривали на молодой месяц. Называют и различные другие средства: положить сало на зуб, положить «чеснок на пульс», натереть чесноком больной зуб, полоскать зубы соленой водой..

Очень продуктивным оказался вопрос о *кори*. Самый распространенный способ излечения кори связан с привлечением красного полотна: им или накрывают больного (7 ответов) или закрывают окна (один ответ). Интересно, что в одном случае предложение накрыть детей красным покрывалом исходит от врача, и здесь можно видеть, что грань между «официальной» и «традиционной» медициной не может быть проведена вполне четко. С помощью красного полотна лечат и другие кожные болезни, вызывающие красные высыпания на коже: *краснуху*, неотделяемую от кори в рамках традиции, а также *рожу* - боль-

ное место намазывали мелом и накрывали красным платком (иногда еще использовали и святую воду). Другое лекарство от кори и краснухи — купание в отваре череды. Больного корью также клали на горячую печь, предварительно посыпанную ржаным зерном.

В Еловатке был записан традиционный рецепт лечения от *желтухи* с помощью вшей, причем, судя по наличию нескольких вариантов ответа, это способ лечения находится в «активной памяти» жителей Еловатки. По одной версии, следовало купить трех вшей на базаре, закатать их в тесто, а потом давать больному (правда, сама информантка сказала, что она не стала бы ничего подобного делать и считает, что лечение в больнице будет надежней). В другом случае рекомендовалось закатать трех вшей в хлеб и есть по одной в день. По третьей версии, вшей следовало заложить в конфету.

Удалось записать и способы лечения *лишая* — его смазывали жидкостью от конского навоза. В другом случае за помощью обращались к знахарке: "Была у нас старушка, даже в Самойловку мы возили, мать возили к старушке. Ну, она что-то-то там делала. А у меня были³ лишаи по всему телу [...] ну и сказали, что «сходи до этой женщины перед закатом солнца» [...] Я побежала, прибегаю, а она: «Раздевайся». Завела меня в дом. «Раздевайся». Я разделась, она взяла вот так пальцы и тычет. И я слышу только «лишай», остальные слова я не... Тыкала, тыкала, и что-то говорила [...]. Говорит «Придешь перед восходом солнца завтра» [...]. И опять такое ж. И третий раз сказала «Перед закатом солнца», я пришла утром, встала — ни одного!" (ж., 1938 г.р.); "У меня мама, например, сводила лишаи [...] А лишай, вот три дня, придут люди, вот например, у кого лишай. И вот она иголочкой чё-то обводит, крестик делает, чё-то тоже разговаривает сама про себя. И проходит, три дня и лишая нету" (ж., 1943 г.р.).

Грыжу традиционно «загрызали» и заговаривали, но известны и другие способы ее лечения: мать натирала тряпку воском, обматывала ее вокруг веретена и, когда та принимала форму веретена, прикладывала широким концом к пупку ребенка; также грыжу снимали, обводя ее веревкой, которой были связаны руки у покойника, и читая молитву.

Ячмень лечили заговорами, например таким: «Ячмень, ячмень, на тебе кукиш. Чего хочешь, того купишь. Купи себе топорок, руби себя поперек» (ж., 1960, род. в с. Ртищево). В одном интервью просто упоминается о «сведении» ячменя, без способа лечения.

В качестве способа лечения от *ангины* обычно называют заговор. При этом в селе вспоминают, что от ангины специально заговаривала мать местного фельдшера, поделившейся историей получения этого заговора: ее мать купила заговор у врачующей женщины за пять рублей (в с. Ртищево). При этом куп-

ленный текст полифункционален: мать информанки читала его от всех болезней. Текст был написан для собирателей следующим образом: «Херу(в?)им, Серафим, Матвей, Тимофей, Анна, Тихон — Утеши от скорби и болезни к рабы(а) ... полностью имя ... по церковн. Читать 3 раза, 3 зари, 3 дня». Заговор читался про себя, при этом мать информантки водила пальцем вокруг больного места. Информантка называет текст «молитвой», но при этом она поясняет, что он — не совсем молитва, а просто «обращение к шести святым».

Болезнь нарыв на пальце, известный у восточных славян под названием *волос* называется в селе как этим словом, так и украинским термином *пидчумок* (по объяснению фельдшера, волос «в медицине называется “панариций”»), однако никаких способов его лечения выявлено не было.

Записано два основных способа лечения *бородавок*. Во-первых, бородавки выводили, натирая их чистотелом, чернилами или уксусом. Во-вторых, практиковалось символическое уничтожение бородавок путем уничтожения объекта, на который переносилась болезнь (уничтожается объект — уходит бородавка). Сюда относится так называемое «вывязывание» ниткой: «Сыдорчина, отца мы³ не вывязывала. Она вязала узелки, читала и сказала “В цветок ныточку закопай, ну в доме, и як ныточка згниет...”. Стало нэма ничего, даже болячки не було, вот тут была страшна...» (ж., 1964 г.р.). Другой вариант: бородавку терли разрезанным яблоком, которое потом закапывали в землю или в навоз. Этот метод лечения включал условие, связанное с лунным календарем: в одном случае указывалось, что натирать картофелем необходимо на ущербный, т.е. убывающий месяц (когда месяц исчезнет — бородавка уйдет). По мнению другой информантки, бородавку терли яблоком, глядя на молодой месяц и приговаривая, чтобы бородавка ушла.

В случае с *веснушками* на первое место выходит не способ лечения, а мифологическая причина: «ластивка [ласточка] обосрала». Из установления связи ласточки с веснушками возникает диалектное название веснушек — «ластивки», а человек, покрытый веснушками — «ластивячий». В одном из интервью зашла речь о том, что ласточку нельзя трогать, чтобы избежать веснушек, однако в целом можно констатировать, что методы выведения веснушек мало мифологизированы: или о них не знают или предлагают в качестве средства кирпич, перекись водорода или специальные отбеливающие крема.

Иногда информанты упоминают также болезни спины и костей. Их лечение также отдавалось специалистам:

И (ж., 1937 г.р.): Вот вывих лэчили [...] Пидэшь, у нас была бабушка Евдоха, звалы³ так, бабушка Евдошка ...

Соб.: А как бабушка полечила?

И: Ну, як-то она поправляла, як-то там нащупывала косточки и поправляла ...

Соб.: А она просто поправляла или шептала что-то?

И: Ну, что-то... молю твыньку шептала. Поправляла...

Известно также, что в Красном Яру (село в соседней Волгоградской обл.) была бабка, к которой ездили лечить спину. С болезнью костей могли справиться и самостоятельно: когда у матери одной из информанток скрутило руки и ноги, их лечили куриным навозом и горячей водой. При больной спине лежали на горячей печи, предварительно посыпанной зерном.

Таким образом, в рамках прошедшей экспедиции удалось собрать достаточно широкий пласт актуальных мифологических представлений о болезнях и способах лечения. Наиболее ярко выраженные традиционные способы лечения связаны с детскими болезнями (младенчик, испуг, разрезание пуп и т.д.) и с лечением бородавок, зубной боли, грыжи, желтухи и «красноты» (кори и краснухи). Для лечения жители села обращаются как к официальной медицине (фельдшеру), так и к магическим специалистам – знахаркам (бабкам), а в недавнем прошлом – к черничкам и "народному священнику" В.Н. Коваленко. В целом, можно констатировать, что общая картина совпадает с русской, диалектность проявляется в основном на уровне терминологии. Также необходимо сказать, что представления о вне-официальных способах лечения формируются не только в рамках традиции, но и за счет массовой культуры (через опубликованные травники, телепередачи).

ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю.В. Филиппов

Лингвокультурный подход к изучению культурных практик: экскурсия как средство освоения пространства и времени

Основные термины и понятия

Культурологический подход к изучению экскурсий состоит в их рассмотрении как одного из типов социального взаимодействия, в ходе которого транслируются определенные культурные значения, то есть значимости или ценности, релевантные для определенных групп в данном обществе. Такие социальные действия (или «взаимодействия») мы и предлагаем называть культурными практиками. Экскурсия с точки зрения потребителя, выбирающего форму проведения свободного времени, является также досуговой практикой и может изучаться в ряду других способов времяпровождения. По типу социального взаимодействия экскурсия является коммуникативной практикой, точнее практикой непосредственной коммуникации с возможностью обратной связи, хотя и при подчиненной роли последней. Это означает, что в отличие от практики кино- или телепоказа, отправитель сообщения сразу получает отклик от реципиента, хотя роль этого отклика в самом взаимодействии не носит определяющего характера: экскурсовод может лишь незначительно скорректировать текст экскурсии в процессе его исполнения в зависимости от реакции аудитории. При лингвокультурном изучении экскурсий основное внимание уделяется особенностям языковой формы, в которой транслируются культурные значения. Оставаясь, таким образом, в рамках культурологического знания, то есть воспринимая отдельную экскурсию как факт конкретной реализации культурной практики определенного типа, лингвокультурный подход основное внимание уделяет формам языкового выражения передаваемых смыслов (словам, устойчивым словосочетаниям) и риторическим конструкциям (эксплицитным и имплицитным приемам убеждения), которые являются характерными для всей национальной речевой и коммуникативной культуры на данном этапе ее существования. Общей задачей изучения материала в этом случае будет выявление результатов использования неспецифических для данного жанра языковых средств в конкретном типе социального действия. Если говорить проще, нас интересует, как доминирующие в культуре установки выражаются в экскурсионных текстах при их реальном исполнении. Особенности реализации этих установок помогут

ответить на вопрос о функции экскурсии как культурной практики в современном обществе, причинах ее востребованности и перспективах.

Экскурсия в теории экскурсионного дела

Для исследователя, имеющего возможность сравнивать место экскурсионного дела в общественной жизни России советского и постсоветского периодов, очевиден его исторический характер. Изменения, произошедшие в практике массового туризма за последние тридцать лет, очень показательны для понимания современных процессов в российской культуре. Однако, поскольку мы уже никогда не сможем этнографически корректно собрать полевой материал по экскурсиям советского времени, нам остается пользоваться воспоминаниями, прежде всего собственными, или теорией, то есть зафиксированными в опубликованных текстах представлениями о «правильном». В этом разделе мы кратко рассмотрим основные положения теории экскурсионного дела, прежде всего касающиеся коммуникативного и собственно языкового аспекта, попытаемся выяснить, какой *должна быть* экскурсия в соответствии с установками, эксплицитно доминирующими при подготовке профессиональных и непрофессиональных гидов до сих пор. Это даст нам возможность в дальнейшем отследить особенности экскурсии уже как практики, осуществляемой в конкретных социокультурных условиях, увидеть ее трансформации, которые реальная социальная действительность обусловила в сравнении с теорией. Сразу отметим, что речь пойдет исключительно о российском материале: понимание «экскурсионного дела» в других странах существенно отличается от отечественного. Сравнение было бы весьма интересно, но должно стать темой особой работы. Своеобразие роли организованных осмотров культурных памятников различного рода в нашей стране конечно же связано с идеологизацией всех социальных практик в советское время. С другой стороны, именно в России работали выдающиеся теоретики экскурсионного дела Иван Михайлович Гревс (1860-1941) и Николай Павлович Анциферов (1889-1958). Их работы подробно проанализированы Б.Е. Степановым¹, мы же ограничимся конспективным изложением своего рода итогов теоретического и дидактического развития этих теорий, изложенных в

¹ Степанов Б. Е. Знание о прошлом в теории экскурсии И.М. Гревса и Н. П. Анциферова // Феномен прошлого / Отв. Ред.: И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. С.419-475. Он же: Навстречу прошлому: экскурсионная практика и философия памяти в творчестве И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Отечественные записки. 2008. № 43. С. 311—339. Он же: «Ковчег былого»: город как объект исторической экскурсии // Визуальная антропология: городские карты памяти / Под. ред. П.В.Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2009. С. 99—121.

специализированных учебных пособиях на примере одного из них¹. Оно составлено видным организатором экскурсионного дела в нашей стране Борисом Васильевичем Емельяновым (1918-2001) и предназначено непосредственно для подготовки экскурсоводов в качестве теоретической основы. Здесь же можно найти изложение разных точек зрения теоретиков и методологов экскурсионного дела (экскурсионистов) на интересующие нас вопросы. Несмотря на то, что данное пособие переиздавалось и после 1991 года, подавляющее большинство отраженных в нем положений восходят к советскому периоду и могут рассматриваться как вполне «официальные» установки того времени.

В соответствии с определением Н.П. Анциферова, данным им еще в 1923 году, экскурсия есть «прогулка, ставящая своей задачей изучение определенной темы на конкретном материале, доступном созерцанию». Когда-то под изучением как сутью экскурсии — «прогулки с практической целью» понималось научное изучение, позднее значение слова сместилось в сторону «личного» и стало означать скорее «знакомство», получение знания нового не вообще, а нового «для себя». В советское время экскурсия как вид деятельности входила в понятие «туризм» и была одним из направлений «культурно-просветительской работы», основной задачей которой было воспитание «правильной» идеологии. Неудивительно, что развитие экскурсионного дела в СССР началось в 1920-е годы именно в рамках школьной педагогики (музейные экскурсии существовали и раньше). Практику, которая предшествовала экскурсиям, принято несколько пренебрежительно называть «гидизмом», определяя ее как «бессистемный осмотр достопримечательных мест, памятников истории и культуры». «Только раскрытие темы на зрительных объектах можно считать экскурсией, в отличие от показа объектов в порядке их появления перед глазами экскурсанта, так называемого «гидизма», пишет Б.В. Емельянов². В соответствии с этим пониманием перед советскими экскурсоводами ставились следующие задачи:

- помочь экскурсантам *увидеть* объекты, на основе которых раскрывается тема (курсив везде мой — Ю.Ф.);
 - предоставить об этих объектах *необходимую* информацию;
 - помочь *«ощутить»* величие подвига, значение исторического события»
- и, наконец,

¹ Емельянов Б.В. Экскурсоведение. — М: Советский спорт, 2007. — 216 с.

² Емельянов Б.В. Экскурсоведение. — М: Советский спорт, 2007. — 216 с. Раздел 1.2. Ссылки на это пособие даются по разделам и параграфам, поскольку в основном при работе нами использовалась электронная версия учебника на сайте: http://modernlib.ru/books/emelyanov_boris_vasilevich/ekskursovedenie_uchebnik/read.

- помочь овладеть практическими навыками самостоятельного наблюдения и анализа экскурсионных объектов.

Первые три задачи имели общую цель — «выработать у экскурсантов отношение к теме экскурсии, деятельности исторических лиц, событиям, фактам, в целом к материалу экскурсии и дать ей *свою* оценку»¹. Четвертая задача подразумевала развитие «умения видеть», то есть формирование эстетического и исторического восприятия, причем формулировки этих видов восприятия представляются чрезвычайно продуктивными и сегодня. Эстетическое восприятие понимается как «способность воспринимать архитектурные массы, краски, линии всякого рода, группировки масс, красок, линий и их комплексы в условиях перспективы, света, воздуха, угла зрения». Историческое восприятие состоит в том, чтобы «уметь найти в объекте типичные черты и особенности историко-культурного характера; уметь определить наслоения, сделанные временем в облике объекта, и его эволюцию; уметь найти исторические факты в монументальных и музейно-исторических памятниках; умение различать культурный (в смысле ценностный — Ю.Ф.) контекст создания объекта и его современное восприятие (и восприятие в другие эпохи)².

Основными составляющими экскурсии традиционно называются показ, рассказ и движение. Нам представляется, что как культурная практика (форма трансляции культурных значений и ценностей) экскурсия может быть рассмотрена на нескольких уровнях: на уровне выбора темы (тематический уровень, идентичный повестке дня при анализе новостей), на содержательном уровне (подбор информации и формы ее представления в контрольном тексте экскурсии) и на уровне исполнения (в теории экскурсионного дела это называется индивидуальным текстом, для нас — непосредственно тот текст, который слышит экскурсант). Основываясь на тексте учебника Б.В. Емельянова, можно выделить и несколько способов говорения об экскурсиях, которые можно также назвать измерениями:

1. Телеологическое измерение — оценка экскурсии с точки зрения идеологической, воспитательной и коммерческой эффективности. Эффективность экскурсии любого рода определяется знаниями экскурсовода, умением использовать методику преподнесения этих знаний аудитории, способностями в общении с экскурсантами и другими людьми (работниками музеев, водителем автобуса), а также активностью самих экскурсантов.

2. Коммуникативное измерение. С этой точки зрения, экскурсия является формой прямого общения и относится, по выражению Емельянова к «духовно-информационному» типу общения, сочетающему два вида отношений между

¹ Там же

² Там же

субъектами и объектами в плане содержания, а также личностные и групповые отношения в плане формы.

3. Литературное или текстологическое измерение. В любой экскурсии можно выделить те же элементы, что и в литературном произведении: композицию (построение, соединение, составление отдельных частей в целое); сюжет (событие или несколько событий, связанных друг с другом), фабулу (цепь событий, о которых повествует текст). В изложении фабулы традиционно различают завязку, развитие действия, кульминацию, развязку. Подобное разделение возможно использовать и при анализе экскурсий, и при их подготовке.

4. Театральное измерение. С этой точки зрения экскурсия, как и театральный спектакль, представляет собой синтез сразу нескольких форм представления материала: она может включать личные встречи с людьми (ветеранами, работниками предприятий, сегодня — представителями конфессий), фрагменты из фильмов, прослушивание музыкальных произведений и выступлений государственных и общественных деятелей в звукозаписи. Исходя из этого, организация экскурсионного процесса подразумевает элементы режиссуры и сценографии.

Особое внимание при анализе реальных экскурсий следует уделять жанровой или стилистической составляющей, а также речевым приемам и тактикам в рассказе экскурсовода. С содержательной стороны в экскурсионном тексте выделяются модальности (информационной) справки, описания, характеристики (оценки) и объяснения. В качестве примера характеристики Б.В. Емельянов приводит в своем пособии следующий отрывок, посвященный памятнику «Легендарная тачанка», сооруженному в степи, неподалеку от Каховки (Херсонская область Украины), в котором сочетается зрительно воспринимаемое описание объекта с его оценкой: «... В стремительном порыве мчит тачанку четверка разгоряченных бешеной скачкой коней. Подавшись вперед, подгоняет их красноармеец-ездовой. Извергая огонь, неистово трясется «максим» в руках молодого пулеметчика. На летящей навстречу врагу тачанке развеваются победный стяг. Все здесь пронизано безудержной динамикой, романтическим пафосом героических лет гражданской войны. Напор, сила, удаля, вихревая стремительность композиционно выявлены выразительным, чеканным силуэтом, уверенной экспрессивной лепкой. Памятник очень впечатляет. Стоит раз увидеть его, чтобы запомнить на всю жизнь»¹. Очевидно, что тематическая специфика советского времени реализуется здесь в не менее специфической речевой форме, привычной для определенных жанров того времени и, как минимум, неоднозначно воспринимаемой сегодня. Пример реализации модальности объясне-

¹ Там же, раздел 2.4.

ния еще более показателен. Он взят Б.В. Емельяновым из экскурсии на военно-историческую тему (подтема «Во имя мира на Земле»): «... Танк взошел на пьедестал, чтобы беречь вечный покой неизвестного солдата, чей прах находится в этой земле, чтобы постоянно воздавать славу мужеству русских воинов. Сегодня, стоя на этой господствующей над окружающей местностью высоте, танк охраняет теряющиеся за кромкой горизонта виноградные плантации, пшеничные поля, процветающие под мирным небом и солнцем поселения, счастье и радость людей¹». Такое описание подходит для нескольких сотен практически идентичных монументов, представляющих собой танки, реже — артиллерийские орудия и самолеты, установленные на пьедесталах. Этот довольно особенный и свойственный именно советской стратегии материализации памяти тип объекта может стать предметом показа либо при детальном описании с перечислением технических характеристик конкретной модели, либо при наличии облеченной в яркую форму интрепретации (объяснения).

Среди других речевых тактик и приемов, применяемых при индивидуальном исполнении экскурсионного текста, отметим комментирование, репортаж (импровизация), цитирование, риторические вопросы, прием ссылки на очевидцев. Последний трактуется довольно широко: в качестве очевидцев могут фигурировать и нематериальные объекты, например, древние башни и стены Кремля, «видевшие» многие исторические события. Выделяемый особо прием заданий, как правило, ограничивается вопросами, но уже не риторическими: «Подумайте, почему этот памятник так назван?», «Вспомните, на что похоже это здание?», «Какие приметы на местности говорят о прошлом?» и т.д. Прием соучастия состоит в намеренном вовлечении слушателей в сюжет повествования: «Представьте себе, что мы с вами находимся на этом поле во время наступления вражеских войск»².

В советском экскурсоведении субъективность экскурсионного рассказа вполне осознавалась и формулировалась как «проблема тенденциозности экскурсовода». Эта «тенденциозность» оценивалась исключительно положительно и трактовалась как «четкая направленность взглядов и действий экскурсовода, стремление не только довести свою точку зрения до экскурсантов, но и убедить их в ее правильности»³. Залогом успеха здесь служила «собственная убежденность экскурсовода, основанная на его знаниях, идейности и активности жизненной позиции». Отношение к экскурсоводу как к «бойцу идеологического фронта» подразумевало, что он выступает по отношению к экскурсантам одновременно с нескольких позиций: информатора, комментатора, собеседника, со-

¹ Там же.

² Там же.

³ Раздел 3.2. Личность экскурсовода.

ветчика и эмоционального лидера¹. Характерно, что экскурсоводам рекомендовался несколько приподнятый тон речи на протяжении всей экскурсии. Таким способом слушателем должно было передаваться восприятие экскурсии как исключительного события и вызываться доверие к информации, а также поддерживаться социальный оптимизм, являвшийся «официальной» эмоцией советской эпохи.

Важным принципом экскурсии с точки зрения ее содержания, наряду с принципами научности и идейности, назван в пособии Емельянова принцип связи с современностью. Он является как логичным развитием «принципа идейности», так и условием эффективности любой экскурсии². Современность в экскурсии могла проявляться трояко: тема экскурсии могла быть целиком посвящена событиям сегодняшнего дня (темы «Калуга строится», «Генеральный план реконструкции города в действии»); современности могла быть посвящена часть экскурсии, одна или несколько подтем, что характерно для обзорных экскурсий («Мурманск — столица Заполярья», «Край наш Раменский»; экскурсия полностью посвящена показу историческим событиям, показу памятников истории, но события прошлого получают оценку с позиций современности³.

Освоение времени и пространства в экскурсионном тексте

Одним из важнейших способов ментального или психологического освоения определенного пространства является построение таких высказываний об этом пространстве, которые вписывали бы его в понятную говорящему систему смыслов. Автор высказывания подразумевает, что его слушатель или читатель воспримет это высказывание как адекватное и солидаризуется с ним, если не по содержанию, то по крайней мере на уровне выражения, то есть в языковом отношении. Соответственно высказываниям о пространстве свойственны те же черты, что и другим высказываниям в рамках определенного дискурса как типа языковой деятельности.

Стремление воспринимать сложные явления как единства, искать в них объединяющее самые разнообразные их проявления начало (дух, душу, характер) свойственно европейской культуре как минимум, со второй половины 18 века. В отношении народов (наций) и языков оно ярче всего реализовалось в работах И.-Г. Гердера и В. фон Гумбольдта, в отношении пространства проявилось, например, уже у А.И. Герцена (*Venezia la bella*). Однако, концептуализировал (осмыслил и сознательно использовал) понятие

¹ Раздел 3.5. Речь экскурсовода.

² Раздел 1.3. Функции и признаки экскурсии.

³ Там же.

«душа города» Н.П. Анциферов как раз в связи с разработкой теории экскурсоведения. «Экскурсия должна быть постепенным покорением города познанию экскурсанта. Она должна раскрыть душу города и душу, меняющуюся в историческом процессе, освободить ее из материальной оболочки города, в недрах которой она скрыта, провести таким образом процесс спиритуализации города. Тогда явится возможность вызвать беседу с душой города и, быть может, почувствовать некоторое подобие дружбы с ним, войти с ним в любовное общение...»¹. Кроме очевидно «органицистического» или антропоморфического отношения к объекту, обращают на себя внимание слова «покорение» и «спиритуализация» в отношении пространства. Важным инструментом спиритуализации Анциферов считает литературные тексты: «Отражение Петербурга в душах наших художников слова не случайно. Здесь нет индивидуальностей....Создается впечатление, что душа города имеет свою судьбу и наши писатели, каждый в свое время, отмечали определенный момент в истории развития города»²

Если в понимании советских теоретиков сущность экскурсии отразилась в определении ее как «суммы знаний, в специфической форме сообщаемых группе людей, и определенная система действий по их передаче»³, то реальное социокультурное и социально-психологическое содержание этой практики сегодня явно не укладывается в рамки чисто информационного или познавательного. Наша гипотеза состоит в том, что экскурсионная практика в современной российской действительности представляет собой переходную форму от внешне пропагандистской, а реально развивающей культурно-досуговой деятельности, каковой она была в советское время, к внешне развлекательной, а реально индоктринирующей форме досуга. Причем, если пропагандистская составляющая советского периода была полностью продиктована единой официальной идеологией и контролировалась относительно формально, то современная индоктринация лишь частично и, как правило, стохастически совпадает с насаждаемыми властью идеями, являясь «инстинктивными» действиями отдельных, часто неформальных групп по распространению своих взглядов. Если говорить содержательно, то официальная пропаганда в экскурсионной практике сегодня реализуется в основном на уровне тематики экскурсий, рекомендуемых учебным заведениям. Тематика эта почти исключительно военно-патриотическая, а участие школьников в таких экскурсиях может ограничиваться экономическим фактором: в большинстве случаев оплачивать их должны родители. Среди идей

¹ Анциферов Н.П. с. 16.

² Там же, с. 31.

³ Емельянов Б.В. Экскурсоведение. Раздел 1.2. Сущность экскурсии.

неформальных сообществ доминируют стихийный патриотизм, иногда ориентированный национально: идея «наше, российское или русское — если не лучшее или первое, то уж точно самое оригинальное»; иногда — локально: «у нас много интересного», «Кронштадт — Петербург в миниатюре», а иногда и тематически: «Пушкин — наше все!».

Причиной, по которой экскурсии остаются востребованной услугой, кроме культурной привычки, является социально-психологическая потребность освоения чужого пространства, освоения, для которого рядовой индивид нуждается в посреднике. Этот посредник создает своего рода информационное поле, в котором новое преподносится через уже знакомое, постепенно становясь опознаваемым, знакомым, немного своим. Реплики, которыми обмениваются экскурсанты во время самой экскурсии, позволяют выделить в качестве основного когнитивного приема присвоения пространства оценку через сравнение.

Наряду с освоением пространства в процессе экскурсии происходит и освоение времени. Разумеется, этот аспект сильнее всего проявляется в экскурсиях на различного рода историко-культурные темы, однако, и обзорные, и производственные и даже природоведческие экскурсии не могут в той или иной мере не затрагивать прошлое. Остановимся ненадолго на том, что же представляет собой знание о прошлом вообще и в экскурсионном тексте, в частности?

Не будет большой ошибкой утверждать, что в сущности любое знание делится на знание о вневременных закономерностях (камень подброшенный вверх будет падать с определенной скоростью независимо от того, в каком веке это происходит) и знание о прошлом — далеком или не очень. Знание о закономерностях является в определенной мере и знанием о будущем, которое вне этих закономерностей являет собой неизвестное. Настоящее — есть то, что непосредственно воспринимается нашими органами чувств: непосредственное знание о нем ускользает и превращается в знание о прошлом уже в тот момент, когда мы задаемся вопросом о том, что собственно происходит здесь и сейчас. Знание о прошлом, свидетелем которого человек был, является в большей мере личным воспоминанием, чем знанием. Знание о прошлом, свидетелем которого человек не был, в большей мере является представлением, чем собственно знанием. Такое представление складывается в сознании из впечатлений, создаваемых различного рода повествованиями о былом — историческими нарративами. Научное историческое знание отличается от обыденного знания о прошлом не мифологизированной достоверностью, а открытым (эксплицитным) объявлением, и, разумеется, предваряющим его осознанием условий получения. Профессиональный (хороший) историк сообщает

читателю, на каких источниках основаны его утверждения, при помощи каких аналитических операций (методов) они были получены и какие ограничения накладываются на них объемом источниковой базы и методологией. Обыденное знание не отягощает себя подобной рефлексией и потому само может быть объектом научного изучения. Обыденное знание от научного отличается также своей «всеобщностью». Оно, как правило, не имеет автора, а его носителем является не конкретный исследователь и научное сообщество в той мере, в которой результаты исследования им приняты, но практически все общество, в котором это знание, а точнее набор представлений, функционирует. Эти представления целесообразно называть образами прошлого: в них больше ярких картинок, чем детальной информации, случайных связей, нежели закономерностей, событий, нежели процессов.

Если рассматривать прошлое как набор «объективных» фактов — собственно «то, что было», то, во-первых, факты не могут быть строго объективными, поскольку нуждаются в именовании, а языковая форма именовании неизбежно будет содержать их оценку с той или иной степенью откровенности. Во-вторых, если все-таки допустить возможность абстрагирования от языковой формы, то такое прошлое вряд ли кому-то будет интересно — «ну было и было» — ибо утратит малейшую связь с настоящим даже на уровне языковой формы. Таким образом, так называемые «факты» прошлого в действительности представляют собой культурные концепты и обладают теми же коммуникативными свойствами, что и слова — имена концептов: они достаточно определенно обозначают для представителей культурного сообщества то, о чем говорится, но могут использоваться для весьма различных по содержанию сообщений. На «факты» прошлого ссылаются в самых разных жанрах публичной сферы — от новостей до политических дебатов. Культурно-исторический туризм как досуговая практика и экскурсия как практика культурная представляют нам ситуации намеренного говорения о прошлом, причем прошлое здесь, в отличие от экскурсий других типов, например, натуралистических, является центральной темой — так же, как и в самой исторической науке.

Культурология, в отличие от истории, декларирующей своим объектом «факты прошлого», изучает только интерпретации этого прошлого, как синхронные самим событиям, так и появившиеся в последующие эпохи вплоть до современной исследователю. Лингвокультурный подход к изучению экскурсий предполагает их рассмотрение одновременно как культурной практики, части особого «туристического дискурса», определенного типа коммуникативного поведения и речевого жанра. Исходя из этого, при анализе излагаемой в тексте экскурсии информации предполагается раскрывать ее

дения, при помощи
ны и какие ограни
базы и методолог
флексией и потому
ное знание от на
авило, не имеет авто
и научное сообществ
няты, но практически
набор представле
но называть образ
детальной информ
нежели процессов
бъективных» фактов
не могут быть ст
нии, а языковая ф
с той или иной степ
допустить возможн
ое вряд ли кому-то
йшую связь с насто
так называемые «фак
культурные концепт
что и слова —
ают для представ
могут использоваться
На «факты» пр
еры — от новост
м как досуговая пр
ам ситуации изме
чие от экскурсий
альной темой — та
рующей своим о
и этого прошл
следующие эпох
й подход к изу
еменно как куль
а», определенно
одя из этого, при
олагается раскр

идейное, ценностное содержание, возникающее при соединении в сознании экскурсанта визуального ряда демонстрируемых ему памятников культуры и текста экскурсии. Сам экскурсионный текст рассматривается не только как продукт эпохи, в которую он создавался, но и как содержание определенного типа речевых действий, осуществляемых в конкретный исторический микропериод. Таким образом, при каждом исполнении и потреблении (чтении, прослушивании) текст инициирует новый коммуникативный акт, смысловое или ценностное назначение которого зависит от множества параметров социокультурного характера и является предметом рассмотрения. При лингвокультурном рассмотрении текста экскурсии исследователю важно не только выделить в повествовании факты (в обыденном смысле слова), с одной стороны, и их оценку и интерпретацию, с другой, но и распознать и описать языковые и риторические средства этих оценок и интерпретаций.

Определение и осмысление особенностей репрезентации российского прошлого в туристическом дискурсе, в частности, в текстах массовых экскурсий, одна из сторон их лингвокультурного анализа. Конкретная техника такого анализа состоит в выявлении в собранных текстах двух аспектов. Во-первых, собственно «повестки дня», т.е. того, что выбирает экскурсовод темой своего рассказа, о чем он считает нужным говорить, что он полагает интересным для слушателей. Важно и то, какую в принципе историю представляет гид в своем рассказе: экономическую, политическую, социальную, историю технологий или искусства, и то, какие факты и имена выбраны уже в рамках этих сфер. Во-вторых, необходимо отслеживать любую оценку событий и персонажей прошлого и настоящего, звучащую в повествовании, явно или скрыто, осознаваемую говорящим или подсознательную, а также языковые средства, при помощи которых эта оценка реализуется. Интерес при изучении обыденных представлений о прошлом состоит, на наш взгляд, в раскрытии не столько источников его получения, сколько самих механизмов его создания, распространения и бытования в определенном социокультурном контексте. Знание, которое мы получили в результате такого изучения, является знанием о современном обществе, господствующих в нем установках и ценностях.

Экскурсионный текст отличается от других способов говорения о прошлом в первую очередь тем, что привязан к конкретным реально существующим местам или локусам. При этом в отличие от лекции он предусматривает не просто визуальную демонстрацию «мест памяти» на слайдах или в видеозаписи, а физическое перемещение в пространстве. Связь между местом и содержанием повествования может сильно варьироваться и по характеру, и по степени убедительности мотивировки, но в любом случае

практика экскурсии должна соединять непосредственно визуально воспринимаемое туристом и то, что он слышит. Результатом такого соединения является наполнение конкретного пространства смыслами, его превращение в знакомое экскурсанту, освоенное им ментально. Такого рода освоение является целью любого путешествия и основой имеющего уже тысячелетнюю культурную историю типа речевого действия, соединяющего в себе пространство и язык и включающего туристический дискурс лишь как частный случай, хотя и самый распространенный и массовый в последние полвека. Этот более общий тип речевой или языковой деятельности условно можно называть «дискурсом путешественника».

Вопросы, которые лингвокультурные исследования могут ставить к языковым репрезентациям объектов, которые их авторы сочли достойными быть увиденными¹, довольно очевидны. Как строится представление определенного места в экскурсионном нарративе? Как связываются между собой повествование (нарратив) и место (локус)? Какова структура и стандартные составляющие рассказа о конкретном месте? Как варьируется текст и содержащаяся в нем репрезентация места в зависимости от адресата (половозрастного, возможно, социального или профессионального состава группы), языка (опять-таки адресата, но уже с национально-культурной точки зрения), автора (индивидуальные и типологические особенности), времени создания, типа воспроизведения текста (рассказ «лицом к лицу», в автобусе), технического медиума (микрофон-усилитель, дистанционный микрофон, аудиогид).

Современные экскурсии по Москве, Санкт-Петербургу и Ленинградской области: некоторые примеры и выводы

Материал, о котором пойдет речь в дальнейшем, собирался в основном в Санкт-Петербурге в 2013-2015 годах в «высокий сезон» (середина июня — начало июля). Часть примеров была собрана в те же годы в Москве, но в осенне-весенний период. Группы, для которых проводились экскурсии, были либо смешанными, либо состояли из студентов РГГУ, однако, никакой соответствующей типу аудитории корректировки экскурсионных текстов замечено нами не было.

«Ассортимент» экскурсий, предлагаемых туристу летом в Санкт-Петербурге, весьма ограничен. Это обзорные экскурсии по городу на автобусе

¹ Калька с выражения, существующего во многих европейских языках: *worth to be seen* (англ.), *sehenswert* (нем.), *merita di essere visto* (ит.). На наш взгляд более очевидно, чем русское слово «достопримечательность», маркирует включение объекта в сферу внимания слушающего.

(продолжительностью до 3 часов) или теплоходе (1 час), их ночные («на разводку мостов») и комбинированные версии (до 6 часов). Из пригородов повсеместно предлагаются только Пушкин и Петергоф, несколько реже Павловск, Стрельна и Кронштадт. В 2015 году в «обязательный» список вошла экскурсия «Храмы Санкт-Петербурга». Мобильные киоски, в которых рекламируются эти экскурсии, можно встретить едва ли не на каждом шагу на всем протяжении Невского проспекта от Московского вокзала до Дворцовой площади, а также около всех «брендовых» достопримечательностей города («Медный всадник», Храм Спаса на крови, Исакиевский собор и т.п.). Они успешно конкурируют в летний сезон со стационарными пунктами розничной продажи крупных городских турфирм, расположенными по большей части перед Гостиным двором. Любые другие экскурсии, хотя и представлены на рынке, проходят относительно редко (все вышеперечисленные, как минимум, ежедневно) и предполагают предварительную запись за несколько дней. Наряду с «обязательной» программой они включаются в организованные многодневные групповые туры, но редко самостоятельно приобретаются туристами, приехавшими на 3-5 дней. Таким образом, все экскурсионные продукты на туристическом рынке Санкт-Петербурга целесообразно разделить на две категории: рассчитанные на самого массового потребителя, приехавшего в город самостоятельно, то есть без посредничества туристической фирмы, хотя чаще всего с семьей или компанией, на несколько дней и готового «спонтанно» приобретать на улице экскурсии из «стандартного» набора, и экскурсии, ориентированные на более «взыскательную» публику — тех, кто в городе не первый раз и уже видел основные достопримечательности. Такие клиенты заранее выбирают интересующие их экскурсии и бронируют места. Некоторые экскурсии, называемые, как правило, авторскими, проводятся раз в два-три месяца и посещаются жителями города. Отражается ли проведенное нами по внешним признакам — периодичность проведения и массовость предложения — различие двух типов экскурсий в их содержании и языке, предстает еще изучить.

Далее мы попробуем посмотреть, как в тексте отдельных экскурсий были представлены различные периоды российской истории. Экскурсия «Царское село»¹ (именно под этим «брендом» предлагается посещение города Пушкина, включающее осмотр Екатерининского дворца и парка), по словам сопровождающего экскурсовода, рассчитана на «среднего» экскурсанта. На время визита в сам дворец группа передается «музейному» гида, которые использует микрофон, а слушателям выдаются наушники. Эти технические

¹ Полевой дневник, июнь 2014.

средства затрудняют прямой контакт аудитории с рассказчиком, но обеспечивают относительно комфортное пребывание нескольких групп одновременно даже в одном зале и соответственно увеличивают «проходимость» объекта. В обязанности сопровождающего гида входила путевая, или, на жаргоне питерских гидов, «трассовая», информация, то есть рассказ в автобусе, внешний осмотр памятников, а также организационная работа. Тип контакта, который экскурсовод намеревался установить с нашей группой, можно определить как покровительственно-дружеский: практически единственным обращением в течение всей поездки было «хорошие мои». При движении по Московскому шоссе (тракту) внимание туристов было привлечено к изменению границ города в разные эпохи: эти границы обозначены триумфальными воротами Московской заставы, установленными в честь победы в русско-турецкой войне 1828 г., а также комплексами 22-х этажных домов, возведенных по сторонам проспекта в 1970-х годах. Гид призвала не путать эти ворота с ампирными воротами того же Василия Стасова 1827-1834 гг. на площади Стачек у м. Нарвская. Екатерининский дворец и дворцовый парк в рассказе гида были представлены как детище трех императриц: Екатерины I, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Барочному по характеру своих построек Растрелли времен Елизаветы противопоставлялся архитектор Екатерины Великой классицист Камерон. Повествование было построено в основном на картинах жизни правительниц: мы «видели» то похожую статью на своего отца дочь Петра Елизавету, наслаждающуюся пышными маскарадами, то Екатерину, прогуливающуюся по Камероновой галерее и горюющую о своем фаворите Ланском. Экспозиция залов дворца, интерьеры которых не были восстановлены, посвящена в настоящее время непосредственно Романовым: портреты императоров и императриц, их личные вещи, картины, изображающие торжественные церемонии, например, приведение к присяге Николая Александровича («того, который должен был стать Николаем II, но умер раньше своего отца Александра II»). При указании на Кагульский и Чесменский обелиски, разумеется, упоминались войны с Турцией. События двадцатого столетия упоминались в ходе экскурсии довольно скупно: переименование Царского села в Детское после революции и размещение детских санаториев в старых особняках и разрушение дворца в период Великой Отечественной как зачин повествования о героической и кропотливой работе по его восстановлению. Забавный случай приводится в связи с открытием «поднимающегося стола» в павильоне Эрмитаж: якобы президенту Дмитрию Медведеву (дело было в 2011 году) пришлось очень долго ждать заказанного им «бесконтактным способом» чая, аналогично тому, как некогда великий полководец Александр Васильевич Суворов получил свою гречку уже после

того, как все его сотрапезники доели диковинные экзотические блюда. Обобщая, можно сказать, что история дореволюционной России представлена в экскурсионном тексте как династическая — история одной семьи и ее внешнеполитических достижений. Из советского периода самым устойчивым является мотив «варварского разрушения» «немецкими фашистами» памятников культуры и колоссальной работы сотрудников музеев по восстановлению разрушенного. Присутствует и мотив исключительности — многое у нас «самое-самое» — особенно ярко он представлен в рассказе о Янтарной комнате. История культуры предстает почти исключительно в архитектурных сооружениях и их стилевой принадлежности, что объясняется легкостью визуальной демонстрации этих объектов.

Экскурсия в Гатчину¹ также позволила нам познакомиться с двумя довольно разными по характеру экскурсионными текстами: трассовой информацией и экскурсией по парку сопровождающего гида и рассказом о залах Гатчинского дворца. В первом тексте было очень много «личного», яркая эмоциональность, прямая оценка исторических персонажей: фавориты Екатерины Великой — «подлецы», Платон Zubов — «первый поздравил Павла при восшествии на престол и первый же ударил его табакеркой в ночь убийства». Образность, пышные выражения («пьедестал почета гранитных набережных») странным образом сочетались с просторечным «гляньте» и никогда «посмотрите»! Это «гляньте» в той же типической для текста экскурсии функции, как и банальное «обратите внимание» в конце концов даже покорило нашу группу своей неформальностью, емкостью и силой! Гид использовала несколько поэтических цитат, не указывая их авторов, видимо, чтобы не перегружать слушателя эрудицией, прибегала к юмористическим заготовкам: «Ленин в позе голосующего туриста» (о довольно традиционной форме памятников «вождю»). Частой в рассказе была конструкция «тот, который», подразумевающая так называемое «двойное сообщение» — отсылку сразу к двум временным планам: либо последовательным событиям, либо действию и какой-то постоянной характеристике героя. Персонажи, упоминаемые в связи с современностью, входили в обычный питерский «популярный» набор: Алиса Фрейндлих, Олег Басилашвили (актеры БДТ). Их «опознание» студенческой, т.е. весьма молодой аудиторией, сомнению не подвергалось. Экскурсовод, рассказывавший нам о Гатчинском дворце (или замке) очевидно представлял «старую школу»: уличные продавцы питерских экскурсий рекламируют таких как гидов «совдеповской закалки». В повествовании проявлялась глубокая и качественная подготовка гида в самых

¹ Там же.

разных областях: от знания пород дерева для дворцового паркета до способности объяснить специфику отдельных видов холодного и огнестрельного оружия. В стилистическом отношении текст более всего напоминал учебник.

Экскурсия в Кронштадт¹, организованная одной из крупнейших туристических фирм Санкт-Петербурга «Эклектика-гид»², начиналась как настоящий спектакль, в котором актеры появлялись неожиданно и неизменно обманывали ожидания зрителей относительно исполняемой ими роли. После того, как туристы заняли места в автобусе, молодая девушка в фирменной одежде «Эклектики» начала предельно выверенным литературным языком рассказывать о каких-то «новых программах». Далеко не сразу удалось понять, что это не вступительная речь экскурсовода, а продажа DVD-дисков Торгового Дома «Медный всадник» с виртуальными экскурсиями по городу и его музеям. Оказавшаяся sales-agent'ом или по-русски коробейником Ольга также разложила на сиденьях рядом с экскурсантами перекидные календари с изображениями русских царей и православных икон. Речевое представление товара было вполне характерным для такого рода навязчивых продаж: «Что касается качества, то можете быть уверены» (конец фразы!), «диск содержит интересные данные» и т.п. Следующим в салоне автобуса появился молодой человек также в фирменной майке — он практически ничего не говорил и оказался заурядным контролером экскурсионных билетов. Одновременно с ним в автобус вошла одетая безупречно для своего возраста интеллигентная пожилая дама. Подождав пока контролер закончит свою работу, она заняла место в начале салона и начала свой рассказ. Однако, и это была еще не экскурсия: дама убеждала нас использовать уникальный и «почти последний» шанс приобрести билеты в Мариинский театр. В ответ на резонный вопрос, кто автор предлагаемой постановки, она поставленным учительским тоном попросила не прерывать ее и продолжила озвучивать заготовленный текст, справедливо опасаясь, что иначе он не возымеет действия. Сам текст отличался эмоциональными эпитетами: все рекламируемое, разумеется, было «превосходным, блистательным, великолепным». Когда кто-то неосторожно поинтересовался ценами, дама немедленно позвала с улицы мужчину, который собственно и был распространителем театральных билетов — в обязанности дамы входило только речевое представление товара. Уже порядком озадаченные и не знающие, чего ждать дальше, экскурсанты с облегчением восприняли появление скромной девушки Ирины с микрофоном, которая и оказалась долгожданным гидом. Подобный сценарий, как выяснилось, стал

¹ Полевой дневник, июнь 2015 г.

² Eclectica-guide.ru

типичным для всех фирм, организующих экскурсии, рассчитанные на «гостей города». По всем признакам он может считаться агрессивным маркетингом и, пожалуй, наиболее ярко обнажает превалирование именно коммерческой направленности современного городского туризма: доход должен получаться не только от продажи самого экскурсионного продукта, но и «сопутствующих товаров». Впрочем, развитие «потребительской компетенции» клиентов постепенно, но неизбежно приведет, на наш взгляд, к оттеснению подобной «побочной деятельности» за пределы собственно экскурсионного действия.

Поскольку экскурсия в Кронштадт благодаря завершению восстановления Никольского Морского собора¹ в мае 2013 года вошла в список массово продаваемых загородных поездок наряду с Царским селом и Петергофом, путевая информация на территории Санкт-Петербурга была привязана к самым опознаваемым и ярким достопримечательностям города и сопровождалась исключительно стандартными историями — анекдотами, используемыми большинством гидов на большинстве обзорных как автобусных, так и водных маршрутов. Список этих историй-клише сам по себе весьма интересен и безусловно заслуживает отдельного культурологического анализа, здесь же мы ограничимся лишь иллюстративным упоминанием нескольких. При показе здания первого в России музея — Кунсткамеры рассказывается о том, как Петр Первый, чтобы привлечь посетителей, повелел всем пришедшим мужчинам наливать водки, а дамам — кофе. Указание на «Александрийский столп» (колонну, построенную Огюстом Монферраном на Дворцовой площади) сопровождается анекдотом о том, что для убеждения горожан в устойчивости сооружения архитектор регулярно прогуливался вблизи своего творения. Шпиль Адмиралтейства описывается при помощи отрывка из «Медного всадника» А.С.Пушкина, не менее подходящего при созерцании набережной Невы или вообще любого упоминании о белых ночах².

¹ Собор был построен в 1903-1913 годах в неовизантийском стиле по проекту архитектора В.А. Косякова и несомненно представляет собой самый интересный для осмотра объект в городе.

² Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,

Таким образом, практически вся трассовая информация, предоставленная гидом, укладывалась в понятие «гидизм», довольно негативно характеризующее, как мы помним, в методике экскурсионного дела. Экскурсии по самому Кронштадту также могла оказаться бессистемным показом необычных мест, не раскрывающим какую-либо тему. Этому способствовал и ее обзорный характер. Однако, уже на подъезде к городу в рассказе экскурсовода появилась некая «сюжетная линия», которая в дальнейшем последовательно реализовывалась и логически завершилась в момент, когда город в последний раз оказался доступен взорам туристов. Идея этой сюжетной линии формулировалась как «Кронштадт — Петербург в миниатюре», а ее развитие поступательно шло от первого впечатления при въезде в город до узнавания силуэта видимых издали достопримечательностей при выезде из него. Программа осмотра была довольно насыщенной. Первый «выход» из автобуса был в Андреевском сквере, где нам рассказали об Андреевском соборе (разобран в 1932 году), в котором служил отец Иоанн Кронштадтский (Сергиев), о деятельности самого священника, в том числе о сотворенных им чудесах (этот сюжет излагался совершенно ровным тоном без эмоций и оценок) и о часовне, сооруженной в сквере с иконостасом, «средства на который предоставила Галина Вишневская». В другой части сквера нам показали «достопримечательности», созданные в самые последние годы: карту города на мраморной плите и «Древо желаний» Осмотр последнего кроме традиционного фотографирования сопровождался ритуалом: для исполнения своей сокровенной мечты надо забросить в определенное место монетку и в случае успеха три раза оббежать само дерево. Кульминацией всей поездки безусловно была водная прогулка из Константиновского форта на теплоходе с двусмысленным названием «Рипербан». Во время прогулки на судне работал другой экскурсовод — Андрей: он перемещался с одной палубы на другую с микрофоном и очень доступным разговорным стилем объяснял инженерные особенности сооружений, встречавшихся по ходу движения, или весьма подробно рассказывал о происходивших здесь событиях, как правило, военно-исторического характера. В его тексте периодически встречались специальные термины из военно-технического лексикона или словечки флотского жаргона, однако, ни одно из них не оставалось без разъяснения. Впрочем, постоянных внимательных слушателей у Андрея почти не было: видимо сам жанр прогулки и наличие на теплоходе буфета не способствовали восприятию информации. Завершалась экскурсия по городу пешеходной прогулкой по Петровскому парку и осмотром памятника Петру Великому (скульптор Т.-Н. Жак). Вопрос гида «Что не так в этом памятнике?» воспринимался бы группой как риторический, если бы не был задан за десять минут до его осмотра. Такая

продолжительная пауза превратила вопрос в призыв внимательнее осматривать объект, и хотя правильно ответить на него было невозможно¹, экскурсанты переключились с пассивного слушания на более активное участие в экскурсии: начали обсуждать между собой, высказывать вслух свои предположения — одним словом совершать действия, которые безусловно позволили им запомнить этот объект лучше прочих. Аналогичный эффект вовлечения группы имел место при осмотре так называемого сухого дока, когда гид предложила вместе посмотреть уровень воды. В завершении экскурсии по городу гид произнесла «И у Кронштадта есть свое очарование», как бы оправдывая этой фразой наличие такой экскурсии, явно менее «зрелищной», чем поездки в Пушкин или Петергоф.

Оценить подбор объектов и информации для описываемой нами экскурсии можно сравнив ее, например, с вышедшим в 1923 году «Историко-общественного путеводителем по Кронштадту» известного петербургского краеведа Петра Николаевича Столпянского (1872-1938), работавшего одно время экскурсоводом и подготовившего также маршрут экскурсии по городу-острову. Ознакомиться с путеводителем, содержащим довольно полный для своего времени список достопримечательностей Кронштадта и научно достоверное их описание, а также с другими изданиями, посвященными городу, можно и на его официальном сайте². Нас же интересуют общие механизмы, которые делают экскурсию одной из форм ментального освоения нового пространства современным человеком.

Место перестает восприниматься как чужое, чуждое, потенциально опасное, если наполняется для человека ассоциациями. В некоторых местах эти ассоциации носят личный характер: они связывают человека с собственным прошлым — детством, юностью. Но ассоциации, вызываемые определенным прошлым, могут иметь и групповой характер, то есть быть общими для всех представителей определенного сообщества и даже всей нации. Такие ассоциации связывали советских людей с Красной площадью, Кремлем, Пушкинской площадью в Москве, Сенатской площадью с «Медным всадником» и Дворцовой площадью с колонной Монферрана в Ленинграде и т.д. Когда человек впервые физически оказывался в этих местах, они не были для него совсем новыми, он уже отчасти воспринимал их как знакомые и отмечал как раз сходства

¹ Подразумевалось, что скульптура не отражает реальных пропорций тела Петра; однако, в действительности, только один из более или менее известных монументов первому русскому императору изображает его антропологически точно — памятник работы Михаила Шемякина в Петропавловской крепости. Поэтому именно шемякинский Петр должен был бы показаться публике необычным.

² http://www.kronstadt.ru/books/history/stolp_7.htm

и отличия реальных мест и своих представлений о них. Попадая в совершенно незнакомые места, турист также стремится их «освоить»: это освоение или присвоение происходит не только «ментально», но и «дискурсивно» — через включение каждого локуса к личную картину мира и его оценку через высказывание. Простейшее из таких высказываний — «я там был». В описываемом случае оно реализовалось в диалоге двух туристов из нашей же группы: «Ну, как Вам Кронштадт? — Побывали и это главное».

Решающее влияние на процесс освоения пространства и на характер этого освоения экскурсантами оказывает текст экскурсии. Конкретными приемами гида, устраняющими отчуждение пространства, преодолеваемого при движении к основным объектам осмотра, являются ответы на мысленный вопрос слушателя «что это?». Эти ответы могут быть более или менее развернутыми. Степень их подробности находится в обратном соотношении с количеством называемых объектов и коррелирует со скоростью движения. Теоретически можно себе представить простое перечисление видимых объектов, однако, называние почти всегда сопровождается рассказом. Существует возможность рассказа и о реально не видимом объекте — в этом случае информация соотносится не с самим пространством, а лишь с его именем. Речь идет о разъяснении происхождения топонимов населенных пунктов, в том числе и тех, которые туристы непосредственно наблюдать не могут, замечая лишь указатели на них. Этот тип сведений активно используется обычно в экскурсиях, предполагающих дальние переезды. Часто информация, предоставляемая гидом в определенном месте, относится не к описанию самого места или его прежнего вида, а к людям, с которыми это место связано. В этом случае посредником между туристом и локусом выступает историческая личность: если такая личность-посредник уже «присутствует» в сознании туриста, то и место «осваивается» слушателем с соответствующей пометкой — «этот дом связан с именем Пушкина». Если же упоминаемые персонажи незнакомы, воспринимается только визуальный образ объекта: в памяти он остается, как правило, только в том случае, если поражает воображение экскурсанта.

Речевой жанр экскурсии в современной российской действительности существует в рамках культурной практики, которая в последние десятилетия в значительной степени поменяла свое функциональное наполнение: от идеологического под предлогом просвещения масс в эпоху СССР до почти откровенно развлекательного в рамках общедоступного «культурного» досуга на коммерческой основе в современной России. Произошло это, на наш взгляд, еще не полностью, но процесс идет активно и ускоряется по мере развития внутреннего туризма в стране. Высокопрофессиональные экскурсоводы с фундаментальной подготовкой все больше вытесняются бойкими чичероне, обладающими

«тайным» знанием о личной жизни «звезд» в духе желтой прессы и бомбардирующими туристов «жареными» фактами из быта элиты прошлых и нынешнего веков. В Санкт-Петербурге, где потребление экскурсионных услуг в сезон на порядок выше, чем в среднем по стране, такие гиды-самоучки чаще всего работают на малых судах, принадлежащих частным владельцам, и занимаются туризмом исключительно в летний период.

Одной из особенностей ориентированных на широкую публику экскурсий, независимо от их уровня, является то, что в них не ставится задача сообщать слушателю системную информацию: текст должен скорее активизировать уже имеющиеся знания через показ конкретных объектов и упоминание отдельных событий и имен. Реально такое повествование едва ли повышает культурный уровень среднего экскурсанта — большинство просто «хлопают ушами», воспринимая лишь откровенные курьезы.

Важные трансформации произошли в трактовке проблемы достоверности в тексте экскурсии. Истинность, понимаемая как наличие научного обоснования фактов, сообщаемых экскурсантами, с советских времен считается в экскурсоведении главным требованием. Утверждалось, что именно это «приковывает внимание к теме, служит основой для ее восприятия». С другой стороны, высокая популярность сегодня экскурсий на всякого рода «мистические» темы говорит о том, что основания интереса могут быть различными. Одной из важнейших функций туризма в советское время называлось формирование интересов человека. В настоящее время «экскурсионный продукт» скорее ориентирован на удовлетворение уже существующих у потребителя интересов и соответствие его вкусам, что, разумеется, не исключает как сознательного, так и неосознанного самого экскурсовода влияния на аудиторию. Однако, собранный нами материал показывает, что такое влияние определяется сегодня скорее личными интересами гида, нежели общими для всех представителей этой профессии просветительскими или даже идеологическими задачами.

Еще одной особенностью современного экскурсионного рынка является его очевидная тематическая ограниченность. Согласно пособию Б.В. Емельянова¹ экскурсии по содержанию делятся на обзорные (многоплановые) и тематические. Тематические экскурсии подразделяются на исторические, производственные, природоведческие (экологические), искусствоведческие, литературные, архитектурно-градостроительные. При этом сами исторические экскурсии подразделяются на историко-краеведческие, археологические, этнографические, военно-исторические, историко-биографические и экскурсии в исторические музеи. Искусствоведческие экскурсии могут быть историко-театральными, ис-

¹ Емельянов Б.В. Экскурсоведение. Раздел 1.8.

торико-музыкальными, посвященными народным художественным промыслам, жизни и деятельности отдельных деятелей культуры и т.д. Столь же подробная классификация была разработана для литературных, производственных, архитектурно-градостроительных и других экскурсий. Естественно, теоретически любые типы экскурсии могут проводиться и сегодня, однако, реально кроме обзорных на современном российском рынке представлены лишь некоторые из перечисленных, причем часто и они обрели иное содержание. Так, производственные экскурсии превратились сегодня в поездки, организуемые, как правило, профсоюзами или социальными отделами предприятий и учреждений, на другие предприятия, причем продающие свою продукцию в розницу (фабрика елочных украшений, шоколадная фабрика и т.п.). Познавательная составляющая таких поездок (объяснение технологии производства) не уступает их коммерческой направленности (продажа фирменных товаров посетителям), — соответственно и называть их можно как экскурсиями, так и шоп-турами¹. Экскурсии на религиозные или околорелигиозные темы как отдельный вид не были представлены в классификациях советских пособий, а между тем среди тематических экскурсий именно они сегодня наиболее популярны. В первую очередь, востребованы туры по православным храмам и святыням, причем речь идет не о собственно паломнических поездках, организуемых церковными общинами, а о позиционирующих себя как светски ориентированные массовых экскурсиях. Показательно, что авторская программа «Золотая риза Санкт-Петербурга», состоявшая когда-то из одной поездки, постепенно превратилась в цикл из пяти (!) экскурсий². Существуют и «плюралистичные» в конфессиональном отношении экскурсии («Москва/Петербург — город всех религий»), содержательное и оценочное наполнение которых зависят от конкретного гида или установок фирмы. Наиболее интересный вариант такого рода экскурсии в северной столице состоял из последовательных визитов в синагогу, лютеранскую кирху, католическую церковь и буддистский дацан, в каждом из которых свою религию представлял непосредственно ее священнослужитель. Эта чрезвычайно увлекательная серия встреч была дополнена внешним осмотром мечети, Армянской церкви на Невском проспекте и нескольких православных храмов³. Близкой к

¹ Согласно англо-русскому яндекс-словарю английское *shop-tour* переводится на русский как «шоп-тур» с пояснением: «туристическая поездка за границу с коммерческими целями» (<https://slovari.yandex.ru/shop%20tour/en-ru/>). Однако, Оксфордский словарь не находит подобного словосочетания в английском языке (<http://www.oxforddictionaries.com/spell-check/english/?q=shop+tour>), что позволяет считать его присущим только русскому языку. Весьма вероятно, что и обозначаемое им явление следует считать характерным именно для постсоветской культуры потребления.

² <http://www.eclectica-guide.ru/index.php#exs1>

³ Полевой дневник, июнь 2010 г.

религиозной является «мистическая» тематика. В Москве существует фирма, которая полностью специализируется на таких экскурсиях. Она называется «Москва-ИКС»¹ и представляет около десятка экскурсий по различным районам города: Кремль (точнее — вокруг Кремля, поскольку посещение каких-либо платных объектов не предусматривается в принципе), Китай-город, Арбат, Коломенское, Кунцево и т.д. В «штате» фирмы всего два гида, причем один из них — директор и основатель. На экскурсиях звучит хорошая разговорная речь, хотя не без ошибок в словоупотреблении. Рассказ далеко не всегда тесно связан с объектами или темой и практически всегда строится на одном и том же мотиве — «почти у всего есть тайная сторона, не доступная кому попало: ее то мы и открываем для своих слушателей». У гидов очень большой и содержательный «портфель экскурсовода» — черная папка, являющаяся также их приметой при сборе группы. Она компенсирует весьма ограниченную зрелищность маршрута — даже у непосредственно демонстрируемых объектов визуальная сторона редко описывается, внимание экскурсантов привлекается лишь к «тайным», чаще всего «масонским» знакам. Вероятно, это связано с интересом к «невидимому». Зато из папки постоянно извлекаются карты и схемы «из интернета и других источников» («карта ЦРУ», «схема подземных сооружений Москвы от диггеров»), небольшие предметы — «Вот, что здесь нашли» (монеты, патроны, куски керамических изделий, бивней мамонта, «ведьмины пальцы»), портреты упоминаемых персонажей, старинные виды мест.

На рынке экскурсионных услуг Москвы существуют продукты, претендующие на оригинальность, хотя, в действительности, успешные и качественные именно благодаря традиционному подходу. Таковым представляется экскурсионный проект «Лучший город земли»². В рекламной брошюре «проекта» (раздел «О нас») читаем: «посмотрите налево — Кремль, направо — Красная площадь» — это не про нас». Мы показываем переулки, дворики, подворотни, мимо которых они ходят каждый день, но не видят, «в чем их фишка». Наши экскурсоводы — настоящие профессионалы. Нет скучных тетечек, на чьих экскурсиях молишься, что бы поскорее пошел дождь»³. В компетентности экскурсовода по теме «Москва еврейская»⁴ сомнений не возникло⁵, однако, никакой особой оригинальности в экскурсии, к счастью, не было — просто очень качественная в отношении маршрута и содержания проработка довольно специфич-

¹ Сайт Moskva-X. Полевой дневник автора. 2014-2015 гг.

² <http://mskbest.ru/> — версия сайта, доступная на декабрь 2015 г.

³ Брошюра из коллекции автора. Сохранены орфография и синтаксис оригинала.

⁴ Автобусная, 4 часа. Полевой дневник автора, февраль 2013.

⁵ Леонид Михайлович Видгоф, филолог, автор нескольких книг, в том числе об О.Мандельштаме и московском романсе.

ческой темы. Экскурсия включала пять остановок: место Глебовского подворья в Зарядье; синагога в Большом Староглинищевском переулке; дом Сергея Савича Морозова, в котором жил И.И. Левитан в Большом Трехсвятительском переулке; Лефортовская тюрьма, где содержался Натан Щаранский и другие «сионисты» и общинная синагога в Марьиной роще. Такой маршрут позволял не только соблюсти простой хронологический принцип, реализуя заявленную автором задачу экскурсии — показать «жизнь евреев в Москве в разные эпохи», но и донести до слушателей частные сообщения, связанные с объектами. Посещаемые места явно занимали подчиненное положение по отношению к рассказу: на месте Глебовского подворья в день экскурсии можно было увидеть только забор стройплощадки (территория снесенной гостиницы «Россия»); тюрьма НКВД, как и положено любой тюрьме, предстала взгляду в виде стены с колючей проволокой, — по настоящему интересным для осмотра был только интерьер Большой Хоральной синагоги. Однако, каждый из пунктов был поводом для отдельного повествования («раскрытия подтемы» на языке экскурсионной теории): о жизни в средневековой Москве (Зарядье); о том, как евреи селились в Москве, когда черта оседлости соблюдалась менее строго (синагога в Б. Глинищевском); о вхождении евреев в русскую культуру и противоречивой государственной политике Александра II и Александра III (дом Левитана); о еврейской эмиграции советского времени (Лефортово); о том, что еврею не обязательно быть сионистом (синагога в Марьиной роще). Таким образом, именно четко структурированный рассказ гида, включавший показ старых фотографий, портретов упоминавшихся людей, чтение отрывков из писем и художественных произведений, насыщал пространство значениями, оживлял невзрачные на вид строения, а иногда и вовсе пустые места. Оживлялся рассказ также через общепонятную мотивацию поступков людей — житейскую, но исторически правдоподобную: «нужно было как-то жить», «их понять можно» и т.д. Например, объясняя позицию советских властей, не выпускавших евреев в Израиль, экскурсовод «рассуждал»: «ну выпустят евреев, сразу калмыки захотят, а потом и русские — поучиться в Париже — и что получится?»¹. Все это вполне укладывается в обычный стандарт качественной экскурсии и только форма ее рекламы в рамках большого «проекта» свидетельствует об изменениях, происходящих в анализируемой культурной практике в последние годы: недостаточно просто указать на тему и репутацию (гида или фирмы) — нужно хотя бы риторически попытаться выделиться на рынке, будто не замечая, что также поступают большинство конкурентов.

¹ Полевой дневник автора, февраль 2013.

Разумеется, вышеприведенные примеры не исчерпывают всего многообразия тех изменений, которые происходят в экскурсионном деле в последнее время, однако, полагаем, что основные тенденции нам уловить все же удалось. И главное — надеемся, что у нас получилось описать общие теоретические и методологические принципы лингвокультурного подхода к изучению экскурсий, а также показать, как может реализовываться этот подход на в исследовательской практике.

Литература

- Емельянов Б.В. Экскурсоведение. — М: Советский спорт, 2007. — 216 с.
В электронной форме: http://tourlib.net/books_tourism/ekskurs.htm
- Степанов Б. Е. Знание о прошлом в теории экскурсии И.М. Гревса и Н. П. Анциферова // Феномен прошлого / Отв. Ред.: И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. С.419-475.
- Степанов Б.Е. Навстречу прошлому: экскурсионная практика и философия памяти в творчестве И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Отечественные записки. 2008. № 43. С. 311—339.
- Степанов Б.Е. «Ковчег былого»: город как объект исторической экскурсии // Визуальная антропология: городские карты памяти / Под. ред. П.В.Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2009. С. 99—121.
- Умецкая М.Н. Историко-архитектурные памятники Петербурга. XVIII — первая треть XIX века: Экскурсионная практика: Учебное пособие для учащихся средней школы. — СПб.: Изд-во «Союз», 2003. — 320 с.

А.Ф. Романова

Образ блокадного Ленинграда в творчестве Ольги Берггольц: концепция экскурсии

Ольга Фёдоровна Берггольц — русская советская поэтесса, женщина с трагической судьбой и удивительной силой духа. Первое стихотворение Ольга написала в 14 лет. В 9 классе вступила в литературное молодежное объединение «Смена» при Ленинградской ассоциации пролетарских писателей, а спустя год стала студенткой филфака Ленинградского университета. В 1935 году вышел первый сборник стихов Ольги Берггольц — «Стихотворения», и ее приняли в Союз писателей СССР. В марте 1937 был арестован первый муж Ольги Берггольц, Борис Корнилов. Ольга проходила свидетелем по делу: на тот момент она была беременна и после жестокого допроса родила мертвого ребенка.

Спустя год, Корнилов был расстрелян, а сама Ольга арестована за «связь с врагом народа». В результате побоев Берггольц потеряла в тюремной больнице еще одного ребенка. В июле 1939 года Ольгу освободили «за отсутствием состава преступления». Когда началась война, Ольга отказалась уезжать из Ленинграда и с августа 1941 года стала работать на радио. Почти ежедневно она вела эфиры, озвучивала сводки Информбюро, читала свои новые стихи. Вскоре поэмы, посвященные блокадному городу и его жителям, принесли Ольге славу и всенародную любовь. Современники называли поэтессу «ленинградской Мадонной», «музой блокадного Ленинграда».

К сожалению, в последние годы своей жизни Ольга Берггольц оказалась незаслуженно всеми забыта, да и в современных книжных магазинах нечасто встретишь сборники ее стихов. Поэтому возникла идея создать пешеходную экскурсию по современному Санкт-Петербургу, которая рассказывала бы о жизни и творчестве Ольги Берггольц и позволяла бы почувствовать атмосферу блокадного города. В качестве основных источников для подготовки экскурсионного текста были использованы стихи и поэмы Ольги Берггольц, написанные в военный и предвоенный период, а также ее дневниковые записи периода 1939-1949 гг. Особенность проекта заключается в том, что в него включены визуальный и аудио компоненты. В ходе экскурсии используются фотографии блокадного Ленинграда и современного Санкт-Петербурга из фотопроекта Сергея Ларенкова, а также опубликованные фотографии из семейных архивов Ольги Берггольц. Кроме того, во время передвижения экскурсантов по городу звучат записи песен военных лет, фрагменты передач Ленинградского радио, аудиозаписи стихотворений Ольги Берггольц в исполнении автора.

Экскурсия рассчитана на широкий круг слушателей. Она будет интересна как ученикам средней и старшей школы, так и их родителям и педагогам, а также людям старшего возраста — всем, кто уже хоть немного знаком с историей и поэзией XX столетия. Цель нашей экскурсии — познакомить ее участников со вкладом искусства в победу в Великой Отечественной Войне на примере творчества Ольги Берггольц. Предполагаемая продолжительность экскурсии — 1 час 50 мин, 40 мин из которых занимает следование по разработанному маршруту и 1 час 10 мин отводится на рассказ экскурсовода. В маршрут экскурсии включены объекты, связанные с основными периодами жизни Ольги Берггольц и ключевыми событиями Великой Отечественной войны. Рассказ о каждом объекте строится в соответствии с задачами экскурсии. Экскурсовод рассказывает слушателям историю постройки здания и обращает внимание на его стиливые архитектурные особенности, а также дает историко-культурную характеристику эпохи. Далее экскурсанты узнают о событиях жизни Ольги

Берггольц, которые связаны с этим зданием и знакомятся с ее стихами и воспоминаниями, посвященными военному Ленинграду.

На самом деле, мест памяти Ольги Берггольц в современном Санкт-Петербурге очень много. Большинство из них находятся в сильном отдалении друг от друга, поэтому включить их в пешеходную экскурсию не представлялось возможности. Поэтому в конце экскурсии мы расскажем о том, какие места, связанные с Ольгой Берггольц и не вошедшие в наш маршрут, экскурсанты смогут посетить самостоятельно, если у них возникнет желание и будет время.

Чтобы предоставить участникам экскурсии наиболее полную информацию о возможностях дальнейшего самостоятельного ознакомления с местами жизни и памяти Ольги Берггольц, нами были разработаны специальные буклеты. В них представлена карта Санкт-Петербурга с нанесенным на нее маршрутом экскурсии и точками-остановками. Также буклет содержит краткие сведения об основных объектах осмотра и стихотворения Ольги Берггольц, ключевые для ее творчества. В конце буклета находится минипутеводитель по местам современного Санкт-Петербурга, которые так или иначе связаны с именем Ольги Берггольц и с темой Блокадного Ленинграда, с указанием адресов и вариантами проезда. Также указаны телефоны и время работы музеев, посвященных Ольге Берггольц. Кроме того, буклет содержит ссылку на интернет-ресурс, где возможен просмотр экскурсионного маршрута в интерактивном режиме. Буклеты раздаются всем участникам экскурсии перед ее началом.

Маршрут начинается около Дома-коммуны инженеров и писателей (ул. Рубинштейна, д. 7). Это здание в народе называли «Слезой социализма». Оно было построено в 1932 году и стало символом борьбы со старым буржуазным бытом. Здесь, в «самом нелепом доме в Ленинграде» до 1943 года проживала Ольга Берггольц. Отсюда в декабре 1938 года ее увозили в тюрьму на Шпалерную улицу, 25. Здесь участникам экскурсии кратко рассказывают о детстве и юности «ленинградской мадонны», о студенческой жизни и начале литературной деятельности, о романтических отношениях с поэтом Борисом Корниловым и с журналистом Николаем Молчановым. Слушатели узнают о причинах ареста Ольги Берггольц и услышат отрывки из ее дневников. Рассказ о повседневном быте обитателей «Слезы социализма» позволит им представить жизнь советских интеллигентов в предвоенном Ленинграде.

Далее экскурсанты двинутся по улице Рубинштейна к Невскому проспекту и на его пересечении с Малой Садовой улицей увидят репродуктор, который сохранился со времен Великой Отечественной войны. В страшные дни блокады именно возле него каждое утро собирались ленинградцы, чтобы услышать вести с военного фронта. А теперь на этом месте слушателей познакомят с историей радиовещания в Санкт-Петербурге и расскажут о роли радио в Великой Оте-

чественной войне. В тяжелейшие годы Блокады ленинградское радио ни на один день не прерывало своё вещание, ведь для жителей оно было единственным источником информации. Радио помогало ленинградцам выживать и поддерживать связь с внешним миром, оно стало символом мужества и силы духа осажденного города. Стоя у репродуктора, участники экскурсии услышат запись обращения В. М. Молотова к советским гражданам 22 июня 1941 года, фрагмент песни «Священная война» и звук метронома, который в военное время заполнял пространство эфира между передачами.

Кроме того, слушателям можно показать работы питерского фотохудожника Сергея Ларенкова в жанре исторической фотореконструкции. Для того чтобы осуществить проект, посвященный 65-летию со дня окончания блокады Ленинграда, фотограф изучил многочисленные архивные изображения и фото блокады города в период Второй мировой войны и выбрал наиболее подходящие снимки, при помощи которых можно было ярко показать контраст времен. Потом он снял на фотокамеру те же места с тех же ракурсов и совместил оба снимка на одном кадре. Фотографии с контрастными изображениями военного и современного Невского проспекта раздаются экскурсантам и комментируются, что позволяет им проникнуться атмосферой блокадного Ленинграда.

Как было уже сказано, во время войны радиовещание играло очень важную роль, поэтому на радио приходили работать многие писатели и поэты: кто на журналистские должности, кто на ежедневную корреспондентскую работу, кто частным участником программ. Но главным голосом блокадного Ленинграда был голос Ольги Берггольц. Поэтому следующей остановкой нашего экскурсионного маршрута стал Ленинградский Дом Радио (Малая Садовая ул., д. 2/27). В годы Великой Отечественной Войны здесь жила и работала Ольга Берггольц, почти ежедневно поднимая моральный дух жителей осажденного Ленинграда своими стихами. Сейчас в здании находится студия радио «Петербург», а также телестудия Пятого канала. Здесь участники экскурсии узнают о жизни и творчестве Ольги Берггольц во время войны, услышат отрывки из «Февральского дневника», поэмы «Твой путь», «Ленинградской поэмы» в исполнении автора, а также фрагмент радиопередачи Ленинградского радио от 27 января 1944 года (сообщение о полном снятии блокады Ленинграда и прямой репортаж салюта с Невского проспекта).

Далее экскурсионная группа будет двигаться по Итальянской улице до Филармонии им. Дмитрия Шостаковича (ул. Михайловская, д. 2). В Советское время она называлась Ленинградской. Данный объект мы включили в экскурсионный маршрут по двум причинам. Во-первых, Ольга Берггольц поддерживала с Дмитрием Шостаковичем дружеские отношения. Во-вторых, его Седьмая симфония сильно повлияла на поднятие морального духа жителей блокадного

Ленинграда. 9 августа 1942 г. в Большом зале филармонии Седьмую симфонию впервые исполнял Большой симфонический Оркестр Ленинградского радиокомитета. И за время концерта ни разу не прозвучал сигнал воздушной тревоги: все артиллерийские силы Ленинграда были брошены на подавление огневых точек противника. В великой музыке отразилась вера в победу, жертвенность, безграничная любовь советского народа к родному городу и стране. Сегодня возле здания филармонии экскурсантам под звуки Ленинградской симфонии расскажут историю ее написания. Также экскурсовод зачитает отрывки из воспоминаний музыкантов, впервые исполнявших знаменитое произведение.

А завершится наша экскурсия у памятника Ольге Берггольц (ул. Гороховая, д. 57А), который был открыт 16 мая 1988 года во дворе Колледжа культуры и искусств. По инициативе колледжа перед фигурой Ольги Берггольц установлена стела в виде раскрытой книги с цитатой из поэмы «Твой путь»: «Из недр души я стих свой выдирала, не пощадив живую ткань ее...» Здесь участники экскурсии узнают о последних годах жизни и творчества «ленинградской мадонны». Ольга Берггольц умерла в одиночестве 13 ноября 1975 года в Ленинграде. Она очень хотела, чтобы её похоронили на Пискаревском кладбище, где на гранитной стеле Пискаревского мемориального кладбища, возведенной в память о погибших во время Ленинградской блокады, были высечены ее легендарные стихи:

Здесь лежат ленинградцы.

Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.

Рядом с ними солдаты-красноармейцы.

Всею жизнью своею

Они защищали тебя, Ленинград,

Колыбель революции.

Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем.

Так их много под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням:

Никто не забыт и ничто не забыто.

Желание Ольги Берггольц так и не было выполнено. Ее похоронили так, как решили чиновники — на Литераторских мостках Волковского кладбища...

После экскурсии ее участники смогут самостоятельно продолжить путешествие по местам современного Санкт-Петербурга, связанным с жизнью и творчеством поэтессы. Также, пользуясь информацией в буклете, желающие смогут посетить Музей Ольги Берггольц, который находится в общеобразовательной школе №340, и Музей обороны и блокады Ленинграда.

В нашей концепции экскурсии мы постарались реализовать комплексный культурологический подход. В экскурсионном тексте в равной мере представлены как биографический, так и исторический блок, связанный с застройкой Санкт-Петербурга, с историей радиовещания, с событиями и атмосферой блокадного Ленинграда. Психологический портрет Ольги Берггольц создается не только на основе биографических фактов, но и с помощью ее собственных стихов, дневниковых записей, а также воспоминаний современников. Благодаря и визуальным аудиосредствам представления информации достигается наиболее полное погружение слушателей в материал, а также удается реконструировать образ блокадного Ленинграда.

Тема экскурсии предоставляет культурологу и широкие исследовательские возможности: на примере биографии Ольги Берггольц можно изучать проблему взаимоотношений интеллигенции с советской властью, проблему переплетения традиционных и советских ценностей в сознании людей, родившихся еще в эпоху царской России, а также особенности отношения к религии русско-советских поэтов и писателей.

Список использованных источников

- Курганова В. Поэзия периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет / «Февральский дневник», январь-февраль 1942 г С. 145 — 151 / Советская библиотека, 1990.
- Берггольц О. Поэмы / «Ленинградская поэма», июнь-июль 1942 г. С. 79 — 92 / Лениздат, 1974.
- Берггольц О. Поэмы / «Памяти защитников», апрель-май 1944 г. С. 93 — 100 / Лениздат, 1974.
- Берггольц О. Поэмы / «Твой путь», апрель 1945 г. С. 101 — 116 / Лениздат, 1974.
- Берггольц О. Ольга. Запретный дневник / Азбука-классика, 2010.
- Берггольц О. Стихи / Государственное издательство художественной литературы, 1962 г.
- Берггольц О. Говорит Ленинград... / Советская Россия, 1964.

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ

О.А. Казакевич

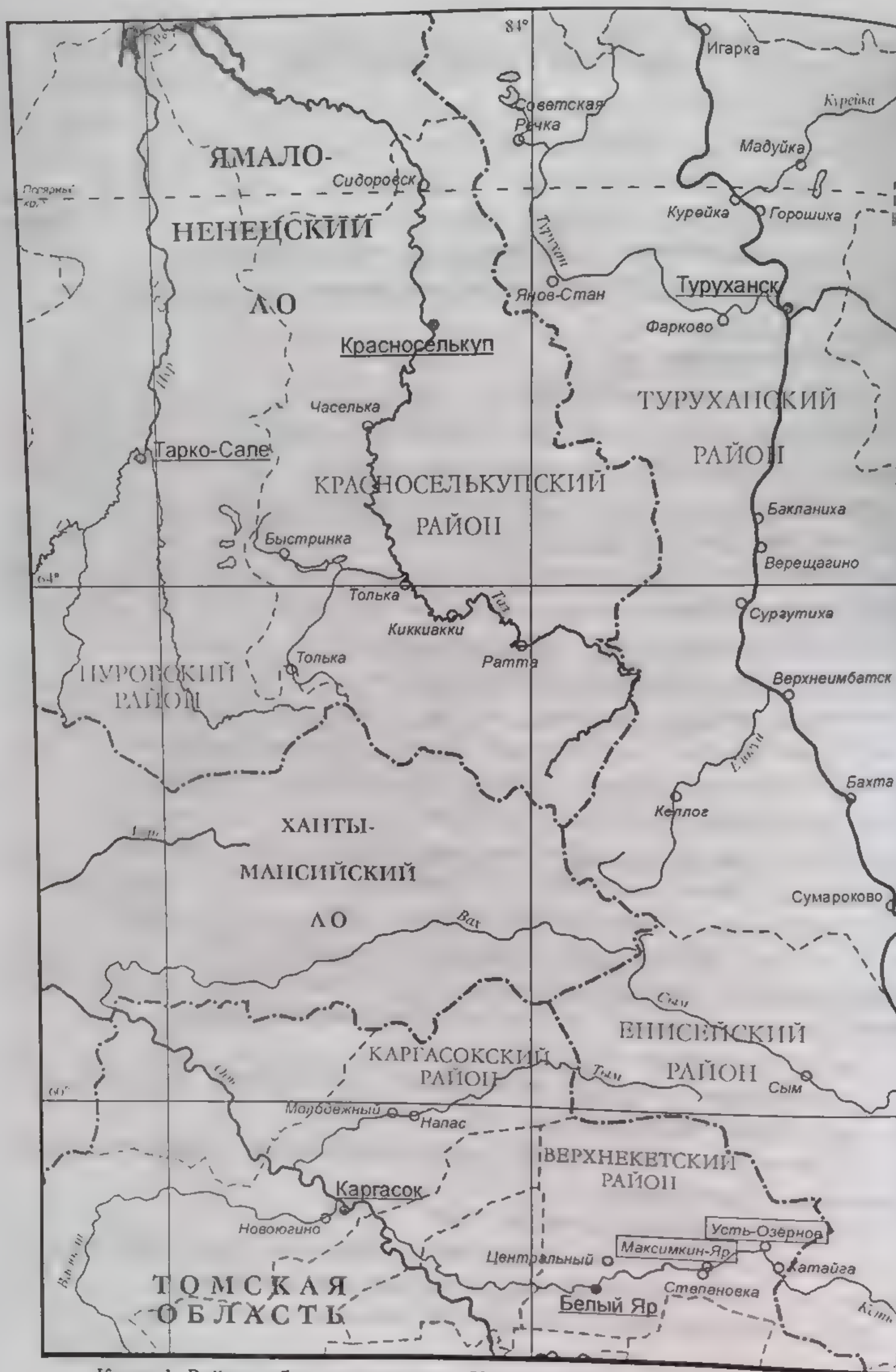
Туруханские селькупы и современские эвенки: лингвистические бриллианты на фоне постепенной утраты языка

1. Об экспедиции

Летом 2014 г. студенты Института лингвистики и Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ проходили выездную лингвистическую практику в Туруханском районе Красноярского края. Студенты РГГУ Елена Пажетных (ИЛ, 2 курс), Мария Егорова (ИЛ, магистратура), Василиса Филатова и Альбина Каримова (УНЦСА, 4 курс) и студентка СПбГУ Русана Новикова (филологический ф-т, магистратура) приняли участие в экспедиции, организованной на базе лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ при поддержке РГНФ, грант 14-04-18018. Экспедиция работала в поселках Туруханск, Фарково и Советская Речка с 24 июля по 27 августа. Из Фаркова нам удалось организовать поездку на небольшое селькупское стойбище на Нижней Баихе, а из Советской Речки – посещение шести эвенкийских стойбищ на Большом и Малом Советских озерах и на озерах Нюмнякит и Подвальное, относящихся к системе Советских озер, а также фактории Янов Стан, где в 1920-е годы располагался административный центр Тазовской тундры и Туруханской тайги и где в 1924 г. была открыта первая в тех местах инородческая школа, директором которой с 1925 по 1928 г. работал известный лингвист и этнограф, автор первой селькупской грамматики (1935) Георгий Николаевич Прокофьев. Сейчас в Яновом Стане осталась только метеостанция, и живут там только семьи тех, кто на этой метеостанции работает.

Задачи полевого сезона:

- 1) проведение социолингвистического обследования этнолокальных групп автохтонного населения поселков;
- 2) озвучивание тематического списка селькупских и эвенкийских лексем с грамматическими формами;
- 3) аудиозапись грамматических анкет;
- 4) видео- и аудиозапись селькупских, эвенкийских, а при возможности и кетских текстов и их расшифровка с помощью носителей языка;
- 5) расшифровка старых аудиозаписей текстов, в том числе песен.

Карта 1. Район работы экспедиции. Карта составлена Ю.Б. Коряковым

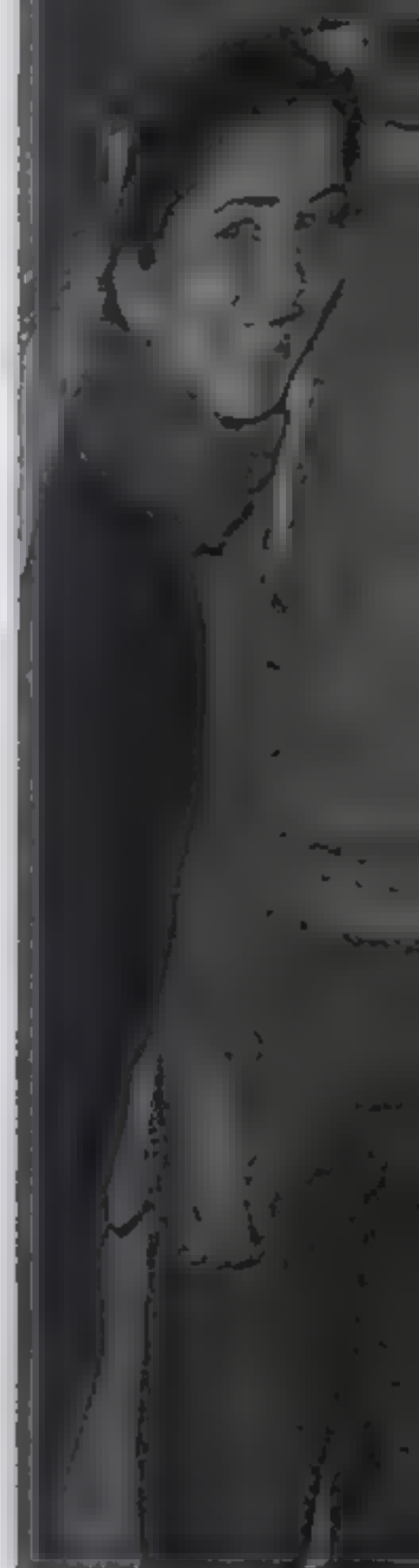

Фото 1. У

Языковая ситу
Все автохтонное
языком. Для вс
русский язык
кативных сфера
делок Туруханс
72 селькупа
стве. В район
дежь в надежд
пожилые лн
ячи в родны
нашего предь
милось кетск
е осталось не
с 42 до 33
поддерживают
дрол, но и т

Фото 1. Участники экспедиции с главой пос. Совречка
Антонидой Юрьевной Давиндук

2. Языковая ситуация в поселках и на стойбищах

Все автохтонное население обследованной территории хорошо владеет русским языком. Для всех селькупов и кетов и для подавляющего большинства эвенков русский язык — это основной язык общения, используемый во всех коммуникативных сферах, включая семейно-бытовую.

Поселок **Туруханск** — районный центр с населением 5641 человек, из них 209 кетов, 72 селькупа 33 эвенка, то есть селькупы, эвенки и кеты здесь в меньшинстве. В райцентр из небольших поселков переезжает, с одной стороны, молодежь в надежде получить специальность или найти работу, с другой стороны, — пожилые люди, которым становится трудно справляться с бытовыми условиями в родных местах, где надо носить воду, топить печь и т.д. Со времени нашего предыдущего обследования (2006 г.) в Туруханске в полтора раза увеличилось кетское население (со 145 до 209 человек), в то время как селькупское осталось неизменным (72 человека), а эвенкийское население даже уменьшилось (с 42 до 33 человек). В райцентре малые автохтонные языки практически не поддерживаются, их использование не выходит за пределы семейно-бытовой сферы, но и там они присутствуют весьма ограниченно. Если живущие

в Туруханске эвенки старшего и среднего поколения, встречаясь, нередко говорят между собой по-эвенкийски, то селькупы и кеты вне зависимости от возраста говорят между собой почти исключительно по-русски.

Село **Фарково** расположено у впадения реки Фарковки в Турухан, в 80 км. от его устья. Население 279 человека, большинство (229 человек, или 82 %) селькупы, 2 эвенка и 9 кетов. Однако селькупскую речь здесь слышится не часто. Языковой сдвиг у Туруханских селькупов начался не менее полувека назад. Как показало наше обследование, сейчас в Фаркове едва ли наберется больше полутора десятков носителей селькупского языка, способных более или менее свободно говорить на нем, младшим из них за сорок. В основном это «лесные» люди, большую часть жизни проводящие на стойбищах. Еще человек 25-30 в той или иной степени понимают селькупскую речь и могут сказать несколько слов, а то и фраз, младшим из них 35-40, но в основном это люди пенсионного возраста. В начальных классах Фарковской средней школы ведется преподавание селькупского языка (один час в неделю), но эффективность занятий практически нулевая.

Поселок **Советская Речка** (Совречка) стоит на реке с тем же названием в 20 км от ее впадения в Турухан и в 60 км к северу от Полярного круга. Население 160 человек, большинство эвенки (119 человек, или 74 %), есть группа селькупов (32 человека, 20 %) и 4 ненца. В Совречке сохраняется оленеводство, примерно четверть жителей постоянно находятся на стойбищах. Языковая ситуация у совреченских эвенков существенно лучше, чем у фарковских селькупов, однако и у них наблюдаются очевидные признаки языкового сдвига, начавшегося лет 15-20 назад. Эвенкийским языком в той или иной степени сегодня владеют все жители Совречки старше 20 лет, причем не только эвенки, но и живущие там достаточно долго селькупы. Хорошо владеют эвенкийским в Совречке и окрестностях человек 40. Эвенкийские дети школьного возраста, особенно те из них, кто регулярно проводит каникулы не в поселке, а на стойбищах, в той или иной степени понимают эвенкийскую речь. Что касается дошкольников, то даже на стойбищах родители говорят с младшими детьми преимущественно или исключительно по-русски. Более того, некоторые молодые мамы пытаются запретить дедушкам и бабушкам говорить с внуками по-эвенкийски, чтобы «не испортить» их русский язык. В Совреченской начальной школе спорадически преподается эвенкийский язык (по часу в неделю), однако, похоже, на развитие языковой ситуации в поселке школьное преподавание эвенкийского языка никакого влияния не оказывает.

Фото 2. Фарковский недострой

3. Символы и драгоценности

Наша экспедиция была полна символов, зачастую мрачноватых. Если оставить в стороне торчащие из бетонного фундамента покосившиеся столбы торжественно заложенного в 2007 г. нового здания фарковской средней школы, которое, похоже, изначально было обречено на недострой, а сейчас как нельзя лучше символизирует «наше непростое время», то великая трагедия исчезновения языка неожиданно предстала перед нами в образе смертельно больного информанта, одного из последних среди туруханских селькупов знатоков местного фольклора.

Больной был слаб, но когда его отпускала боль, был рад скоротать время, рассказывая нам сказки, которые слышал в детстве и, в отличие от многих своих сверстников, запомнил на всю жизнь. Сказки эти он услышал в школе-интернате от своего воспитателя. В 1950-1960-е годы в фарковской школе-интернате работал воспитателем Илья Федорович Кукушкин, имевший кетские корни, но прекрасно говоривший по-селькупски, знавший множество сказок и любивший эти сказки рассказывать. Вопреки тогдашнему направлению педагогической мысли, предписывавшему учителям и ученикам избегать в школах и интернатах Севера разговоров на каком-либо языке, кроме русского, Илья Федорович разговаривал со своими воспитанниками по-селькупски, а по вечерам перед сном рассказывал им сказки на том же селькупском языке. В те далекие годы большинство учеников селькупским владели. Вот эти-то сказки «от Ильи Кукушкина» мы и записывали от его бывшего ученика в последние дни жизни этого ученика. Тексты на умирающем языке от умирающего рассказчика — вот уж поистине символ исчезновения языка!

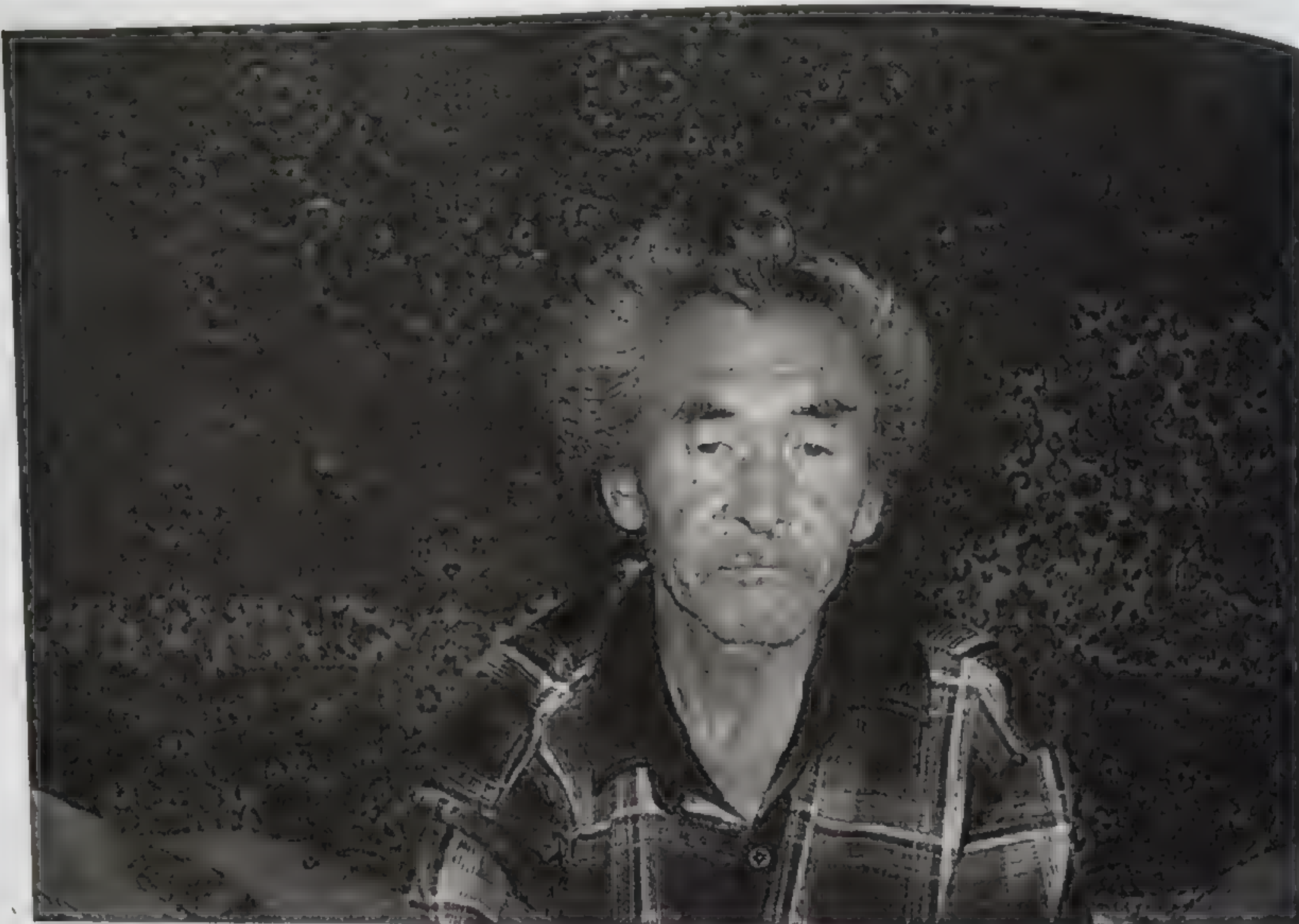

Фото 3. Валерий Николаевич Кусамин (1953–2014)

А теперь о лингвистических бриллиантах, которые были подарены нам двумя замечательным женщинам, 58-летней Галиной Владимировной Кусаминой, селькупкой из Фаркова, и 50-летней Антонидой Юрьевной Давиндук, эвенкийкой из Совречки. Каждая из них хорошо владеет своим этническим языком, хотя в последние годы использует его нечасто. Согласившись на рассказ, каждая в течение нескольких дней обдумывала, о чем стоит рассказать.

Эвенкийский рассказ – это история семьи, глава которой сначала (при царском режиме) был князцом, а потом (в первые годы советской власти) председателем родового совета эвенков Тазовской тундры. Детские воспоминания рассказчицы перемежаются историями, услышанными от старших родственников. Главный герой рассказа – дед, кочевавший по тундре со своими оленями, построивший себе вдали от поселка большой деревянный дом на берегу реки, помогавший родичам, учивший жизни молодежь и баловавший свою любимую внучку.

Селькупский рассказ продолжался два с половиной часа. Рассказчица сообщила, что выбрала эпизоды своей жизни, которые ей чем-то запомнились и которые представляются ей важными. Начала она со своих первых детских воспоминаний о том, как со своими родителями кочевала с оленями по тайге.

Фото 4. Антонида Юрьевна Давиндук

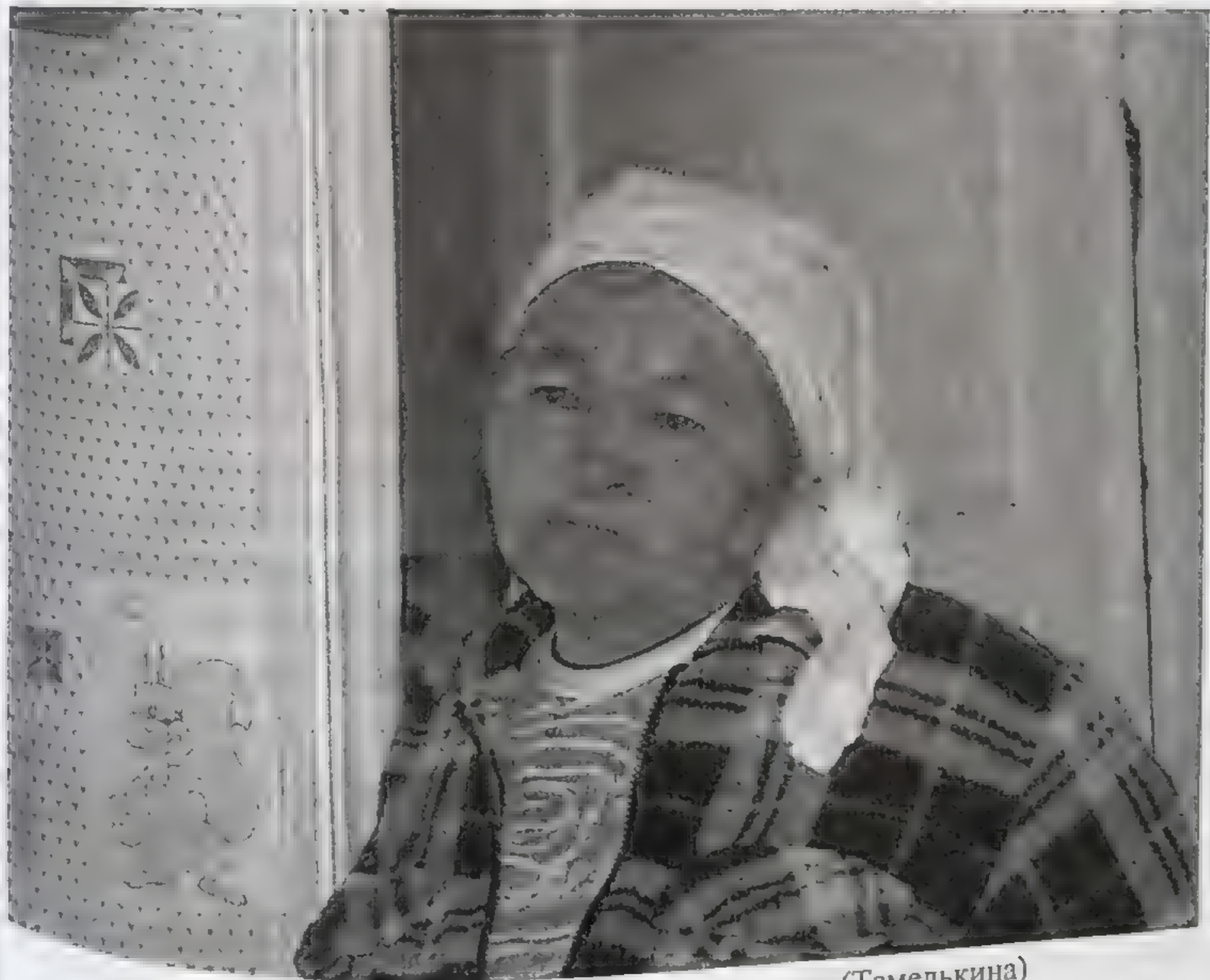

Фото 5. Галина Владимировна Кусамина (Тамелькина)

Фото 6. Игорь Никандрович Максун (1948–2015) с внуком

Детально описываются места кочевков, соседи по стойбищу, прежде всего старики, знающие как поступить в любой нестандартной ситуации, повседневный быт туруханских селькупов полувековой давности. Среди прочего, в рассказе есть подробное описание медвежьего праздника, участницей которого оказалась рассказчица. Существуют подробные описания медвежьего праздника у разных сибирских народов – культ медведя был широко распространен по всей Сибири, – а вот подробного описания медвежьего праздника у селькупов, насколько мне известно, до сих пор зафиксировано не было.

Еще один драгоценный подарок мы получили в Туруханске от Игоря Никандровича Максун, хорошо владевшего кетским языком и собиравшемся научить ему своего внука. В Туруханске мы были недолго. По дороге в поселки мы сделали от Игоря Никандровича запись рассказа о жизни. Когда мы снова зашли к нему на обратном пути, нас ждал приятный сюрприз: хозяин сделал специально для нас («для науки») видеозапись трех небольших кетских рассказов о повседневных делах – починке сети, рыбалке, жарке рыбы на рожне. Мы договорились встретиться через год, но не довелось: весной 2015 г. Игоря Никандровича не стало. Внука говорить по-кетски он научить не успел...

В сборнике представлено две статьи участников экспедиции: статья выпускницы магистратуры ИЛ Марии Егоровой о проекте учебника эвенкийского языка для детей и взрослых, слабо владеющих этим языком или не владеющих им вовсе, и статья выпускницы УНЦСА Василисы Филатовой о специфике селькупского восприятия времени.

М.А. Егорова

К проблеме выбора методики преподавания малого языка

Летом 2014 г. я принимала участие в лингвистической экспедиции в Туруханский район Красноярского края (село Туруханск, посёлок Фарково, посёлок Советская Речка), в район традиционного бытования трёх малых языков России – кетского (енисейская семья), селькупского (уральская семья) и эвенкийского (тунгусо-маньчжурская группа алтайской семьи)¹. Все эти языки находятся под угрозой исчезновения: по оценкам, данным в [Казакевич, Кибрик 2005], эвенкийский язык нестабилен, селькупский язык села Фарково находится в опасности, кетский язык находится в критическом состоянии.²

Работа в экспедиции включала в себя анкетирование жителей, а также запись и расшифровку устной речи. Целью анкетирования было выяснить степень сохранности малых языков: узнать, какой язык – автохтонный или русский – представители коренных народов считают родным, в первом случае определить уровень их языковой компетентности и отношение к языку.

С сожалением приходится констатировать, что по сравнению с состоянием, описанным в [Казакевич, Кибрик 2005], к 2014 году ситуация стала ещё более критической. Так, в посёлке Фарково нашими основными информантами были жители старше 1960 г.р. Среди пяти опрошенных мной жителей посёлка Фарково 1975–1995 г.р., самоопределившихся как селькупы, четверо считают своим родным языком русский и только один указал селькупский в качестве родного языка. Этот последний пользуется родным языком только в одном типе

¹ Экспедиция была организована на базе лаборатории автоматизированных лексико-графических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова при поддержке РГНФ, проект 14-04-18018 «Экспедиция к селькупам и эвенкам Туруханского района Красноярского края», руководитель О.А. Казакевич.

² Подробнее о классификации степени витальности языков см. [Казакевич, Кибрик 2005] и приведённую там литературу.

ситуаций – в беседе с родителями.³ Среди четырёх опрошенных мной жителей посёлка Фарково 1996 г.р. и моложе, самоопределившихся как селькупы, все четверо назвали в качестве родного языка русский; при этом все они были учащимися и в школе им преподавался селькупский язык.

В посёлке Фарково дети изучают родной (селькупский) язык как предмет в течение одного года (4 класс), и этот курс с очевидностью не может быть признан эффективным: учащиеся 2002–2003 г.р. смогли вспомнить из всего курса одно слово *челы* ‘солнце’, более старшие помнят только сам факт преподавания им родного языка. Обучение языку заключается преимущественно в чтении небольших текстов и заучивании наизусть стихов и песен и предполагает, таким образом, только пассивное владение языком. К тому же, учебник составлен на диалекте селькупского языка, отличающемся от того, на котором говорят жители посёлка, поэтому дети испытывают трудности при попытке обратиться за помощью к старшим.

Лингвистическая ситуация в посёлке Советская Речка более благоприятна, но уже отличается от описанной в [Казакевич, Кибрик 2005]. Поколение 1980–1990 г.р. в той или иной степени владеет эвенкийским языком.⁴ Но и на работе, и в быту представители этой возрастной когорты всё чаще пользуются русским, на русском говорят с маленькими детьми. Русский язык рассматривается как престижный и перспективный, что в сочетании с бытующим представлением, будто ребёнок не способен одновременно одинаково хорошо усвоить два языка, снижает вероятность передачи языка следующим поколениям.

Наконец, жители Туруханска и посёлка Фарково, самоопределившиеся как кеты, в большинстве своём уже не говорят на кетском языке. Из пяти опрошенных мной кетов 1950-х – 1960-х г.р. ни один не использовал кетский язык в качестве языка бытового общения; даже в детстве в кругу семьи они общались преимущественно по-русски. Такая ситуация обусловлена выбором, сознательно сделанным поколением их родителей – говорить с детьми только по-русски.

Типичной является история сестёр Александры Ивановны Дорожкиной (Ишековой) и Анны Ивановны Дорожкиной (Колысовой) 1960-х г.р. Их родители свободно владели кетским, а также русским как вторым языком. Отец, Иван Степанович Дорожкин, помимо кетского и русского, владел селькупским

³ Это согласуется с наблюдением, приведённым в [Вахтин, Головкин 2005], о том, что «люди могут называть своим родным язык, который они обычно не используют<...> или знают хуже других, или даже вообще не знают» [Вахтин, Головкин 2005, с. 48].

⁴ Степень владения языком коррелирует с возрастом, образом жизни и родом занятий говорящих (традиционный образ жизни, жизнь в стойбище vs работа по найму, жизнь в посёлке).

и эвенкийским. Дочери Ивана Степановича вспоминают, как он разговаривал на всех трёх языках – кетском, селькупском и эвенкийском – с родственниками, соседями и друзьями; но для общения с детьми дома использовался только престижный русский язык.⁵

Кеты, рождённые после 1980-го года, своим родным языком считают уже русский, а в качестве приоритетных для изучения языков чаще всего указывают английский, реже – другие европейские или восточные языки.

В сборнике 2005 г. «Малые языки и традиции: существование на грани» прозвучал вопрос: «Могут ли средства массовой информации и система образования быть использованы для сохранения языков, находящихся в опасности?»⁶ Сейчас, десять лет спустя, на этот вопрос с уверенностью можно ответить положительно. К настоящему времени накоплен богатый опыт сохранения и возрождения малых языков, в том числе благодаря созданию школ с полным курсом обучения на соответствующем языке и дошкольных детских учреждений с погружением в язык (так называемых «языковых гнёзд»)⁷. Благодаря развитию интернета всем интересующимся культурой и языками малых народов доступны материалы, размещённые на специализированных сайтах. В качестве актуальных примеров можно назвать Арктический многоязычный портал <http://arctic-megapedia.ru>; портал «Эвенгус», посвящённый изучению эвенкийского языка <http://evengus.ru>; интернет-ресурс «Малые языки Сибири: наше культурное наследие» <http://minlang.srcc.msu.ru/>.

Мне, в свою очередь, представляется полезным разработать для малых языков учебники современного типа. Образцом для меня послужили всемирно

⁵ Не могу не отметить, что Иван Степанович был выдающимся человеком. С 1942 по 1947 год он служил в Советской армии, дошёл до Берлина, где и продолжал служить до сентября 1947 года. После демобилизации вернулся на родину, в течение семи лет работал заведующим Красным чумом; впоследствии работал рыбаком-охотником, заготовителем сырья, мастером по обработке рыбы. В 1966 г. вступил в КПСС, в 1967 г. был назначен председателем Кочевого совета. Его памяти посвящена статья, выполненная его внучкой Храбрых Лилией Александровной, расположенная по адресу: <http://www.memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/6/Hrabhyh/Hr.htm>. Иван Степанович неоднократно выступал в качестве информанта по кетскому языку. Его выбор в пользу русского как языка повседневного общения с детьми объясняется разницей в статусе русского и титульных языков.

⁶ См. [Казакевич, Кибрик 2005], с. 32.

⁷ См., например, [Замятин *et al.* 2012] об опыте возрождения валлийского, саамских и других малых языков, а также [Ferdinand 2013] о всё возрастающей роли образования и СМИ в возрождении корнского языка.

известные серии учебников "Assimil"⁸ и "Teach Yourself". Ниже рассмотрены принципы организации курса, которые кажутся мне особенно важными.

1. Направление от конкретного к абстрактному. Каждый урок начинается с предъявления языкового материала, снабжённого пословным переводом («подстрочником»), литературным переводом и комментариями. Таким образом, пользователь учебника получает возможность самостоятельно сделать наблюдения над языковым материалом, чтобы приступить к теоретической части урока, уже составив себе первое впечатление об изучаемой теме. После серии уроков следует небольшая итоговая глава, в которой соответствующие грамматические и лексические темы излагаются более полно и систематически.

2. Ориентация на диалог. Основная форма предъявления языкового материала в учебнике – диалог. В особенности это касается материала, содержащего новую для пользователя грамматику. Диалог представляет собой наиболее естественную форму бытования языка и содержит привязку к конкретной ситуации. По мере освоения материала возможно включение в уроки фрагментов нарратива, вначале как комментариев к диалогу, затем как самостоятельных небольших рассказов, вводимых с целью закрепления ранее освоенного материала.

3. Постепенное изложение материала. Предполагается, что уроки будут небольшими и не перегруженными новой информацией. Новый материал излагается постепенно, небольшими порциями.

Базовая структура урока выглядит следующим образом:

- Диалог на изучаемом языке с подстрочным переводом на язык-посредник;
- Диалог в литературном переводе на язык-посредник;
- Комментарии, в которых даются необходимые грамматические пояснения, излагаются интересные факты о языке и упоминаемых реалиях;
- Грамматика.

Предполагается, что все приводимые тексты на изучаемом языке сопровождаются аудиозаписью.⁹

Изложенные выше принципы я постаралась применить в пробном уроке на материале эвенкийского языка, приведённом в Приложении I.¹⁰

В заключение хотелось бы остановиться на следующих двух вопросах – 1) целевая аудитория предполагаемых учебников и 2) их диалектная база.

⁸ См. <http://fr.assimil.com/>

⁹ Помимо основного курса, планируется также вводный раздел, содержащий общие сведения о языке и основные сведения о фонетике и графике.

¹⁰ Предложенный ниже макет первого урока ни в коей мере не претендует на законченность и приводится с целью продемонстрировать принципы 1–3. За все возможные ошибки и неточности несёт ответственность автор статьи.

формат учебников предполагает изучение малого языка как иностранного с использованием русского как языка-посредника. Учитывая описанную выше ситуацию, когда русский язык становится преобладающим даже в сфере повседневного общения, такой подход представляется оправданным: такой курс можно будет использовать как при преподавании малого языка как родного в школе, так и для самостоятельного изучения.¹¹

Что касается диалектной базы, то в настоящее время накоплен обширный материал, позволяющий учитывать все известные варианты языка. В случае изучения языка в школе в качестве предмета «Родной язык», несомненно, следует вести обучение на локальном варианте языка.¹²

Приложение I

Авгарāt бикэл!

1. – *Авгарāt бикэл!*¹

– 'Здорóво будь!'

1) Приветствие *Авгарāt бикэл!* дословно означает 'Здорóво живи!' или 'Здорóво будь!'. Это выражение употребляется как при встрече, так и при расставании.

Авгарāt – наречие, образованное от прилагательного *авгарā* 'здоровый'.

Бикэл! – 'будь!', форма повелительного наклонения от глагола *бимй* 'быть, жить'. Если говорить точнее, перед нами форма второго лица единственного числа настоящего времени повелительного наклонения. В эвенкийском языке у повелительного наклонения различаются формы настоящего и будущего времени для трёх лиц и двух чисел – единственного и множественного.¹³

¹¹ Хотелось бы упомянуть, что среди учебников, издаваемых в сериях "Assimil" и "Teach Yourself", пользуются успехом курсы малых языков Европы, таких как баскский, окситанский, валлийский, бретонский, а также классических языков, таких как латынь и древнегреческий. Ср. также востребованность таких коллективных проектов, как озвученный русско-юкагирский разговорник, см.: [http://arctic-megapedia.ru/wiki/Юкагирский_разговорник_\(язык_лесных_юкагиров\)](http://arctic-megapedia.ru/wiki/Юкагирский_разговорник_(язык_лесных_юкагиров)). Предисловие

¹² Ср. [Казакевич, Кибрик 2005], с.32–33: «детям следует преподавать локальный вариант языка, на котором говорят в их посёлке. Только в этом случае дети получают поддержку со стороны жителей посёлка, ещё владеющих языком, и прежде всего со стороны их родителей и старших родственников».

¹³ В терминах, принятых в [Василевич 1940] и [Цинциус 1997], это наклонение называется повелительным. В терминах, принятых в [Константинова 1964], оно называется побуждательным. В [Василевич 1940] лаконично сказано, что «это наклонение имеет два времени: 1) Настоящее и 2) Будущее». В [Константинова 1964] разница между временами повелительного наклонения

К формам эвенкийского глагола мы вернёмся в следующих уроках, а пока запомните форму приветствия в единственном и множественном числе, для обращения к одному и нескольким людям соответственно:

Авгарāt бикэл! 'Будь здоров!', 'Здравствуй!'

Авгарāt бикэллэ! 'Будьте здоровы!', 'Здравствуйте!'

Вероятно, вы уже обратили внимание на то, как устроены формы глагола: в них выделяется основа *би-* 'быть' и суффикс *-кэл*, передающий значение 'второе лицо настоящего времени повелительного наклонения', а формы единственного и множественного числа второго лица различаются наличием у последних суффикса *-лэ*, выражающего множественность.

2. – *Авгарāt бикэл! Минуйгэрбйв Миша.² Синуйнуй гэрбйс?^{3,4}*

– 'Здорово будь!' 'Моё имя Миша'. 'Твоё как ('кто') имя?'

2) Обратите внимание на суффикс *-в* в слове *гэрбйв* 'моё имя'. Это так называемый суффикс притяжательности. Он указывает на обладателя предмета, названного именем существительным или местоимением. В данном случае обладателем является говорящий, 'я'.

3) В слове *гэрбйс* 'твое имя' также выделяется суффикс притяжательности *-с*. В этом случае обладателем является адресат, 'ты'.

4) Местоимение *нуй* означает 'кто' и употребляется по отношению к людям. Это же местоимение используется, чтобы задать вопрос об имени человека. По-русски мы скажем: 'Как твоё имя'. По-эвенкийски – 'Кто твоё имя?'

3. – *Минуй гэрбйв Алитет.*

– 'Моё имя Алитет'.

4. – *Нууан минуй некуйнмй.^{5,6} Нууануйн гэрбйн Огдо.⁷*

– 'Она моя младшая.сестра'. 'Её имя Огдо'.

ительного (побудительного) наклонения описывается следующим образом: «различается побудительное действие *ближайшего будущего* и *отдалённого будущего времени*». В [Булатова 2001] различаются *повелительное наклонение I* и *повелительное наклонение II*.

Мне представляется наиболее удачным решением принять термин *повелительное наклонение*, поскольку это согласуется с традицией описания русского языка и других широко изучаемых языков. Что касается обозначения временных различий, на данный момент я склоняюсь к паре терминов *повелительное наклонение настоящего времени* и *повелительное наклонение будущего времени*, так как они обладают простотой и содержательностью, традиционно принятые для латинского языка термины *Imperativus Praesentis* и *Imperativus Futuri* (см. [Соболевский 1948] сс. 189–190).

5) Здесь некуйнмй, 'моя младшая сестра'. Дело в том, что в эвенкийском языке лица (и числа) различаются наличием у последних суффикса -лэ, выражающего множественность.

стар
мла

7) Здесь нуй. Как и местоимение, оно может означать как 'кто', так и 'какой'.

5. – *Авгарāt бикэл!*
– 'Здорово будь!'

1. – Здравствуй!
2. – Здравствуйте!
3. – Меня зовут...
4. – А это...
5. – Здравствуй!

Личные местоимения
В этом уроке мы рассмотрим личные местоимения третьего лица в эвенкийском языке, когда в русском языке используются местоимения 'он', 'она', 'оно'. Вот как выглядят личные местоимения третьего лица в эвенкийском языке:
1. бй 'я'
2. сй 'ты'
3. нууан 'он / она / оно'

5) Здесь мы встречаем ещё одно слово с суффиксом притяжательности – *некүйн*, ‘моя младшая сестра’. Обратите внимание, что здесь суффикс притяжательности отличается от того, что мы встретили ранее в слове *гэрбйв* ‘моё имя’. Дело в том, что облик суффикса притяжательности зависит не только от лица (и числа) обладателя, но и от исхода основы.

6) В эвенкийском языке различаются *акйн* ‘старший брат’ и *экйн* ‘старшая сестра’. А вот ‘младший брат’ и ‘младшая сестра’ (младшие сиблинги) обозначаются одним и тем же словом *нэкүйн*.

относительный возраст	пол	
	М	Ж
старше	<i>акйн</i>	<i>экйн</i>
младше	<i>нэкүйн</i>	

Таблица 1

7) Здесь нам встретилось слово *гэрбйн* ‘её имя’. Обладатель здесь – третье лицо. Как и местоимение третьего лица *нууан*, суффикс притяжательности может означать как ‘его’, так и ‘её’ предмет.

5. – *Авгарāt бикэл, Огдо!*
– ‘Здорóво будь, Огдо!’

Здравствуй!

1. – Здравствуй.
2. – Здравствуй. Меня зовут Миша. А тебя как зовут?
3. – Меня зовут Алитет.
4. – А это – моя младшая сестра. Её зовут Огдо.
5. – Здравствуй, Огдо!

Грамматика

Личные местоимения

В этом уроке нам встретилось личное местоимение *нууан*. Это местоимение третьего лица единственного числа. Имена существительные и местоимения в эвенкийском языке не различаются по родам. *Нууан* используется в тех случаях, когда в русском используется ‘он’, ‘она’ или ‘оно’.

Вот как выглядят личные местоимения ‘я’, ‘ты’, ‘он (она, оно)’ в именительном падеже:

1. *бй* ‘я’
2. *сй* ‘ты’
3. *нууан* ‘он / она / оно’

Притяжательные местоимения

В этом уроке нам встретились притяжательные местоимения. Вот как выглядят притяжательные местоимения 'мой', 'твой', 'его, её':

1. *мин-уй* 'мой'
2. *син-уй* 'твой'
3. *нууан-уй-н* 'его, её'

В третьем лице, в отличие от русского языка, не различается род обладателя: *нууануйн* может значить и 'его', и 'её'.

Во всех этих местоимениях выделяется суффикс *-уй*: *мин-уй*, *син-уй*, *нууан-уй-н*, а в местоимении 3-го лица к суффиксу *-уй* добавляется суффикс *-н*: *нууан-уй-н*.

Вы, возможно, уже обратили внимание, что в 1-ом и 2-ом лице основы личного и притяжательного местоимений различаются: *бй*, но *мин-уй*, *сй*, но *син-уй*. Запомните обе основы: это пригодится, когда мы начнём склонять местоимения.

лицо	личное местоимение в Им. п.	притяжательное местоимение в Им. п.
1	<i>бй</i>	<i>мин-уй</i>
2	<i>сй</i>	<i>син-уй</i>
3	<i>нууан</i>	<i>нууан-уй-н</i>

Таблица 2¹⁴

Притяжательные формы имён существительных.

Формы прямой принадлежности.

В этом уроке нам встретились так называемые **формы прямой принадлежности**. Они употребляются, когда между обладателем и обладаемым существует естественная связь. Эвенки считают, что «естественным образом» связаны между собой человек или животное и части его тела (например, *дыл* 'голова', *мёван* 'сердце', *уйлэ* 'рука', *халган* 'нога'); человек и предметы его одежды (например, *авун* 'шапка'); человек и его родственники (*энийн* 'мать', *амйин* 'отец', *акйин* 'старший брат', *экйин* 'старшая сестра', *нэкун* 'младший брат, младшая сестра'); человек и его имя (*гэрбй* 'имя'); человек и его дом (*дйю* 'дом').

¹⁴На данном этапе подробное обсуждение различий между прямой и косвенной основами местоимений представляется мне преждевременным. В соответствии с принципом постепенного изложения материала, я считаю достаточным обратить внимание читателей на сам факт наличия двух основ, чтобы подготовить их к изучению склонения местоимений.

Мы уже упоминали о том, что облик суффикса притяжательности зависит от того, на какой звук заканчивается основа слова. До сих пор нам встретились слова, которые заканчиваются:

- а) на гласный: *уālэ, гэрбй, дйю*;
- б) на сонорный согласный -н: *мёван, халган, āвун, энйн, амйн, акйин, экйин, нэкун*;
- в) на сонорный согласный -л: *дыл*.

лицо обладателя		слово заканчивается на		
		гласный	-н	-л
		<i>гэрбй</i> 'имя'	<i>мёван</i> 'сердце'	<i>дыл</i> 'голова'
1	мой, моё, моя	<i>гэрбй-в</i>	<i>мёван-мй</i>	<i>дыл-ви</i>
2	твой, твоё, твоя	<i>гэрбй-с</i>	<i>мёван-ни</i>	<i>дыл-ли</i>
3	его, её	<i>гэрбй-н</i>	<i>мёван-и-н</i>	<i>дыл-и-н</i>

Таблица 3

Именительный падеж

Именительный падеж не имеет специального окончания.

Именительный падеж – это падеж подлежащего и именного сказуемого:

1) *Бй синнй акйиннй. Сйминнй некунмй.*

‘Я твой старший брат. Ты моя младшая сестра / мой младший брат’.

2) *Бй синнй некуннй. Сй миннй экйинмй.*

‘Я твоя старшая сестра. Ты моя младшая сестра / мой младший брат’.

3) *Нунан миннй амйинмй.* ‘Он мой отец’.

4) *Нунан миннй энйнмй.* ‘Она моя мать’.

5) *Миннй гэрбйв Алитет.* ‘Моё имя Алитет’.

Литература

- Болдырев Б.В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск: «Наука», 1994.
- Булатова Н.Я. Эвенкийский язык в таблицах. СПб.: «Дрофа», 2001.
- Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского языка). Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940.

Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Исчезающие языки и задачи лингвистов-североведов. Малые языки на постсоветском пространстве // Кибрик А.Е. (ред.). Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М.: Новое издательство, 2005.

Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004.

Вернер Г.К. Кетский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: «Индрик», 1996.

Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки 2012.

Казакевич О.А., Кибрик А.Е. Малые языки на постсоветском пространстве // Кибрик А.Е. (ред.). Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М.: Новое издательство, 2005.

Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.-Л.: «Наука», 1964.

Константинова О.А., Лебедева Е.П. Эвенкийский язык. Учебное пособие для педучилищ. М.-Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953.

Королёв А.А. Корнский язык // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. М.: «Индрик», 2000.

Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1948.

Суник П.О. Тунгусо-маньчжурские языки // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: «Индрик», 1997.

Хелимский Е.А. Селькупский язык // Языки мира. Уральские языки. М.: «Индрик», 1993.

Цинциус В.И. Эвенкийский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: «Индрик», 1997.

Ferdinand S.A. Brief History of the Cornish Language, its Revival and its Current Status // Journal of Interdisciplinary Celtic Studies. Volume 2: Cultural Survival, 2013.

В.О. Филатова

**Антропология времени в тайге:
опыт междисциплинарного исследования стратегий
поведения селькупов**

Летом 2014 г. автор участвовал в лингвистической экспедиции в несколько населённых пунктов Туруханского района Красноярского края¹, где проживают представители северных территориально-диалектных групп селькупов, а также кеты и эвенки. В целом участники экспедиции провели 4 дня в с. Туруханск, 2 недели в пос. Фарково и 12 дней в пос. Советская Речка. Кроме того, неполным составом экспедиции были осуществлены кратковременные выезды (не более чем на 3 дня) в пос. Янов Стан и в район Советских озёр к местам, где расположены стойбища туруханских эвенков-оленьеводов. Помимо сбора данных о языковой ситуации в посещённых посёлках, записи звуковых словарей селькупского, эвенкийского языков (точнее, их местных диалектов), аудио- и видеозаписи текстов на селькупском, эвенкийском и кетском языках и частичной расшифровки записей с помощью носителей языка, во время пребывания в Фарково и Советской Речке автору удалось провести анкетирование по вопросам, связанным с тематикой времени.

Методы исследования

Анкета, которая использовалась в этой экспедиции, была составлена на основании анализа опыта устного анкетирования в с. Толька и Ратта в 2012 г.² и в малых городах России (в г. Боровичи Нижегородской области и г. Нижний Ломов Пензенской области) в 2012–2013 гг.³ Анкеты, использовавшиеся в 2012 и 2013 гг. состояли из 12–18 вопросов, и ответом мог быть только один из предложенных вариантов (например, в ответ на вопрос «Как Вам удобнее выполнять работу, решать задачи?» можно было ответить либо «поступательно, с

¹ Грант РГНФ 14-04-18018 «Экспедиция к селькупам и эвенкам Туруханского района Красноярского края», НИВЦ МГУ (2014 г.): руководитель О.А. Казакевич.

² Грант РГНФ № 12-04-18027е «Экспедиция к тазовским селькупам в Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа», НИВЦ МГУ (2012 г.): руководитель О.А. Казакевич.

³ В рамках проекта УНЦСА РГГУ «Молодежь в эпоху социальных перемен: диахронный анализ индивидуальных стратегий выбора жизненного пути в Российской городской провинции с 1991 по 2013 гг.» (Целевая программа Министерства образования и науки России по направлению «Гуманитарные науки» в области «исторических наук»). Руководители экспедиций М.Е. Кабицкий (в г. Боровичи) и О.Ю. Артёмова (в г. Нижний Ломов).

перерывами на отдых», либо «от начала до конца, не отвлекаясь») (см. Филатова 2013), хотя в ряде случаев (особенно в вопросах о периодизации и праздниках) не все варианты были взаимоисключающими. По собранным данным не всегда ясно, что именно стоит за ответом информанта: например, ответ на вопрос о том, важно ли информанту знать который час, какой день недели и какое число, может отражать как личное отношение к инструментам счёта времени и неспособность обойтись без часов и календаря, так и просто привычку использовать часы или календарь, не придавая им особого значения и будучи способными обойтись без них.

В анкете 2014 г. была предусмотрена возможность оценить степень согласия с каждым из вариантов с помощью шкалы. То есть, например, информант мог отметить, что ему одинаково удобно работать и с перерывами, и не отвлекаясь, либо отметить большую или меньшую склонность к одному из вариантов. Статистический анализ результатов опросов 2012–2013 гг. заключался в построении таблиц сопряжённости и вычислении критерия Хи-квадрат. Анкета 2014 г. позволяет произвести анализ результатов с помощью вычисления корреляций признаков. Опросник 2014 г. включал 11 вопросов о предпочтениях в способах ориентации и самоорганизации во времени, 3 вопроса о привычках и предпочтениях, связанных с синхронизацией собственных действий и деятельности других людей, а также 1 вопрос об ориентации в пространстве, сокращённую версию теста на черты личности NEO (mini-IPIP [Donnellan et al. 2006]), 3 вопроса о склонности к агрессии и блок общих вопросов (пол, возраст, этническая принадлежность, образование, семейное положение, количество детей, количество людей, вместе с которыми живёт информант, и пр.). В предыдущих версиях опросников акцент на психологических (личностных) характеристиках информантов был гораздо слабее, чем в версии 2014 г. Решение увеличить количество вопросов о характере информанта и использовать психологический тест было продиктовано ориентацией на методы этологии человека (и эволюционной психологии). Автор не мог опираться на опыт совместной работы этологов и антропологов в области исследований времени (из-за отсутствия информации о том, что такие совместные работы имели место), поэтому стремление провести междисциплинарное исследование такого рода потребовало ряда методологических экспериментов. Данная статья посвящена описанию того, насколько удачным или неудачным оказался эксперимент 2014 г. в сравнении с исследованием 2012 г.

Общая характеристика результатов

В выборке 2012 г. представлены различные возрастные, гендерные, и основные этнические группы жителей сёл Толька и Ратта. Опрошено чуть больше женщин (57 чел.), чем мужчин (41 чел.), больше селькупов (60 чел.), чем русских (28 чел.), а также меньше детей и пожилых людей (18 чел.), чем информантов возраста от 17 до 55 лет (80 чел.). Доля селькупского населения в выборке по сравнению с количеством опрошенных русских не отражает реальное соотношение численности этнических групп в посёлках (в с. Толька в 2012 г. проживало 2192 человек (сейчас 2118 чел.), из них около 500 чел. селькупов; в с. Ратта проживает 259 чел. (сейчас 295 чел.), из них 166 селькупов (по данным официального сайта Красноселькупского района). Тем не менее по результатам опроса можно составить представление о том, к чему более или менее склонны жители Тольки и Ратты. Наиболее ярко проявились следующие тенденции:

- стремление строить долгосрочные планы, заранее и самостоятельно определять путь к желательному будущему (66,3 %);
- ощущение, будто зимой время течёт медленнее, чем летом (77,5 %);
- предпочтение выполнять весь объём работы за один раз, доводить начатое до конца без перерывов на отдых (64 %);
- отсутствие потребности знать текущее время (64,8 %) и число (60,9 %) если это не нужно для работы или учёбы.

Выборка 2014 г. тоже разнородна по половому, возрастному и национальному составу. Опрошено 30 мужчин и 30 женщин, из них 47 чел. в возрасте от 17 до 55 лет. Этнический состав выборки следующий: 33 селькупа, 8 русских, 13 эвенков и 6 кетов. Для сравнения с данными 2012 г. будут использованы только анкеты, собранные у селькупов. Из 33 селькупов, опрошенных в 2014 г., 17 мужчин и 16 женщин, из них 20 чел. состоят в браке; четверо – младше 16 лет, двое – старше 56 лет. Среднее образование имеют 27 чел., из них 11 также окончили училище, а один человек имеет высшее образование. На селькупском языке из опрошенных 33 селькупов говорят только трое. Из частотных наблюдений примечательны следующие:

- 91 % не испытывают трудностей при ориентации в пространстве без помощи навигатора или карты;
- 76 % стремятся быть как все и не выделяться в компании друзей;
- 67 % не придерживаются режима дня в вопросах приёма пищи;
- 67 % проводят большую часть времени с февраля по апрель в помещении;
- 61 % используют часы, но для 48,5 % из них не важно знать, который час;

– 64 % предпочитают доводить начатое дело до конца, не отвлекаясь на отдых.

Сравнивая общие черты двух выборок, можно заметить, что только склонность выполнять работу за один раз, а не поэтапно, с перерывами – прослеживается в обоих случаях. В остальном сравнение частотных наблюдений оказалось не показательным.

Данные 2012 г. свидетельствуют, что у информантов мужского и женского пола разное отношение к идее заблаговременного планирования своего будущего (см приложение № 1.1). Из 97 человек, однозначно ответивших на вопрос «нужно ли планировать далёкое будущее?», 33 человека считают, что лучше пользоваться случаем и плыть по течению, ничего заранее не планируя, и лишь 8 из 33 – это мужчины (а точнее, один мальчик, 4 юноши и 3 мужчины).

Корреляций склонностей к долгосрочному планированию с половой принадлежностью в результатах опроса 2014 г. не обнаружено. При анализе ответов всех информантов (включая и селькупов, и русских, эвенков и кетов), проявляется связь между полом и такими показателями, как «значение часов», «привычка использовать часы» (для женщин эти показатели выше ($r = 0,298$, $p < 0,05$ и $r = 0,268$, $p < 0,05$ соответственно)), «склонность работать поступательно, с перерывами» достоверно более характерна для мужчин ($r = 0,375$, $p < 0,01$). Однако, лишь в селькупской части выборки достоверными оказались половые различия по фактору «в период с февраля по апрель большую часть времени проводит в помещении» – к такому варианту более склонны оказались селькупские женщины ($r = 0,363$, $p < 0,05$). Вопрос такого рода был включён в анкету 2014 г. в связи с нетривиальными результатами анализа данных 2012 г.

Было обнаружено, что селькупки из сёл Толька и Ратта чаще связывают наступление весны с удлинением дневного времени суток, чем с потеплением (что менее характерно для мужчин селькупов и для русских женщин и мужчин (см. приложения № 1.2 и 1.3)). В качестве объяснительной гипотезы было предположено, что такие различия связаны с половым разделением обязанностей в сезонной деятельности, характерными для селькупской культуры: период с февраля по апрель для мужчин является периодом активной охоты, когда они много времени проводят в лесу, а для женщин – временем домашних хлопот (сезон сбора ягод и кедровых шишек приходится на лето, а зимой, если женщины не выезжают на охоту вместе с мужчинами, они проводят немало времени дома).

Корреляции половой принадлежности со склонностью связывать начало весны с удлинением дня в данных 2014 г. не было обнаружено, но фактор «в период с февраля по апрель большую часть времени проводит в помещении», вероятно, всё же оказался значимым в связи с вопросами пола/гендера. Пред-

ставляется вполне перспективной дальнейшая работа с выдвинутой гипотезой и последующие исследования оснований сезонной периодизации у современных селькупов.

Анкета 2014 г. позволяет учитывать при анализе не только пол, возраст и этническую принадлежность информантов, но и другие факторы, которые могут во многом определять привычки и склонности людей. Для селькупской части выборки уровень образования оказался достоверно связанным с «изменчивостью привычек (по самооценке)» ($r = -0,515, p < 0,01$) то есть информанты с более высоким уровнем образования чаще отмечали, что они давно не меняли свои привычки, что месяц, год, несколько лет назад они бы ответили на вопросы анкеты так же, как и сейчас. Однако, уровень образования связан с возрастом ($r = 0,402, p < 0,05$), и хотя корреляция склонности часто менять свои привычки с возрастом ($r = -0,355, p < 0,05$) – слабее, чем с уровнем образования, оснований полагать, что фактор образования здесь важнее фактора возраста недостаточно: для разрешения этого вопроса требуются дополнительные данные. Информанты с более высоким уровнем образования продемонстрировали также склонность «в кругу друзей стараться выделиться, быть оригинальным» ($r = 0,392, p < 0,05$), которая в целом не характерна для опрошенных селькупов: 25 из 33 отметили, что стараются в компании друзей не выделяться, быть как все.

Фактор количества детей у опрошенных селькупов оказался положительно скоррелирован со склонностью работать от начала до конца без перерывов ($r = 0,381, p < 0,05$) и со склонностью часто думать о прошлом, придавать большое значение воспоминаниям ($r = 0,397, p < 0,05$).

Количество людей, проживающих вместе с информантом в одном доме – это показатель, который отрицательно коррелирует у опрошенных селькупов с уровнем образования (информанты с менее высоким уровнем образования чаще живут вместе с большим количеством людей) ($r = -0,431, p < 0,05$). Но все остальные корреляции с этим показателем наблюдаются только у неселькупской части выборки: это сильная положительная корреляция с неготовностью долго ждать чего-либо, склонностью уходить, не дождавшись ($r = 0,545, p < 0,01$), а также отрицательная корреляция со склонностью проводить большую часть времени с февраля по апрель в помещении ($r = -0,402, p < 0,05$).

Фактор частоты разездов, «смены обстановки» (кратковременных и долгосрочных поездок в другие населённые пункты) тоже оказался более значимым для неселькупской части выборки: среди селькупов частота разездов отрицательно коррелирует только с неспособностью ориентироваться в пространстве без карты или навигатора ($r = -0,387, p < 0,05$), что, впрочем, не вызывает интереса. Для опрошенных русских, эвенков и кетов частота разездов отрицательно скоррелирована со склонностью не планировать далёкое будущее, плыть

по течению ($r = -0,427$, $p < 0,05$) и придерживаться режима дня (особенно в аспекте приёма пищи $r = -0,492$, $p < 0,01$), а также положительно коррелирует со склонностью работать поступательно с перерывами на отдых ($r = -0,561$, $p < 0,01$) и рассматривать удлинение солнечного дня как знак наступления весны ($r = 0,450$, $p < 0,05$).

Таким образом, для дальнейшего изучения времени в жизни современных селькупов интерес представляют факторы образования и количества детей, а количество людей, живущих в одном доме и частота разъездов, возможно, не являются значимыми показателями.

При анализе данных 2012 г. была обнаружена сеть односторонних и двусторонних связей таких факторов как:

- а). наличие плана на далёкое будущее;
- б). потребность всегда знать, который час и какой день недели;
- в). желание время от времени «начинать новую жизнь», принимая решение изменить образ жизни с начала нового периода;
- г). склонность делить время на периоды длиной в год и производить в начале нового годового цикла оценку изменений, произошедших за прошлый год;
- д). образ правильно проведённого праздника: соблюдение общепринятых или семейных традиций, либо отказ от ежегодного воспроизведения устойчивых форм празднования.

Связи, о которых идёт речь, заключаются в том, что среди информантов, ответивших так или иначе на один из перечисленных вопросов, большинство (не менее 70 %) проявляет определённые склонности в выборе ответов на другие вопросы.

Нужно признать, что обнаруженные закономерности сложно объяснить. Главная причина тому – неоднозначность критериев, неудачные формулировки вопросов, о чём было сказано выше. Вопросы анкеты 2014 г. позволяют учитывать отдельно такие факторы как «использование часов/календаря», «значение, придаваемое знанию точного времени/дня недели/числа», «стремление быть пунктуальным» и пр., поэтому, несмотря на то, что выборка 2014 г. меньше, чем в 2012 г., есть основания больше доверять результатам расчёта корреляций между 41 фактором последнего варианта опросника. Следующие аспекты «отношений» человека со временем проявились как значимые при вычислении корреляций с помощью ранговой корреляции Спирмена для всей выборки (в скобках замечено, в позитивной или негативной формулировке был представлен данный аспект в анкете):

1. частота размышлений а). о будущем, б). о прошлом, в). склонность «жить настоящим/сегодняшним днём» (POS);

2. склонность заранее строить план а). на ближайший день, б). на неделю (POS), в). на далёкое будущее (NEG);
3. необходимость знать а). который час, б). текущий день недели, в). число (POS);
4. способность вести привычный образ жизни без использования а). часов и б). календаря (NEG);
5. степень раздражения, возникающая при необходимости чего-либо ждать (POS);
6. а). склонность работать с перерывами на отдых (POS) / б). предпочтение не отвлекаться от работы, пока она не доведена до логического завершения (POS);
7. зависимость режима работы и расписания от указаний работодателя (POS);
8. разделение потока времени на периоды длиной а). в несколько месяцев, б). один год (POS);
9. строгость режима жизни: склонность а). просыпаться, б). принимать пищу, в). засыпать каждый день в одно и то же время (POS);
10. способность а). сбиваться с ритма работы, не испытывая дискомфорт, б). работать в непривычном месте, в). подстраиваться под темп работы или передвижения других людей (NEG);
11. удовольствие от а). совместного или б). самостоятельного пения, танцев и прочих организованных ритмически действий (POS);
12. склонность связывать наступление весны а). с удлинением светлого времени суток либо б). с потеплением (POS);
13. доля времени, проведённого а). в помещении или б). снаружи в период с февраля по апрель (POS);
14. изменчивость привычек и склонностей (по самооценке) (POS).

Те же аспекты оказались значимыми и при отдельном рассмотрении селькупской части выборки. Таблицы коэффициентов корреляций представлены в приложении. Далее будет представлен обзор корреляций высокой достоверности (значимых на уровне $p < 0,01$), обнаруженных при анализе ответов селькупов (в скобках указаны: номера факторов в списке, представленном выше; наблюдаются (+) или отсутствуют (-) подобные корреляции в ответах русских, эвенков и кетов).

— Частота размышлений о будущем отрицательно скоррелирована со склонностью «жить сегодняшним днём» (1а-1в +) и «плыть по течению, не задумываясь о далёком будущем» (1а-2в -). Частота размышлений о прошлом положительно коррелирует со склонностью получать удовольствие от самостоятельных ритмически организованных действий вроде пения, танцев и т.п. (1б-11б -).

– Привычка планировать ближайший день как правило сопутствует привычке планировать всю неделю ($2a-2b \pm^4$).

– Значение, которое придаётся знанию текущего времени, отрицательно коррелирует со склонностью работать от начала до конца без перерывов ($3a-6b -$). Стремление знать текущий день недели положительно коррелирует со знанием текущего числа и потребностью в календаре ($3b-3b-4b +$).

– Степень дискомфорта, связанного с необходимостью ждать, положительно скоррелирована с изменчивостью привычек и склонностей (по самооценке) ($5-14 -$). Также этот показатель положительно коррелирует со склонностью выполнять работу за один раз, без перерывов ($5-6b -$) и разделять поток времени на периоды длиной в год ($5-8b -$).

– Периодизация времени на промежутки длиной в год также связана с изменчивостью привычек и склонностей (по самооценке) ($8b-14 -$).

– Способность работать в непривычном месте положительно коррелирует со склонностью связывать наступление весны с увеличением светлого времени суток ($10b-12a -$).

Такие факторы как «зависимость режима работы и расписания от указаний работодателя» (7), «строгость режима жизни» (9) и «доля времени, проведённого в помещении или снаружи в период с февраля по апрель» (13) для селькупской части выборки не показали корреляций высокой значимости с другими факторами, связанными со временем. Однако, в анкету 2014 г. также внесены вопросы, которые могут иметь косвенное отношение ко времени и представляют следующие характеристики:

15. Способность ориентироваться в пространстве без помощи карты или навигатора; методы ориентации в пространстве (визуальные ориентиры, ощущение направления движения, абсолютное чувство относительного расположения объектов в пространстве).

16. Склонность подстраиваться под других людей и не выделяться на общем фоне а). в компании друзей, б). среди незнакомых.

Несмотря на тесную связь пространства и времени в языке и законах физики, ответы информантов не позволили обнаружить корреляции между факторами ориентации во времени и в пространстве. Зато стремление не выделяться на фоне незнакомых людей у опрошенных селькупов оказалось связанным с

⁴ В неселькупской части выборки данная корреляция наблюдается, но обладает меньшим уровнем значимости (значима на уровне 0,05).

– предпочтением работать от начала до конца, не отвлекаясь на перерывы ($166-66 \pm 5$);

– наличием чёткого режима приёма пищи в течение дня ($166-96 -$).

Фактор желания быть или не быть заметным на фоне других относится к области психологических характеристик, которым в анкете 2014 г. посвящён также отдельный блок, состоящий из русскоязычной версии опросника mini-IPR и трёх вопросов о склонности к агрессии. Корреляций уровня значимости 0,01 между показателями черт личности (по пятифакторной модели: нейротизм, экстраверсия, эмпатия, сознательность (ответственность), воображение), уровня агрессивности и аспектами «отношений со временем» обнаружено не было.

Перспективы использования материалов исследования

Хотя изначально предполагалось, что данные, собранные в 2014 г., дополнят данные 2012 г. и позволят произвести сравнение двух выборок по ряду факторов, после анализа результатов стало ясно, что преимущественно материалы двух опросов нужно рассматривать отдельно. Тем не менее, нельзя упускать из вида, что связь между некоторыми факторами «отношений со временем», полом информантов и этнической принадлежностью была обнаружена в обеих выборках. Факторы, значимые в этом контексте, можно объединить в две группы: а) склонность к долгосрочному планированию, привычка использовать часы и значение, которое придаётся знанию текущего времени, б) склонность связывать наступление весны с удлинением светлого времени суток и пребывание преимущественно в помещении в период с февраля по апрель. Частичное подтверждение закономерностей, проявившихся в данных 2012 г., позволяет прийти к следующим выводам:

– среди современных селькупов половые различия играют заметную роль в вопросах самоорганизации во времени;

– ритмика сезонной активности и способы ориентации во времени населения сёл Толька, Ратга и Фарково различаются в зависимости от этнической принадлежности, определяемой по самосознанию (вне зависимости от знания этнического языка);

¹ Корреляции этих факторов в неселькупской части выборки нет, однако присутствует значимая отрицательная корреляция стремления не выделяться в среде незнакомых людей со склонностью работать поступательно, с перерывами на отдых ($166-6a$). Варианты $6a$ и $6b$ являются взаимоисключающими не во всех случаях, но в большинстве (отрицательная корреляция $6a-6b$ значима на уровне 0,01).

- дальнейшее изучение времени в селькупской культуре должно быть сопряжено с исследованием специфики биологических и социокультурных оснований половых различий у современных селькупов.

Последний вывод нуждается в пояснении. Причины, по которым половая принадлежность может влиять на склонность использовать часы, отказываться от планов на далёкое будущее и проводить весной много времени дома могут быть самыми разными. Например, возможно, что в жизни современных жителей Тольки, Ратты и Фарково играют большую роль селькупские традиции, описанные в этнографической литературе XX века, а половые различия «отношений со временем» опираются на традиции полового разделения труда. Нельзя исключать возможность, что здесь важны не только и не столько сами селькупские традиции, сколько факт взаимодействия селькупской культуры и советско-российских цивилизационных явлений: таких как григорианский календарь, фиксированный график учёбы и работы, средства массовой информации и пр.

С другой стороны, есть основания полагать, что способность использовать часы для измерения длительности временных промежутков зависит от специфики гормональных процессов в организме человека, определённой генетически (Портнова 2007). Кроме того, влияние света на ритмику активности человека тоже имеет биохимические основания (Шноль 1996). Поэтому нельзя исключать вероятность того, что половые различия в склонностях использовать часы, так или иначе встречать весну, планировать будущее или «плыть по течению» могут иметь не только социокультурные, но и биологические основания.

Замеченные корреляции между отсутствием потребности знать, который час, стремлением не выделяться среди незнакомых людей, нетерпимостью к процессу ожидания с таким показателем как «предпочтение работать от начала до конца без перерывов» не только представляют научный интерес, но и имеют прикладное значение. Склонность планировать далёкое будущее, думать или не думать о прошлом, так или иначе определять начало весны и многие другие факторы «отношений со временем» влияют на экономические отношения и рабочий процесс косвенно. Но предпочтение определённого метода работы непосредственно связано с эффективностью труда и психо-эмоциональным состоянием человека в условиях той или иной организации трудовой деятельности (Foster 2012). Если многие другие аспекты организации поведения во времени — это личное дело человека, то выбор метода работы нередко зависит либо от работодателя, либо от характера работы, но не от предпочтений работника.

Фактор «метода работы» имеет не меньшее политическое и экономическое значение, чем использование часов и календаря для организации трудового графика и хозяйственной деятельности. Но в отличие от часов и календаря, которыми необходимо уметь пользоваться, если они приняты в культуре как

основной инструмент ориентации во времени, предпочтительный метод работы может различаться у разных людей, а культурных предписаний пользоваться только одним определённым методом может и не быть.

Анкета 2014 г. предлагает информантам оценить свою склонность к двум типам метода работы: «от начала до конца без перерывов» и «поэтапно, в несколько подходов с перерывами на отдых». Выбор первого метода требует способности и готовности «выложиться», удерживать внимание на поставленной задаче до тех пор, пока она не будет решена, но зато позволяет не тратить силы на многократный вход и выход из контекста и ритма работы. Выбор второго метода позволяет избегать переутомления, но требует способности возвращаться к оставленному в стороне делу, то есть некоторой регулярности. Если в первом случае важна непрерывность ритма деятельности, погружённость в процесс (можно сказать, что субъект «растворяется» в действии), то во втором случае большую роль играет разделение субъективных ощущений и некоторых характеристик рабочего процесса, способность контролировать собственную деятельность, ориентируясь на заранее продуманные временные рамки. То, что информантам, выбирающим первый метод работы, как правило, не важно знать, который час ($p < 0,01$) и не очень нужны часы ($p < 0,05$), позволяет сделать следующий вывод:

– использование часов для организации трудовой деятельности тех селькупов, которые предпочитают доводить работу до конца, не отвлекаясь на отдых, может быть неэффективным и приводить к накоплению раздражения у работников.

Кроме отсутствия заинтересованности в знании текущего времени, селькупы, стремящиеся погружаться с головой в работу, как правило, отмечают, что их раздражает, когда приходится чего-либо или кого-либо ждать. То есть время, не заполненное деятельностью, на которую они рассчитывали, несоответствие между готовностью решать определённые задачи и временным отсутствием возможности это делать – приносит им ощутимый дискомфорт. В случае если ритм трудовой деятельности не ориентирован на субъективные ощущения работающих и жёстко фиксирован (расписан по часам), вероятность, что придётся либо прерывать работу до завершения, либо чего-либо ждать, очень велика. В связи с тем, что селькупы, предпочитающие работать от начала до конца без перерывов, оказались склонны подстраиваться под незнакомых людей, стремясь не выделяться на их фоне, можно выдвинуть следующую гипотезу:

Если селькупы предпочитают погружаться в процесс работы и не отвлекаться от задачи до её решения, то они организуют свои действия с окружающими их людьми не с помощью установления временных рамок,

а через достижение внешнего сходства собственного поведения с поведением других людей.

Примечательно, что факторы «раздражение из-за необходимости ждать», «склонность менять свои привычки» и «склонность разделять течение времени на периоды длиной в год» показали высокие взаимные корреляции в селькупской части выборки (во всех трёх случаях $p < 0,01$). В связи с этим можно предположить, что существует особая, характерная для селькупов логика организации трудовой деятельности, которая проявляется в

- а). способности погружаться в процесс работы и доводить её до конца без перерывов на отдых;
- б). готовности изменять своё поведение, подстраиваясь под окружающих людей, а также часто менять свои привычки;
- в). стремлении избегать состояний ожидания (отложенного действия или непредвиденного бездействия);
- г). отсутствии потребности использовать часы и знать текущее время.

Для подтверждения этой гипотезы необходимо продолжить исследования, провести полевую работу среди селькупов, живущих в других посёлках и на стойбищах. Но уже на данном этапе можно сделать вывод о том, что для селькупов требование работать по часам (по фиксированному графику) может оборачиваться фрустрацией и накоплением раздражения. Как было отмечено выше, регулярные коллективные действия, способные снимать напряжение, обеспечивать «психобиологическую синхронизацию» в сообществе, ушли из селькупской культуры вместе с традиционными сезонными праздниками. Восстановление ушедших традиций – это сложная, не всегда возможная задача. Поэтому в настоящее время необходимо с особым вниманием отнестись к политике организации трудовой деятельности в селькупских посёлках. Невверные решения могут привести к тому, что, не справляясь с требованиями, не находя предписанных культурой способов снять напряжение, селькупы будут срываться в асоциальное поведение, например, запойное пьянство.

Заключение

Таким образом, результаты исследований, проведённых в 2012 и 2014 гг., позволяют сделать вывод, что наиболее перспективными направлениями дальнейшего изучения времени в жизни современных селькупов являются:

- половые и гендерные различия в ритмике сезонной деятельности и склонностях к долгосрочному планированию;
- влияние среднего специального и высшего образования на «отношения» селькупов со временем;

- последствия организации трудовой деятельности селькупов с помощью графика, ориентированного на часы;
- поиск альтернативных алкоголю элементов культуры, обеспечивающих социальную и психологическую поддержку селькупам, готовым вести традиционное хозяйство.

Методы дальнейших исследований в этих направлениях не могут быть ограничены анкетированием, интервьюированием и невключённым наблюдением. Необходимо также достаточно длительное включённое наблюдение, захватывающее разные сезоны (не обязательно в течение одного года). Как было отмечено выше, особый интерес представляет совмещение методов социологического исследования с методами этологии человека (анализ генетической предрасположенности к тому или иному поведению, интерпретация результатов с помощью эволюционно-биологической парадигмы). Организация поведения человека во времени ещё не получила достаточного прицельного интереса со стороны этологов, поэтому подобные исследования могут оказаться важным шагом к сближению сфер интересов этологии и социальной антропологии, к укреплению междисциплинарных связей между этими областями знаний.

Использованная литература

Козинцев А. Г. Смех и антиповедение в России: Национальная специфика и общечеловеческие закономерности // Смех: Истоки и функции / Ред. Козинцев А. Г. СПб: Наука, 2002. С. 147–174.

Портнова Г. В. Генетические основы восприятия времени у спортсменов / Г. В. Портнова, О. В. Сысоева, Н. В. Малюченко // Журнал высшей нервной деятельности, 2007. – Т. 57, N. 4. – С. 450–460.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

Филатова В. О. Важно ли селькупам знать, который час: опыт антропологического исследования времени в двух сёлах красноселькупского района // Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. Вып. VIII. Москва: РГГУ, 2014. С. 173–193.

Шноль С. Э. Биологические часы (краткий обзор хода исследований и современного состояния проблемы биологических часов) // Соросовский образовательный журнал, 1996. – N 6. – С. 26–32.

Donnellan M. B., Oswald F. L., Baird B. M., Lucas R. E. The Mini-IPIP scales: Tiny-yet-effective measures of the Big Five factors of personality. *Psychological Assessment*, 18, 2006. pp. 192–203.

Foster R. Biological Clocks: Who in This Place Set Up a Sundial? // *Current Biology* Vol 22 No 10, pp. 405–407, 2012.

Приложение

Таблицы корреляций для ответов селькупов (выборка 2014 г.)

Корреляции

			fut. accent	past. accent	today. accent	rhythm. alone	longterm .decl
ро Спирмена	fut. accent	Коэффициент корреляции	1,000	,097	-,63	-,015	-,632
		Знч. (2-сторон)	.	,592	,000	,932	,000
		N	33	33	33	33	33
	past. accent	Коэффициент корреляции	,097	1,000	,104	,478	-,066
		Знч. (2-сторон)	,592	.	,564	,005	,715
		N	33	33	33	33	33
	today. accent	Коэффициент корреляции	-,626	,104	1,000	,124	,270
		Знч. (2-сторон)	,000	,564	.	,491	,129
		N	33	33	33	33	33
	rhythm. alone	Коэффициент корреляции	-,015	,478	,124	1,000	-,096
		Знч. (2-сторон)	,932	,005	,491	.	,597
		N	33	33	33	33	33
	longterm .decl	Коэффициент корреляции	-,632	-,066	,270	-,096	1,000
		Знч. (2-сторон)	,000	,715	,129	,597	.
		N	33	33	33	33	33

**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции

			plan. week	plan. day	clock. imp	weekdays .imp	datum. imp	calendar. use	work.at. once
ро Спирме на	plan.week	Коэффициент корреляции	1,000	,60	,194	,153	-,024	,242	-,041
		Знч. (2-сторон)	.	,000	,279	,395	,893	,174	,820
		N	33	33	33	33	33	33	33
	plan.day	Коэффициент корреляции	,597	1,00	,143	,255	-,032	,382	-,013
		Знч. (2-сторон)	,000	.	,429	,152	,859	,028	,941
		N	33	33	33	33	33	33	33
	clock.imp	Коэффициент корреляции	,194	,143	1,000	,131	,132	,139	-,474
		Знч. (2-сторон)	,279	,429	.	,468	,463	,439	,005
		N	33	33	33	33	33	33	33
	weekdays. imp	Коэффициент корреляции	,153	,255	,131	1,000	,569	,520	,073
		Знч. (2-сторон)	,395	,152	,468	.	,001	,002	,688
		N	33	33	33	33	33	33	33
	datum. imp	Коэффициент корреляции	-,024	-,032	,132	,569	1,000	,256	,168
		Знч. (2-сторон)	,893	,859	,463	,001	.	,150	,351
		N	33	33	33	33	33	33	33
	calendar. use	Коэффициент корреляции	,242	,382	,139	,520	,256	1,000	,078
		Знч. (2-сторон)	,174	,028	,439	,002	,150	.	,666
		N	33	33	33	33	33	33	33
	work.at. once	Коэффициент корреляции	-,041	-,013	-,47	,073	,168	,078	1,000
		Знч. (2-сторон)	,820	,941	,005	,688	,351	,666	.
		N	33	33	33	33	33	33	33

**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).

		Корреляции						
по Спирмену	waiting. irrit	Кoeffициент корреляции	waiting. irrit	changing. person	work. at. once	per. year	rigid. workplace	spring. light
		Знач. (2-сторон)	1,000	,546	,471	,50	,141	-,132
		N	33	,001 32	,006 33	,005 31	,435 33	,463 33
	changing. person	Кoeffициент корреляции	,546	1,000	,209	,55	,099	-,247
		Знач. (2-сторон)	,001		,250	,001	,592	,173
		N	32	32	32	31	32	32
	work. at. once	Кoeffициент корреляции	,471	,209	1,000	,197	,014	-,210
		Знач. (2-сторон)	,006	,250		,288	,938	,240
		N	33	32	33	31	33	33
	per. year	Кoeffициент корреляции	,496	,550	,197	1,00	,487	-,468
		Знач. (2-сторон)	,005	,001	,288		,006	,008
		N	31	31	31	31	31	31
	rigid. workplace	Кoeffициент корреляции	,141	,099	,014	,49	1,000	-,463
		Знач. (2-сторон)	,435	,592	,938	,006		,007
		N	33	32	33	31	33	33
	spring. light	Кoeffициент корреляции	-,132	-,247	-,210	-,5	-,463	1,000
		Знач. (2-сторон)	,463	,173	,240	,008	,007	
		N	33	32	33	31	33	33

**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Ю.А. Ландер, П.М. Аркадьев, Г.А. Мороз

Об исследовании бжедугского диалекта адыгейского языка¹

В последнее время принадлежащие абхазо-адыгской семье адыгские языки – адыгейский и кабардино-черкесский – привлекли особое внимание типологов, не в последнюю очередь благодаря результатам работы Адыгейской лингвистической экспедиции, которая впервые была организована сотрудниками Российского государственного гуманитарного университета Я. Г. Тестельцом, Н. Р. Сумбатовой и С. Ю. Толдовой в 2003 году; см. обзор [Аркадьев 2014]. Длительная работа над материалом адыгских языков в значительной степени обусловлена их грамматической спецификой, прежде всего полисинтетизмом – способностью выражать морфологически множество значений, которые в языках «среднеевропейского стандарта» обычно выражаются на синтаксическом уровне, что, по-видимому, влечет за собой и ряд других интересных типологических черт². Другой важной грамматической чертой адыгских языков является

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-07434a).

² См. [Ландер 2011] о понятии «полисинтетизм» и [Lander, Testelet, to appear] о проявлении характерных для полисинтетических языков признаков в адыгейском языке.

эргативность как в морфологии глагола, так и в падежном маркировании [Кумахов, Вамлинг 2006; Kumakhov, Vamling 2009], а также, по-видимому, в некоторых грамматических процессах [Lander 2010; Letuchiy 2012].

Если в первые годы экспедиционеры постигали грамматику адыгейских разновидностей, наиболее близких к литературному адыгейскому языку (результатом этого явился, в частности, сборник [Тестелец (ред.) 2009]), со временем акцент сдвинулся на описание адыгских диалектов, в частности, шапсугского диалекта адыгейского языка, бесленеевского и кубанского диалектов кабардино-черкесского языка; см., в частности, обзоры экспедиций [Сумбатова 2008; Аркадьев, Ландер 2011; 2012; 2013]. С 2013 года Адыгейская лингвистическая экспедиция фактически включает несколько партий, организуемых РГГУ и НИУ «Высшая школа экономики». В 2014 году работа экспедиции была посвящена бжедугскому диалекту адыгейского языка и проходила в аулах Вочепший и Нешукай Теучежского района Республики Адыгея.

Бжедугский диалект – один из четырех сохранившихся диалектов адыгейского языка, наряду с темиргоевским (чемгуйским), шапсугским и абадзехским, и при этом, возможно, крупнейший на территории Российской Федерации, где он «соперничает» в этом с темиргоевским диалектом. Хотя литературный адыгейский язык создан на основе темиргоевского диалекта, бжедугский диалект, несомненно, оказывает на него значительное влияние, тем более, что многие адыгейские писатели и поэты являются по происхождению бжедугами. Тем удивительнее, что в то время, как по другим адыгейским диалектам имеются отдельные монографические описания [Керашева 1957; Кумахова 1972; Тхаркахо 1993], бжедугский диалект до сих пор не удостоился сколько-нибудь полного грамматического описания. Попыткой восполнить этот пробел явилась диссертация [Ситимова 2004], которая, однако, остается неопубликованной.

При этом бжедугский диалект обнаруживает ряд существенных отличий от литературного языка и других диалектов. Эти отличия настолько хорошо ощущаются, например, темиргоевцами, что они склонны многие неприемлемые в их диалекте структуры трактовать как бжедугские, создавая у исследователей адыгейского языка некий миф о бжедугском диалекте. Поэтому описание того, «как на самом деле говорят бжедуги», предстает уже не в виде мелкой диалектологической проблемы, но в виде самостоятельного исследования языковой структуры.

Традиционно основным методом работы Адыгейской лингвистической экспедиции является элицитация – эксперимент, в ходе которого носители языка переводят предложения на свой язык и/или оценивают степень грамматичности предложенных им сконструированных примеров. Наряду с элицитацией ве-

дятся запись и расшифровка устных текстов на изучаемом языке, причем в 2014 году при расшифровке особое внимание уделялось соотнесению предложений с звуковым материалом при помощи программы EXMARaLDA (<http://www.exmaralda.org/>); предполагается, что в будущем это позволит проводить фонетические исследования корпуса текстов. Наконец, в обоих аулах под руководством И. С. Капитонова были проведены два контролируемых психолингвистических эксперимента, призванные установить восприятие некоторых морфосинтаксических структур (см. [Kapitonov 2015]).

Следует заметить, что некоторые особенности бжедугского диалекта делают его документацию более сложной по сравнению с описанием темиргоевского диалекта и литературного адыгейского языка. В первую очередь это более сложная система согласных. Абхазо-адыгские языки в целом известны сложным консонантизмом (см. обзоры [Colarusso 1988; Hewitt 2004: 38–48]; ср. также [Балкаров 1970; Кумахов 1983] для адыгских языков); для одного из них – ныне мертвого убыхского языка – описывается система, включающая 85 согласных. Для литературного адыгейского языка обычно постулируется 58 согласных, хотя, возможно, к ним следует добавить еще несколько фонем, появляющихся в особых морфонологических контекстах [Рогава, Керашева 1966: 57–58]. В бжедугском диалекте количество согласных не менее 71 (таблица 1), что обусловлено наличием в системе шумных подсистемы придыхательных. В то время как литературный язык противопоставляет здесь глухие, абруптивные и звонкие согласные, в бжедугском диалекте (как и в шапсугском диалекте) обнаруживается восходящее к общеадыгскому состоянию [Kuipers 1963: 69–71; Кумахов 1981: 121–141; Chirikba 1996: 109–117] четверное противопоставление, которое иногда описывается как противопоставление между глухими, преруптивными, абруптивными и звонкими (см. [Рогава, Керашева 1966: 28–29; Балкаров 1979: 82–87; Кумахов 1981: 108–141; Аркадьев et al. 2009: 22]), но мы представляем как противопоставление глухих придыхательных (традиционно интерпретируемых как глухие), глухих непридыхательных (традиционно интерпретируемых как преруптивные, в таблице 1 обозначены как глухие), абруптивных и звонких.

В таблице 1 в скобках даны фонемы \hat{s} и $\hat{\zeta}$, появляющиеся исключительно при сочетании некоторых личных префиксов и корней; ср.:

- (1) $\hat{c}he$ ($\leftarrow s-\hat{s}he$)
1SG.PR+голова
'моя голова'

		взрывные		фрикативные		аффрикаты	латеральные	сонорные	носовые
		-губ.	+губ.	-губ.	+губ.	-губ.	+губ.		
губные	глухие	p		f					
	придыхательные	p ^h							
	звонкие	b						w	m
	абруптивные	p̥	p ^w						
зубные	глухие	t		s		c			
	придыхательные	t ^h				c ^h			
	звонкие	d		z		ʒ		r	n
	абруптивные	t̥	t ^w			ç			
альвеолярные	глухие			ʃ		ç			
	придыхательные			ʃ ^h		ç ^h			
	звонкие			ʒ		ʒ			
	абруптивные					ç			
свистяще-шипящие	глухие			ʂ	ʂ ^w	(ç̥)	ç̥ ^w		
	звонкие			ʐ	ʐ ^w		ʐ ^w		
	абруптивные			ʂ̥	ʂ̥ ^w	(ç̥̥)	ç̥̥ ^w		
альвео-палатальные	глухие			ʃ'		ç'	λ		
	придыхательные			ʃ ^h '		ç ^h '			
	звонкие			ʒ'		ʒ'	l		
	абруптивные					ç'	λ		
палатальные								j	
велярные	глухие	k	k ^w	x					
	придыхательные	k ^h	k ^{hw}						
	звонкие	g	g ^w	(ɣ)					
	абруптивные	k̥	k̥ ^w						
увулярные	глухие	q	q ^w	χ	χ ^w				
	придыхательные	q ^h	q ^{hw}						
	звонкие			ʁ	ʁ ^w				
фарингальные	глухие			ħ					
ларингальные	глухие	ʔ	ʔ ^w						

Таблица 1. Консонантная система бжедугского диалекта

r-še (← s-še)
IPL.PR-голова
'наша голова'

çe-r-ep^h (← s-še)
ISG.ERG+знать
'я не знаю'

t-še-r-ep^h
IPL.ERG-знать-D
'мы не знаем'

Также в таб. 1 в
adaye / adaye 'ад
того, чтобы сделат
условный характ

Бжедугская вока
ного языка, при опи

звук в практич
Тестелец 2009: 2

палатального или

w. Отличительн

отсутствие фон
го h и глоттальных

do (темирг.), še (бж
Морфологическая

пре адыгейского с

основаниях в раб

основывается на

зон, перечисленных

А. Зона актантной с

туации; аппликат

директив).

В Зона предосновн

некоторые другие

Зона каузатива.

Основа (корень, су

маркирующие тем

Окончания (суфф

числа, маркеры под

- (2) t-šhe (← s-šhe)
1PL.PR-голова
'наша голова'
- (3) çe-r-ep^h (← s-še-r-ep^h)
1SG.ERG+знать-DYN-NEG
'я не знаю'
- (4) t-še-r-ep^h
1PL.ERG-знать-DYN-NEG
'мы не знаем'

Также в таб. 1 в скобках дана фонема γ , являющиеся вариантом фонемы g (ср. *adəge* / *adəye* 'адыг'). У нас нет достаточных фонологических оснований для того, чтобы сделать выбор из вариантов γ и g основного, так что наш выбор носит условный характер.

Бжедугская вокалическая система совпадает с системой гласных литературного языка, при описании которого обычно постулируется три гласных а, е и э (см. [Тестелец 2009: 21]), имеющие позиционные аллофоны æ (/a/), e (/e/), i (/ə/) после палатального или палатализованных и о (/e/), у (/ə/) после билабиального глайда w. Отличительной чертой бжедугского вокализма является последовательное отсутствие фонологического перехода е в а после фарингального фрикативного h и глоттальных ʔ и ʔ^w , которое наблюдается в темиргоевском диалекте; ср. *šha* (темирг.), *šhe* (бжедуг.) 'голова', *ʔa* (темирг.), *ʔe* (бжедуг.) 'рука'.

Морфологическая структура бжедугского слова в целом соответствует структуре адыгейского слова, выделенной на функциональных и морфонологических основаниях в работе [Аркадьев и др. 2009] (которая в свою очередь во многом основывается на [Smeets 1984]), и включает несколько морфологических зон, перечисленных в (5).

- (5) А. Зона актантной структуры (префиксы, индексирующие участников ситуации; аппликативные префиксы, в том числе локативные превербы; директив).
- В. Зона предосновных элементов (префиксы динамичности, отрицания и некоторые другие).
- С. Зона каузатива.
- Д. Основа (корень, суффиксы, модифицирующие пропозиции, в том числе маркирующие темпоральные, модальные и аспектуальные значения).
- Е. Окончания (суффиксы динамичности, отрицания, множественного числа, маркеры подчинения).

Консультанты и участники Адыгейской лингвистической экспедиции 2014 года в ауле Вочепший. Фотография М.А. Аксеновой. Слева направо:

нижний ряд: Э.Н. Духу, Н.Т. Делок, М.В. Кюсева, П.М. Аркадьев, А.Х. Куб, З.Д. Иванова, Р.А. Пшидаток, Л.В. Клименченко,
 средний ряд: Р.Е. Кушу, М.А. Наатыж, С.С. Хут, Л.Г. Кушу, М.З. Делок, Е.В. Кувшинова, А.В. Новосёлова, М.А. Тюренова, Э.Ш. Казанчи,
 верхний ряд: В.А. Панов, А.Б. Летучий, З.М. Пшидаток, Я.Г. Тестелец, Д.В. Герасимов, Н.А. Муравьёв, Д.Ю. Арсентьев, Л. Пашен.

Такого рода морфологическая структура лежит в основе устройства не только глаголов, но и имен (впрочем, само разграничение имен и глаголов в адыгских языках связано со сложностями; см. обсуждение в [Lander, Testelecs 2006; Аркадьев и др. 2009: 30–37]). Более того, ее же имеет смысл постулировать и для некоторых других частей речи, включая послелог. На материале бжедугского диалекта было, по-видимому, впервые показано, что по крайней мере некоторые послелог могут включать не только личные показатели, но и аппликативные префиксы. Например, послелог *p^haje* ‘для’, исторически включавший преверб *p^he-* [Шагиров 1977: 7–8], принадлежащий зоне актантной структуры, может осмысляться таким образом и синхронно. Это видно из того, что многие носители могут отделять *p^he-* от *-je* префиксом отрицания, как в следующем примере, демонстрирующем так называемую фактивную релятивизацию с подчиненной клаузой, в которой послеложная группа сама выступает в качестве сказуемого:

Консультанты и участники Адыгейской лингвистической экспедиции 2014 года в ауле Нешукай. Фотография А.О. Русановой. Слева направо:

нижний ряд: Ю.А. Ландер, З.З. Чич, В.А. Чич, Д.А. Рыжова, Н.Б. Тышкевич, М.В. Кюсева, К.А. Ершова, П.А. Касьянова, Ю.И. Козиорова,
 средний ряд: Д.Ю. Чич, А.Г. Чич, Г.Х. Физулина, М.А. Чич, Г.С. Чич,
 верхний ряд: И.Г. Багирокова, Б.Б. Чич, И.Ю. Чечуро, Р.Д. Яхутыл, А.О. Чернышев, А.З. Заремук, И.В. Саркисов, Ш.Р. Удычак, И.С. Капитонов, Г.А. Мороз.

- (6) s-e-še a-xe-me zer-a-p^he-mə-je-r
 1SG.ABS-DYN-знать TOT-PL-OBL.PL FACT-3PL.IO-PRV-NEG-для-ABS
 'Я знаю, что это не для них.' (полевые материалы Ю. И. Козиоровой)

Особую роль играют аффиксы, выражающие (индексирующие) актанты и располагающиеся в зоне актантной структуры. По-видимому, выбор этих аффиксов мотивирован семантически и не сводим к понятию канонического согласования (см. [Corbett 2006]); см. обсуждение в [Ландер 2012]. При этом в бжедугском диалекте обнаруживаются типологически примечательные явления вроде регулярно допускаемой индексации по 3 лицу участников, выражаемых сочиненной группой с местоимением 1-го или 2-го лица и ИГ 3-го лица, по крайней мере при послелогох (7). Ранее это явление уже отмечалось при сочи-

нении абсолютивных групп (ср. бжедугский пример 8), но интересно, что в других случаях оно обычно не происходит – в том числе при сочинении не прямых объектов, вводимых аппликативными префиксами в глаголе и функционально эквивалентных послеложным объектам (9). В примерах (7)–(9) через косую черту даются сперва вариант, ожидаемый при зависимом 1-го лица, а затем вариант, ожидаемый при зависимом 3-го лица.

- (7) se.rə-re a-xe-m-re p^ha.j / a-p^ha.j mašəne
я-COORD тот-PL-OBL-COORD для 3PL.IO-для машина
a-š'efə-t
3PL.ERG-покупать-FUT
'Для меня и них купят машину.'

- (8) a-xe-r-jə te.r-jə qe-ḱʷa-ke-x / tə-qe-ḱʷa-ḱ
тот-PL-ABS-ADD мы-ADD DIR-идти-PST-PL 1PL.ABS-DIR-идти-PST
'Они и мы пришли.'

- (9) se.rə-re a-xe-m-re mašəne
я-COORD тот-PL-OBL-COORD машина
t-f-a-š'efə-t / *a-f-a-š'efə-t
1PL.IO-BEN-3PL.ERG-покупать-FUT 3PL.IO-BEN-3PL.ERG-покупать-FUT
'Для меня и них купят машину.'

Адыгейский язык противопоставляет два ядерных падежа – абсолютивный и косвенный. Показатели абсолютивного падежа маркируют подлежащее при непереходном глаголе и именную группу пациенса при переходном глаголе. При этом если в литературном языке оформление абсолютивом возможно лишь тогда, когда сказуемое не содержит личных префиксов, выражающих абсолютивный актанта (см. обсуждение в [Аркадьев и др. 2009: 80–83]), в бжедугском диалекте допускается появление абсолютивных групп (по крайней мере количественных) и при абсолютивных префиксах индексации – даже при рефлексивном:

- (10) təḱʷase nebgər-jə-ṭʷ-er zə-d-ke-deḱʷə-ḱ
вчера человек-LNK-два-ABS RFL.ABS-1PL.ERG-CAUS-хороший-PST
'Мы вчера вдвоем показали себя хорошими.'

Косвенный падеж (традиционно именуемый эргативным; см., например, [Рогава, Керашева 1966; Зекох 1969; Кумахов, Вамлинг 2006]) маркирует в первую очередь (но не исключительно) группы, соответствующие участникам си-

туации, выраженным личными префиксами. В литературном адыгейском языке косвенный падеж (как и абсолютный) обычно не выражается на местоимениях, посессивных именных группах и именах собственных. В бжедугском диалекте, однако, дело обстоит иначе: в именах собственных в косвенном падеже может появляться суффикс -ə (см., например, обсуждение в [Тутарищева 2005], где, однако, отмечается, что использование этого суффикса не ограничено сейчас уже бжедугским диалектом):

- (11) ʎjətl'ər-ə (...) jə-kart-xe xe-λ-ew
 Гитлер-OBL POSS-фотография-PL LOC-лежать-ADV
 'и там были (букв.: будучи) фотографии Гитлера'
 (описание фашистских листовок)

Упомянем здесь еще некоторые неожиданные детали бжедугского морфосинтаксиса, требующие, однако, более детального обсуждения, нежели то, что мы можем дать здесь.

В бжедугском диалекте обнаружилось дальнейшее развитие результативной конструкции, в которой агенс не индексируется в глаголе [Paris 1989: 230], а именно многие носители могут выстраивать на ее основе аналог пассивной конструкции, с агенсом, маркированным инструментальным падежом:

- (12) mə txəl-er txeḱʷe-çerəʔʷe-m-ʒ'e txə-va-ve
 этот книга-ABS писатель-знаменитый-OBL-INS писать-RES-PST
 'Эта книга была написала знаменитым писателем.'

Также здесь хорошо наблюдается переосмысление именного комплекса – сочетания имени с определениями, обнаруживающего свойства единого слова, – как синтаксически сложной конструкции. Об этом свидетельствует прежде всего значительная автономность элементов комплекса, которые легче допускают перестановку внутри комплекса (например, прилагательные, в литературном языке, располагающиеся после имени, здесь заметно легче допускают препозицию), и участие в сложных конструкциях вроде сочинения (13):

- (13) we-š' fe.de pšeše-daxe əʒ'jə ʔʷəš
 ты-OBL подобный девушка-красивый и умный
 s-λeḱʷə-k-erʰ
 1SG.ERG-видеть-PST-NEG
 'Я не видел такой красивой и умной девушки, как ты'.

Но наиболее удивительным в этой связи выглядит переосмысление относительных определений: в литературном языке они, как правило, выражаются именами, предшествующими определяемому в составе комплекса, как в *č'arbəš'-wən* 'кирпичный дом' (букв., кирпич-дом). По крайней мере у некоторых носителей бжедугского диалекта такие имена, по-видимому, были переосмыслены как относительные прилагательные и тем самым получили возможность выступать автономно, вне именного комплекса:

- (14) *mə wəne-r ɤʷərʒ-ep^h. ade? məʒ^we.*
 этот дом-ABS кирпич-NEG какой камень
 'Это не кирпичный³ дом. А какой? Он каменный'.

- (15) *a kompanije-m jə-ɤʷərʒə əʒ'jə jə-pɤe-wəne-xe-r*
 тот компания-OBL POSS-кирпич и POSS-древесина-дом-PL-ABS
ze.ɭa.ʃe, aw jə-məʒ^we-xe-m-ʒ'e z-jə ɕe-r-ep^h
 известный но POSS-камень-PL-OBL-INS один-ADD 1SG.ERG+знать-DYN-NEG
 'Кирпичные и деревянные дома этой компании известны, а о каменных я ничего не знаю'.

Для литературного языка подобные высказывания семантически аномальны, поскольку слово *məʒ^we* в них может интерпретироваться только как 'камень', но не как 'каменный'.

Некоторые результаты работы экспедиции 2014 года были опубликованы ранее; см. [Аксенова 2014; Ershova 2015]. В настоящий сборник включены три статьи студентов, принявших участие в экспедиции 2014 года.

В статье Е.В. Кувшиновой анализируются нетривиальные употребления общеадыгского директивного преверба *qe-*, сближающие его с описанной в первую очередь в языках Америки категорией инверсива, выражающей соотношение лиц участников ситуации с ролями субъекта и объекта (ср. статью [Ломизе 2013] об этом явлении в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка). Особое внимание в статье уделено распределению директивного преверба в ситуации, когда оба релевантных участника 3-го лица и выбор маркирования тем самым определяется не столько грамматическими,

³ Интересно, что в этом примере в значении 'кирпич, кирпичный' используется слово, в литературном языке означающее 'черепица'.

несколько дискурсивными факторами. На основании эксперимента по переводу на бжедуский диалект связного текста с несколькими персонажами Е.В. Кувшинова проверяет гипотезу о влиянии на употребление директивного преверба соотношения референциальной активации субъекта и объекта.

В статье И.В. Саркисова обсуждаются ранее не описанные для бжедугского диалекта особенности сочинительных конструкций, как именных, так и глагольных. Автор описывает случаи слияния общеадыгского сочинительного показателя *-re* с суффиксом косвенного падежа *-m* в единую морфему *-me*, а также анализирует употребление сочетания показателей условия *-me* и аддитивности *-ja* в функции условия, косвенного вопроса и, что наиболее нетривиально, разделительного сочинения.

В статье М.А. Тюренковой исследуется выражение именной принадлежности. Как известно (см. [Горбунова 2009] и цитируемую там литературу), в адыгейском языке морфологически противопоставляются так называемая «отчуждаемая» («органическая») и «неотчуждаемая» («вещественная») принадлежность, что проявляется в различном маркировании посессора при разных типах имён. В статье М.А. Тюренковой изучаются семантические классы имён, принимающие в бжедугском диалекте показатели неотчуждаемой принадлежности, и на основании анализа производных лексем делается вывод о семантической мотивированности этого противопоставления (в отличие от литературного языка, где оно закреплено за конкретными лексическими корнями).

Благодарности

Мы выражаем сердечную благодарность работавшим с нами в ауле Вочепший Зареме Нурбиевне Батыж, Нафсет Тыркубиевне Делок, Эмме Наховне Духу, Эмме Шамсудиновне Казанчи, Асе Хизировне Куо, Любове Гиссовне Кушу, Разьет Ереджибовне Кушу, Марине Аслановне Наатыж, Марзият Махмудовне Нехай, Зареме Муратовне Пшидаток, Риме Абрековне Пшидаток, Саиде Адамовне Тлецери, Сусанне Сагидовне Хут и работавшим с нами в ауле Нешукай Оксане Ерстемовне Блягоз, Суанде Аликовне Блягоз, Анжеле Заурбиевне Заремук, Матасу Абубачировичу Керашеву, Шамсет Рамазановне Удычак, Гошпак Хазретовне Физулиной, Асет Гиссовне Чич, Бэлле Баязетовне Чич, Валерию Арамбиевичу Чичу, Гошмаф Салимчериевне Чич, Дарине Юрьевне Чич, Зареме Заурбиевне Чич, Мире Анзауровне Чич, Рахмет Джахфаровне Яхутыл. Особо благодарим директора МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 9 а. Вочепший» Мариет Заурбечевну Делок и директора МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 8 а. Нешукай» Валерия Арамбиевича Чича за помощь в организации работы экспедиции.

Приложение 1.

Участники Адыгейской лингвистической экспедиции 2014 года
с указанием грамматических тем.

- Аксенова Мария Андреевна – модальные конструкции (а. Вочепший)
Аркадьев Пётр Михайлович – результативные конструкции; дифференцированное падежное маркирование; общее руководство (а. Вочепший)
Арсентьев Денис Юрьевич – аппликативы (а. Вочепший)
Багиорова Ирина Гаруновна – конструкции с грамматикализованными глаголами (а. Нешукай)
Герасимов Дмитрий Валентинович – скалярные единицы (а. Вочепший)
Ершова Ксения Алексеевна – масдар, инкорпорация, подлежащие свойства (а. Нешукай)
Иванова Зося Дмитриевна – грамматические особенности местоимений (а. Вочепший)
Капитонов Иван Сергеевич – психолингвистические эксперименты, порядок аффиксов, эргативность (а. Вочепший, Нешукай)
Касьянова Полина Алексеевна – восклицательные конструкции (а. Нешукай)
Клименченко Любовь Владимировна – условные, уступительные и причинные конструкции (а. Вочепший)
Козиорова Юлия Игоревна – послелогои (а. Нешукай)
Кувшинова Екатерина Владимировна – инверсивные употребления директивного преверба (а. Вочепший)
Кюсева Мария Викторовна – семантика пространственных показателей (а. Нешукай, а. Вочепший)
Ландер Юрий Александрович – релятивизация, именной комплекс, подлежащие свойства; общее руководство (а. Нешукай)
Летучий Александр Борисович – сентенциальные актанты; общее руководство (а. Вочепший)
Мороз Георгий Алексеевич – фонетика, фонология, морфонология (а. Нешукай)
Муравьев Никита Алексеевич – таксисные конструкции (а. Вочепший)
Новоселова Анна Владимировна – акциональные классы (а. Вочепший)
Панов Владимир Александрович – директивные префиксы и суффиксы (а. Вочепший)
Пашен Лудгер – фонетика и фонология (а. Вочепший)
Русанова Анна Олеговна – морфонология (а. Нешукай)
Рыжова Дарья Александровна – инструменталис, глаголы позиции, семантика пространственных показателей (а. Нешукай)

Саркисов Иван Владимирович — сочинительные конструкции (а. Нешукай)

Тестелец Яков Георгиевич — падежное маркирование, псевдоинкорпорация; общее руководство (а. Вочепший)

Тышкевич Наталия Борисовна — коммуникативная структура (а. Нешукай)

Тюренкова Маргарита Андреевна — посессивные конструкции (а. Вочепший)

Чернышев Александр Олегович — номинализация (а. Нешукай)

Чечуро Илья Юрьевич — сложные предикаты (а. Нешукай)

Шаповалова Ольга Александровна — именная группа (а. Вочепший, а. Нешукай)

Приложение 2.

Образец текста на бжедугском диалекте адыгейского языка

Кража невест по согласию

Записано от М. А. Чич 10 июля 2014 г. Расшифровка К. А. Ершовой.

1.

pšaše-r zere-še-x-ew a-h-ew me-xʷə

девушка-ABS FАCT-знать-PL-ADV 3PL.ERG-нести-ADV DYN-случаться

Бывает, что крадут девушку, а она знает.

2.

pšaše-me čʼale-me pəle

девушка-OBL+COORD юноша-OBL+COORD срок

ze-f-a-ke-wəcʷə-š

REC.IO-BEN-3PL.ERG-CAUS-вставить-CS

Девушка с парнем назначают дату.

3.

pšaše-r wəne-m q-jə-mə-čʼə-nə-m pʰa.j

девушка-ABS дом-OBL DIR-LOC-NEG-выходить-MSD-OBL для

кʷegʷə-m qə-tje-he-š

дорога-OBL DIR-LOC-входить-CS

Девушка, чтобы не выйти из дома, выходит на дорогу.

4.

ježʼ-xe-r qə-čʼe-λ-re-he-xe-š

сам-PL-ABS DIR-LOC-LOC-TRANS-входить-PL-CS

mašine-m pšaše-r

машина-OBL девушка-ABS

j-e-ʔəst-he ʧ'ale-r ʔwe-č'ə-ž'ə
 LOC-DYN-садиться-LAT юноша-ABS LOC-выходить-RE
 Они подходят, девушка сама садится в машину и они уезжают.

5.

a-ž'e jež'-xe-r mašine-xe-r q-a-xe-ha-ž'-xe-š
 тот-INS сам-PL-ABS машина-PL-ABS DIR-3PL.IO-LOC-входить-RE-PL-CS
 kʷəpə me-χʷə-š
 группа DYN-стать-CS
 Машины подъезжают, их много становится там.

6.

a-ke-bəwə-me škʷeč'e.č'ə-ž'e we-xe-ze
 3PL.ERG-CAUS-гудеть-COND пистолет-INS бить-PL-CNV
 bənə-m dež' ʔwe-ha-ž'-xe-š
 семья-OBL к LOC-входить-RE-PL-CS
 Сигналя, из ружей стреляя, к семье возвращаются.

7.

zə ʧ'ale zə nebgəre a-xe-č'ə-š
 один парень один человек 3PL.IO-LOC-выходить-CS
 a-nahə-ž'-ew a-xe-tʰə-r kʷəp-me
 3PL.PP-COMP-старый-ADV 3PL.IO-LOC-стоять-ABS группа-OBL.PL
 a-xe-č'ə-š
 3PL.IO-LOC-выходить-CS
 Один человек выходит, самый старший выходит из толпы.

8.

bənə-m je-kʷa-λe-š nəse zer-ja-ʔe-r
 семья-OBL DAT-идти-ALL-CS невеста FACT-3PL.PR+POSS-быть-ABS
 a-r-a-ʔwe-š
 3PL.IO-DAT-3PL.ERG-говорить-CS
 К семье подходят, говорят, что есть невестка.

9.

a-nahə-ž'-ew wəna.kʷe-m jə-s-er
 3PL.PP-COMP-старый-ADV семья-OBL LOC-сидеть-ABS
 q-j-e-č'ə-š
 DIR-LOC-DYN-выходить-CS
 Самый старший в семье выходит.

10. nase ja-s-me nase qə-r-a-ke-č'ə
 невеста LOC-сидеть-COND невеста DIR-DAT-3PL.ERG-CAUS-выходить
 ja-mə-sə-me kʷənekʷə-pšeše-žəje q-a-š'hə-š
 LOC-NEG-сидеть-COND соседка-девушка-маленький DIR-3PL.ERG-вести-CS
 Невестку, если есть, выводит старший, если нет старшего, то девушки-соседки
 выводят невестку.

11. kʷənekʷə-pšeše-žəje ja-kʷəs-ew
 сосед-девушка-маленький POSS-спутник-ADV
 nə-s-ew q-a-fe-š'hə-ke-r
 невеста-ADV DIR-3PL.IO-BEN-вести-PST-ABS
 mašine-m r-a-š'-ə-š wəne-m r-a-š'hə
 машина-OBL LOC-3PL.ERG-вести-ELAT-CS дом-OBL LOC-3PL.ERG-вести
 Вместе с соседской девушкой привезённую невестку выводят из машины и
 заводят в дом.

12. pšaše-r fa.je zə-xʷə-č'e wəpçe r-a-t'hə
 девушка-ABS хотеть REL.TMP-случаться-INS вопрос DAT-3PL.ERG-давать
 qə-zer-ja-ha-ke-m tje-t'h-ew
 DIR-FACT-LOC-входить-PST-OBL LOC-стоять-ADV
 Как только девушка заходит, ей вопрос задают, хочет ли она.

13. wə-fa.j-ew wə-qe-kʷa-k-a
 2SG.ABS-хотеть-ADV 2SG.ABS-DIR-идти-PST-Q
 wə-fe-mə-j-ew wə-qe-kʷa-k-a
 2SG.ABS-BEN-NEG-хотеть-ADV 2SG.ABS-DIR-идти-PST-Q
 a-ʔwe-š je-wəpçe-x
 3PL.ERG-говорить-CS DAT-спрашивать-PL
 «Ты по своей воле пришла, или не по своей?» – спрашивают.

14. pšaše-m sə-fa.j z-ja-ʔwe-č'e
 девушка-OBL 1SG.ABS-хотеть REL.TMP-3SG.ERG-говорить-INS
 deɣw a-ʔwe-š wəne-m pšaše-r
 хороший 3PL.ERG-говорить-CS дом-OBL девушка-ABS

qə-r-a-ka-ne

DIR-LOC-3PL.ERG-CAUS-оставаться

Если девушка говорит: «Хочу», – говорят: «Хорошо», и оставляют ее в доме.

15.

pšaše-m qə-z-x-a-š^h-ə-ke-xe-me

девушка-OBL DIR-REL.IO-LOC-3PL.ERG-вести-ELAT-PST-PL-OBL.PL

maqe a-r-a-ke-ʔ^w

звук 3PL.IO-DAT-3PL.ERG-CAUS-говорить

Сообщают новость в семью девушки (букв. тем, откуда они девушку привели).

16.

a-r-a-ke-ʔ^w-š

k^wəp

qə-ʎe-k^we

pšaše-m

3PL.IO-DAT-3PL.ERG-CAUS-говорить-CS группа DIR-LOC-идти

девушка-OBL

Сообщают, и приходит много людей за девушкой

17.

qə-ʎe-k^we-ke—k^wəpə-r

wəne-m

j-e-he-š

DIR-LOC-идти-PST—группа-ABS дом-OBL LOC-DYN-входить-CS

pšaš-ew

q-a-š^ha-ke-m

q-a-he-ke-m

девушка-ADV DIR-3PL.ERG-вести-PST-OBL DIR-3PL.ERG-нести-PST-OBL

je-wəpčə-x

DAT-спрашивать-PL

Пришедшие люди заходят в дом, спрашивают у уведённой девушки.

18.

wə-fa.j-ew

wə-qe-k^wa-k-a

2SG.ABS-хотеть-ADV 2SG.ABS-DIR-идти-PST-Q

wə-fe-mə-j-ew

wə-qe-k^wa-k-a

2SG.ABS-BEN-NEG-хотеть-ADV 2SG.ABS-DIR-идти-PST-Q

wə-q-jə-ne-t-a

a-ʔ^w-ew

2SG.ABS-DIR-LOC-оставаться-FUT-Q 3PL.ERG-говорить-ADV

z-je-wəpčə-xe-ž'e

REL.TMP-DAT-спросить-PL-INS

«Ты хотела прийти сюда или не хотела? Останешься?» – когда спросят,

19.

pšaše-m

sə-fa.j

z-jə-ʔ^we-ž'e

девушка-OBL 1SG.ABS-хотеть REL.TMP-3SG.ERG-говорить-INS

the-m zebleke-mafe t-j-e-š a-ʔ^{we}-š
 бог-OBL родственник-счастье 1PL.ABS-3SG.ERG-DYN-делать 3PL.ERG-говорить-CS
 Если девушка скажет: «Хочу остаться», – «Пусть будут добрые родственные
 отношения между нами», – говорят.

20.
 a-ʔap^{he}-xe-ɾ ze.re-wəbət-xe-š
 3PL.PR-палец-PL-ABS REC.ERG-схватить-PL-CS
 k^wəpə-m j-e-ka-ze-š de-č'ə-ž'ə
 группа-OBL 3SG.ERG-DYN-CAUS-повернуться-CS LOC-выходить-RE
 Руки пожимают друг другу, и пришедшие уходят.

Приложение 3.

Сокращения, используемые в морфологических глоссах

ABS абсолютив; ADV адвербиалис; ALL аллатив; BEN бенефактив; CAUS каузатив; CNV конверб; COMP компаратив; COND кондиционал; COORD сочинение; CS консекутив; DAT дативный преверб; DIR директив; DYN динамичность; ELAT элатив; ERG эргатив; FACT фактивная релятивизация; FUT будущее время; INS инструменталис; IO не прямой объект; LNK линкер; LOC локативный преверб; MSD масдар; NEG отрицание; OBL косвенный падеж; PL множественное число; POSS посессив; PP объект послелога; PR посессор; PRV преверб; PST прошедшее время; Q вопрос; RE рефактив/реверсив; REC реципрок; REL релятивный префикс; RES результатив; RFL рефлексив; SG единственное число; TMP темпоральная релятивизация ('когда'); TRANS транслатив.

Литература

- Аксенова М. А. 2014. Модальность в бжедугском диалекте адыгейского языка // *Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение*. Вып. IX. М. С. 161–171.
- Аркадьев П. М. 2014. Адыгейская лингвистическая экспедиция: десятилетняя ретроспектива и дальнейшее развитие // *Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение*. Вып. IX. М. С. 152–161.
- Аркадьев П. М., Ландер Ю. А. 2011. Адыгейская лингвистическая экспедиция 2010 года: итоги и выводы // *Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение*. Вып. VII. М. С. 179–194.
- Аркадьев П. М., Ландер Ю. А. 2012. Бесленеевский диалект кабардино-черкесского языка и перспективы изучения уляпского говора // *Полевые исследования*.

дования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. Вып. VII. М. С. 176–192.

Аркадьев П. М., Ландер Ю. А. 2013. Некоторые сведения о морфологии бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка (уляпский говор) // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. Вып. VIII. М. С. 194–210.

Аркадьев П. М., Ландер Ю. А., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. 2009. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Тестелец (ред.) 2009. С. 17–120.

Балкаров Б. Х. 1970. Фонетика адыгских языков. Нальчик.

Балкаров Б. Х. 1979. Введение в абхазо-адыгское языкознание. Нальчик.

Биданок М. М. 2003. Становление норм адыгейского литературного языка. Дисс. ... к.ф.н. Майкоп, АГУ.

Горбунова И. М. 2009. Посессивные конструкции // Тестелец (ред.) 2009. С. 146–165.

Зекох У. С. 1969. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп.

Керашева З. И. 1957. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп. [Перепечатано в: Керашева З. И. Избранные труды и статьи. Т. I. Майкоп, 1995. С. 193–336.]

Кумахов М. А. 1981. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.

Кумахов М., Вамлинг К. 2006. Эргативность в черкесских языках. Malmö.

Кумахова З. Ю. 1972. Абадзехский диалект и его место среди других адыгейских диалектов. Нальчик.

Ландер Ю. А. 2012. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе. Дисс. ... к.ф.н. М., ИВ РАН.

Ландер Ю. А. 2011. Подходы к полисинтетизму // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Языкознание. № 11(73)/11. (Московский лингвистический журнал. Т. 13.) С. 102–126.

Ломизе Г. Е. 2013. Инверсив в уляпском говоре кабардино-черкесского языка // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. Вып. VIII. М. С. 210–233.

Рogaва Г. В., Керашева З. И. 1966. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, Майкоп.

Ситимова С. С. 2004. Особенности бжедугского диалекта адыгейского языка. Дисс. ... к.ф.н. Майкоп, АГУ.

Сумбатова Н. Р. 2008. Адыгейские экспедиции Института лингвистики РГГУ (2003–2007) // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. Вып. III. М. С. 290–293.

- Тестелец Я. Г. (ред.) 2009. *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. М.
- Тутарищева М. К. 2005. *Особенности образования и склонения имен собственных в адыгских языках*. Майкоп.
- Тхаркахо Ю. А. 1993. *Чемгуйский диалект и его место среди других адыгейских диалектов*. Майкоп.
- Шагиров А. К. 1977. *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков*. Т. 2. М.
- Chirikba V. A. 1996. *Common West Caucasian: the Reconstruction of Its Phonological System and Parts of Its Lexicon and Morphology*. Leiden.
- Colarusso J. 1988. *The Northwest Caucasian Languages. A Phonological Survey*. N.Y.
- Corbett G. 2006. *Agreement*. Cambridge.
- Ershova K. 2015. Non-canonical noun incorporation in Bzhedug Adyghe // *Proceedings of the 41st Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley. P. 99–119.
- Hewitt G. 2004. *Introduction to the Study of the Languages of the Caucasus*. Muenchen.
- Kapitonov I. 2015. Processing polysynthetic affix order. Paper presented at the conference "Australian Linguistic Society 2015", Western Sydney University, 09.12.2015.
- Kumakhov M., Vamling K. 2009. *Circassian Clause Structure*. Malmö.
- Kuipers A. H. 1963. Proto-Circassian phonology: an essay in reconstruction. *Studia Caucasica* 1: 56–92.
- Lander Yu. 2010. Subject properties of the Adyghe absolutive: evidence from relatives. Unpublished ms.
- Lander Yu., Testelelets Ya. 2006. Nouniness and specificity: Circassian and Wakhashan. Paper presented at the conference "Universality and Particularity in Parts-of-Speech Systems", University of Amsterdam, 10.06.2006.
- Lander Yu., Testelelets Ya. To appear. Adyghe // M. Fortescue et al. (eds) *The Oxford Handbook of Polysynthesis*. Oxford.
- Letuchiy A. 2012. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations // G. Authier, K. Haude (eds). *Ergativity, Valency and Voice*. Berlin. P. 323–354.
- Paris C. 1989. Esquisse grammaticale du dialecte abzakh (tcherkesse occidental) // B. G. Hewitt (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 2. *The North West Caucasian Languages*. N.Y. P. 154–260.
- Smeets R. 1984. *Studies in West Circassian Phonology and Morphology*. Leiden.

Директивный преверб в «инверсивной функции» в бжедугском диалекте адыгейского языка

0. Введение

Данная статья посвящена «инверсивным» употреблением директивного преверба в бжедугском диалекте адыгейского языка. В адыгских языках инверсивное значение выражается с помощью директивного префикса *qe-*, который в первую очередь выступает как показатель направления действия к говорящему. Цель этой работы – описать «инверсивные» употребления директивного преверба в бжедугском диалекте адыгейского языка.

Статья опирается на материал, собранный в ходе летней лингвистической экспедиции РГГУ и НИУ ВШЭ в аул Вочепший Теучежского района Республики Адыгея в июле 2014 года. Консультантам предлагалось перевести с русского на адыгейский предложения или оценить грамматичность предложений, построенных исследователем. На основе полученного материала проводился дальнейший анализ.

Работа состоит из пяти разделов. Первый раздел посвящен краткому описанию некоторых релевантных свойств адыгейского языка. Во втором разделе предлагается определение категории инверсива и краткое описание директивно-инверсивных систем. В третьем разделе приводится описание «инверсивных» свойств директивного преверба в бжедугском диалекте адыгейского языка. Выделяются три типа сценария, по которым происходит исследование свойств директивного преверба. И в последнем, четвертом разделе, делаются некоторые выводы на основе полученного материала.

1. О некоторых свойствах адыгских языков

Адыгские языки характеризуются вершинным маркированием и полисинтетизмом: в предикате с помощью префиксов морфологически индексируются лицо и число нескольких актантов, а основной стратегией выражения грамматических значений является аффиксация [Кумахов 1971], [Аркадьев и др. 2009]. В качестве иллюстрации приведен пример (1).

- (1) литературный адыгейский язык [Кумахов 1971: 102]
 s-jə-č'ale mə pšaše-m dež'
 1SG.PR-POSS-парень этот девушка-OBL к
 sə-q-jə-ke-ɣwa-ɤ
 1SG.ABS-DIR-3SG.ERG-CAUS-идти-PST
 'Мой сын послал меня к этой девушке.'

Адыгские языки относятся к языкам с эргативным кодированием актантов – единственный участник одноместного (непереходного) предиката и пассивный участник двухместного переходного предиката кодируются одинаково, а агентивный участник двухместного переходного предиката кодируется отличным образом, ср. примеры (2) и (3) [Кумахов, Вамлинг 2006].

- (2) литературный адыгейский язык [Аркадьев и др. 2009: 36]

hač'e-г k'a-ke
гость-ABS идти-PST
'Гость ушёл.'

- (3) литературный адыгейский язык [там же: 53]

ž'ak'e-m g'əb'k'e-г ə-ž'a-k
пахарь-OBL поле-ABS 3SG.ERG-пахать-PST
'Пахарь вспахал поле.'

В адыгейском языке можно выделить три серии лично-числовых префиксов, различающих роль участника: абсолютивный личный префикс (ABS) индексирует субъект непереходной клаузы и объект переходной, префикс агенса (ERG) индексирует субъект переходной клаузы. Показатель непрямого объекта (IO) индексирует периферийных участников. В таблице 1 показаны позиции этих префиксов в словоформе, а в примере (4) показаны некоторые случаи их употребления.

абсолютив (ABS)	директив	темпоральный префикс	комплекс объектной деривации	комплекс косвенного объекта (IO)	префикс агенса (ERG)	префикс динамичности	отрицание
-9	-8	-7	-6	-5	-4	-3	-2

Таблица 1. Структура префиксальной части адыгейской словоформы

- (4) литературный адыгейский язык [Аркадьев и др. 2009: 48]

a. qə-š_w-e-s-ʔ_we-š'tə-г
DIR-2SG.IO-DAT-1SG.ERG-сказать-FUT-ABS
'то, что я вам скажу'

b. zə-p-š'a-ke-m

REL.TEMP-2SG.ERG-вести-PST-OBL

'когда ты его повел'

c. wə-qe-k^we-ka-x-ew

2SG.ABS-DIR-идти-PST-INC-ADV

'(что) ты уже приехала'

В адыгейском языке переходные и непереходные глаголы имеют и морфологические, и синтаксические различия, отражающиеся в структуре личных префиксов и в падежном оформлении актантов, ср. примеры (2) и (3). При этом многоместными могут быть и переходные, и непереходные глаголы.

Средством добавления в актантную структуру глагола неагентивного участника в адыгских языках служат аппликативные префиксы, которые могут вводить, например, бенефицианта, малефицианта, комитативного участника и ряд других значений (см., например, [Летучий 2009]). Аппликатив вместе с лично-числовым показателем косвенного объекта образуют деривационный комплекс, при наличии которого у описываемой глаголом ситуации появляется новый обязательный участник. В примере (5) имеется комплекс бенефактивной деривации, состоящий из префикса бенефактива *fe-* и префикса, отображающего вводимого участника-бенефицианта («ребятам»).

(5) литературный адыгейский язык [Летучий 2009: 331]

se č'ale-xe-m txəλ-xe-r a-fe-s-š'efə-ke-x

я парень-PL-OBL книга-PL-ABS 3PL.IO-BEN-1SG.ERG-купить-PST-PL

'Я купил ребятам книги.'

2. Определение инверсива

В типологической литературе термин «инверсив» используется для обозначения разнородных явлений. Так, Б. Комри [Comrie 1980: 62] определяет инверсив как глагольную категорию, выражающую соотношение актантов переходного глагола в иерархии одушевленности, а М. Клайман [Klaiman 1992: 228], в свою очередь, описывает инверсив как одну из разновидностей структурной организации предложения, в которой глаголы переходной нерелексивной предикации специально маркируются при соотнесении участника 1-го или 2-го лица с теми или иными семантическими или синтаксическими ролями.

Каноническая директивно-инверсивная система может быть определена как такая, в которой грамматически выражается соотношение актантов переходного глагола в иерархии одушевленности. Прямые и инверсивные соотношения между ролями субъекта (А) и объекта (О) можно изобразить следующей схемой, заимствованной из книги [Zúñiga 2006: 24]:

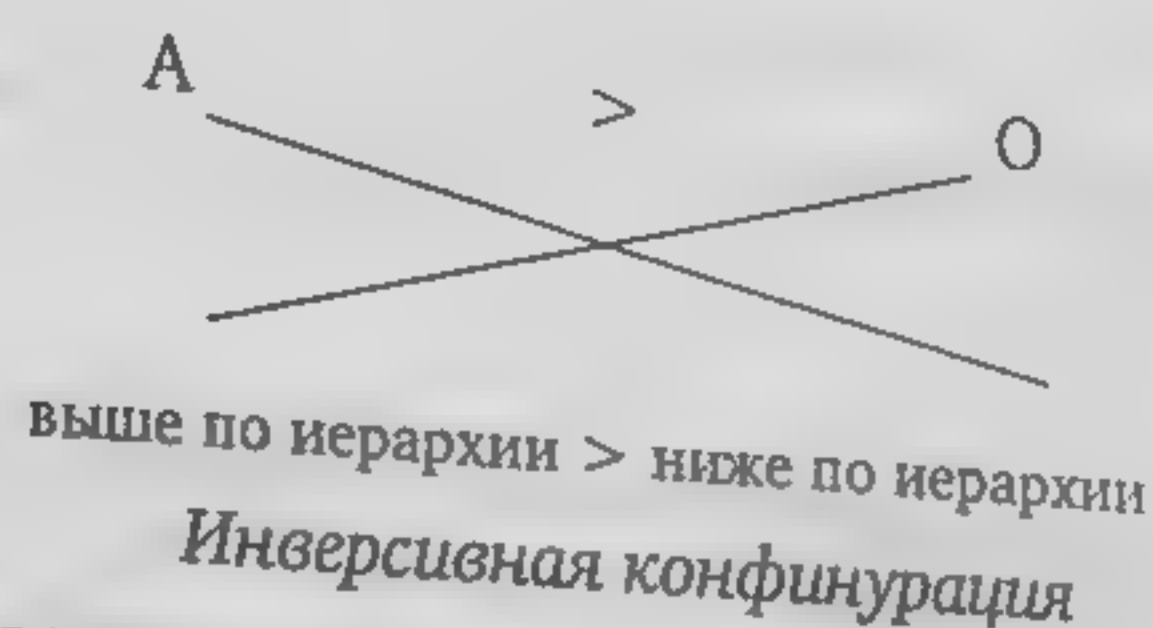
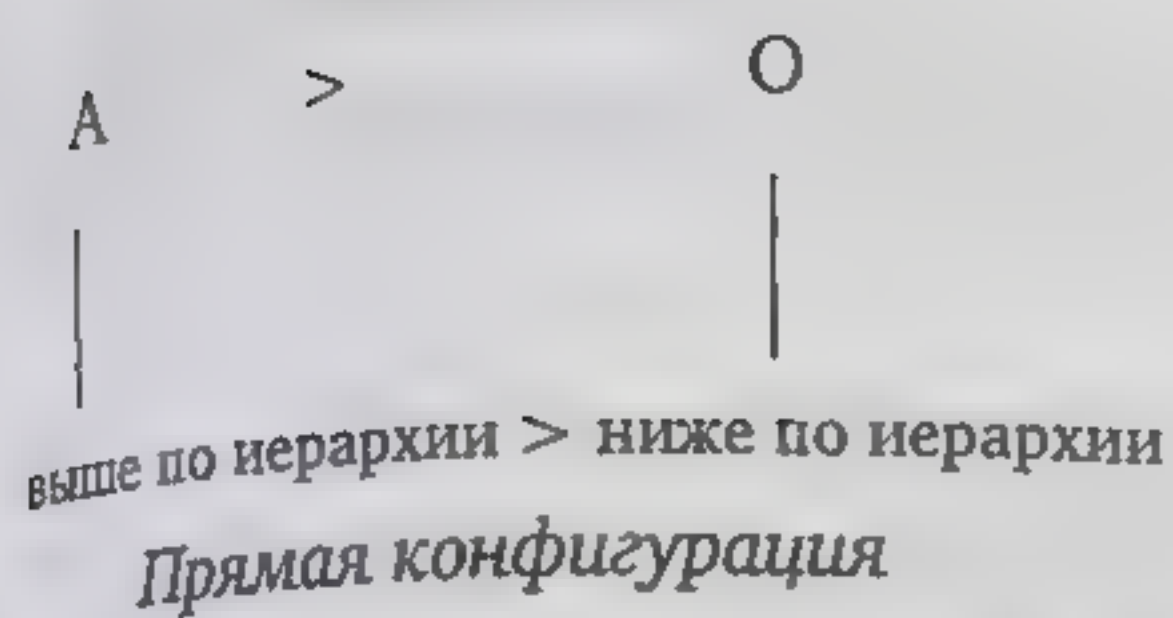

Рис. 1. Схема прямой и инверсивной конфигураций

В статье [Jacques, Antonov 2014] отмечено, что каноническая директивно-инверсивная система обладает тремя обязательными признаками:

1. Маркеры лица-числа нейтральны по отношению к синтаксическим ролям.
2. Маркеры директива и инверсива обязательны и при этом являются взаимоисключающими. Эти маркеры не могут присоединяться к непереходному глаголу.
3. Инверсивные глагольные формы (в отличие от, например, глаголов в пассивной конструкции) не подвергаются изменению валентности, т.е. их аргументы сохраняют свои синтаксические свойства.

В таблице 2 представлена «идеальная» инверсивная система, где инверсивные и директивные формы симметрично распределены в соответствии с иерархией лиц $1 > 2 > 3 > 3'$ ¹ [Jacques, Antonov 2014: 302].

	1	2	3	3'
1		<i>1 → 2</i>	<i>1 → 3</i>	
2	<i>2 → 1</i>		<i>2 → 3</i>	
3	<i>3 → 1</i>	<i>3 → 2</i>		<i>3 → 3'</i>
3'			<i>3' → 3</i>	

Таблица 2. Каноническая инверсивная система
(директивные формы выделены курсивом, инверсивные – жирным шрифтом)

Распределение директивных и инверсивных маркеров можно описать следующим образом:

- а) если агенс выше пациенса в иерархии, то используются формы глагола с директивным показателем;
- б) если пациенс выше агенса в иерархии, то глагол маркируется как инверсивный.

¹ В статье [Jacques, Antonov 2014] авторы предлагают рассматривать две разновидности 3 лица: 3 проксимативное (proximate) и 3' обвиативное (obviative), иначе говоря, привелигированное и второстепенное лицо. В алгонкинских языках статус «проксиматив» или «обвиатив» присваивается главным образом на основе дискурсивной значимости.

Ниже приведен пример директивно-инверсивного маркирования из языка равнинный кри, где показано два варианта переходной предикации с глаголом «пугать».

- (6) равнинный кри (алгонкинская семья, [Zúñiga 2006: 76])
a. ni-se:kih-a-wak	b. ni-se:kih-ik-wak
1SG-пугать-DRV-3PL	1SG-пугать-INV-3PL
‘Я пугаю их.’	‘Они пугают меня.’

В примере (6a) субъектом действия выступает участник первого лица, поэтому глагол получает маркер директива *-a*. В примере (6b) видна обратная ситуация: участник третьего лица, стоящий в иерархии лиц ниже первого, занимает роль субъекта, поэтому в этом случае глагол маркируется как инверсивный с помощью показателя *-ik*. Необходимо уточнить, что в приведенных выше примерах показатели лица на грамматическую / семантическую роль не указывают, и тем самым именно показатели директива / инверсива соотносят лица с ролями.

3. Об инверсиве в бжедугском диалекте

Как уже было отмечено, в адыгейском языке [Аркадьев и др., 2009: 43] дейктический преверб *qe-/qə*² может быть использован «инверсивно», т.е. может указывать на то, что дополнение стоит выше подлежащего в иерархии лиц 1>2>3. Ряд употреблений этого показателя может быть сопоставлен с категорией инверсива, типологический прототип которой был описан в предыдущем разделе.

В примере (7) показано прототипическое употребление преверба *qe-*, который указывает на направление действия в сторону говорящего или дейктического центра.

- (7) литературный адыгейский язык [Аркадьев и др. 2009: 43]
a. k ^w e	b. qe-k ^w e-š't
идти(IMP)	DIR-идти-FUT
‘иди (отсюда)’	‘он придет (сюда)’

В примере (8) показано «инверсивное» употребление дейктического показателя, где участник 2-го лица, который в иерархии лиц стоит ниже 1-го лица, является при этом субъектом:

² Подробнее о чередовании *e/ə* см. [Аркадьев, Тестелец 2009].

(8) бжедугский диалект

we əʒəjə wə-qə-s-a-ʒe-tə-ɤ

ты все.еще 2SG.ABS-DIR-1SG.IO-DAT-ждать-IPF-PST

‘Ты все еще ждала меня.’

Здесь следует сказать о том, что называемые нами инверсивными употребления директивного преверба в адыгских языках имеют ряд особенностей, отличающих их от категории инверсива тех языков, в которых её принято постулировать. В первую очередь стоит сказать о том, что в адыгских языках личные префиксы однозначно указывают на роли актантов (см. пример (9)) и поэтому употребление директивного преверба по большей части избыточно.

(9) литературный адыгейский язык [Аркадьев и др., 2009: 48]

qə-š^w-e-s-ʔ^we-š^tə-r

DIR-2SG.IO-DAT-1SG.ERG-сказать-FUT-ABS

‘то, что я вам скажу’

Кроме того, для канонического инверсива отношения между субъектом и косвенным объектом нерелевантны, а в адыгских языках ситуация обратная – инверсивные употребления директивного преверба чувствительны в первую очередь к подобным отношениям. Здесь и далее мы будем опираться на исследование Г.Е. Ломизе [Ломизе, 2013], посвященное «инверсиву» в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка.

Для изучения инверсива в адыгейском языке необходимо рассмотреть следующие роли: субъект при непереходном предикате (Abs_s), агенс при переходном предикате (A_s), прямой объект (Abs_o), косвенный объект (IO_{OVI}), прямой объект (Abs_o) и косвенный объект (IO_{GOAL}) в трехместном предикате.

Здесь мы будем использовать понятие «сценарий», вводимое в [Zúñiga 2006] для конкретизации референциального соотношения ситуации речевого акта с ситуацией, о которой говорится в предложении. В данных сценариях представлена «иерархия индексируемости», которая противопоставляет участников речевого акта (SAP) и третьи лица. Именно по этим трем сценариям происходило изучение взаимодействия преверба с различными комбинациями лиц в бжудугском диалекте:

- 1) Локальный сценарий – оба участника ситуации являются участниками речевого акта ($SAP \leftrightarrow SAP$), а именно: $1 \rightarrow 2, 2 \rightarrow 1$.
- 2) Смешанный сценарий – только один из участников ситуации является участником речевого акта ($SAP \leftrightarrow 3$), а именно: $1 \rightarrow 3, 2 \rightarrow 3, 3 \rightarrow 1, 3 \rightarrow 2$.
- 3) Нелокальный сценарий – оба участника описываемой ситуации не являются участниками речевого акта ($3 \leftrightarrow 3$).

Для каждого из сценариев было рассмотрено несколько типов контекстов, предложенных в [Ломизе 2013] и противопоставляющих указанные выше типы ролей:

- 1) Непереходная предикация с разными типами аппликативов: субъект (обозначаемый как Abs) vs. косвенный объект (обозначаемый как IO);
- 2) Непереходная предикация с непрямым объектом: субъект (обозначаемый как Abs) vs. не прямой объект (обозначаемый как IO_{Goal});
- 3) Переходная предикация: агенс (обозначаемый как A) vs. пациенс (прямой объект) (обозначаемый как Abs);
- 4) Переходная предикация с разными типами аппликативов: агенс (обозначаемый как A) vs. косвенный объект (обозначаемый как IO);
- 5) Трехместная предикация: агенс (обозначаемый как A) vs. не прямой объект/прямой объект.

Далее мы кратко рассмотрим результаты, полученные для локального и смешанного сценария, и более подробно остановимся на описании употребления директивного преверба в рамках нелокального сценария.

3.1. Локальный сценарий

Распределение инверсивного показателя в локальном сценарии представлено в таблице 3. Если инверсивный показатель является обязательным, это обозначено как INV. Запись (–INV) обозначает, что показатель инверсива присутствует в выдаваемой по умолчанию форме, но может быть опущен, а запись (+INV), что показатель инверсива отсутствует в выдаваемой по умолчанию форме, однако может быть в нее добавлен – без изменения смысла или грамматичности.

Здесь можно отметить обязательность инверсива при переходном предикате с косвенным объектом, ср. примеры (10) и (11), что может наталкивать на мысль о том, что в бжедугском диалекте представлен вариант иерархии, в котором первое и второе лица занимают одну позицию.

(10) 1 → 2

a. se	zə	wered	qə-b-de-s-?we-t
я	один	песня	DIR-2SG.IO-COM-1SG.ERG-сказать-FUT
b. *we	se	wered	b-de-s-?we-t
ты	я	песня	2SG.IO-COM-1SG.ERG-сказать-FUT
- ‘Я спою с тобой песню.’

	1 → 2	2 → 1
Непереходный предикат (субъект vs. косвенный объект)	(+INV)	(-INV)
Непереходный предикат (субъект vs. прямой объект)	(-INV)	INV
Переходный предикат (агенса vs. пациенс)	(+INV)	(+INV)
Переходный предикат (агенса vs. косвенный объект)	INV	INV
Трехместный предикат (агенса vs. прямой объект)	(+INV)	(+INV)
Трехместный предикат (агенса vs. косвенный объект)	(-INV)	(-INV)

Таблица 3. Локальный сценарий

(11) 2 → 1

- a. we se kartjəne-r qə-z-de-p-ʃə-t
ты я картина-ABS DIR-1SG.IO-COM-2SG.ERG-делать-FUT
- b. *we se kartjəne-r z-de-p-ʃə-t
ты я картина-ABS 1SG.IO-COM-2SG.ERG-делать-FUT
- ‘Ты со мной напишешь картину.’

В целом можно отметить, что почти во всех случаях (как в примерах (12) с непереходным предикатом и (13) с переходным предикатом) носители свободно позволяют либо опустить маркер инверсива, либо же добавить его без изменения значения предложения.

(12) 1 → 2

- a. w-jate z-e-ʎe-m
2SG.PR-POSS+отец REL.TEMP-DYN-умереть-OBL
se sə-b-g^we-t^hə-ʎ.
я 1SG.ABS-2SG.IO-LOC-стоять-PST
- b. w-jate z-e-ʎe-m
2SG.PR-POSS+отец REL.TEMP-DYN-умереть-OBL
se sə-qə-b-g^we-t^hə-ʎ.
я 1SG.ABS-DIR-2SG.IO-LOC-стоять-PST
- ‘Когда умер твой отец, я был около тебя.’

(13) 2 → 1

a. sə-p-λekʷə-ka-ɤ

1SG.ABS-2SG.ERG-видеть-PST-PST

b. sə-qe-p-λekʷə-ka-ɤ

1SG.ABS-DIR-2SG.ERG-видеть-PST-PST

‘Ты увидел меня.’

В бжедугском диалекте наиболее четко представлено превосходство локуторов (1-е и 2-е лица) над нелокуторами (3-е лицо), и это будет заметно дальше при изучении смешанного сценария.

3.2. Смешанный сценарий

Распределение директивного показателя в смешанном сценарии показано в таблице 4:

	1,2 → 3	3 → 1,2
Непереходный предикат (субъект vs. косвенный объект)	(+INV)	INV
Непереходный предикат (субъект vs. не прямой объект)	отсутствует	INV
Переходный предикат (агнс vs. пациенс)	(+INV)	(+INV)
Переходный предикат (агнс vs. косвенный объект)	(+INV)	INV
Трехместный предикат (агнс vs. не прямой объект)	(+INV)	INV
Трехместный предикат (агнс vs. прямой объект)	(+INV)	INV

Таблица 4. Смешанный сценарий

Интересно то, что при направлении действия от третьего лица к первому или второму маркирование инверсивом почти всегда обязательно (кроме случая с переходным предикатом, см. пример (14)).

(14) a. 3 → 1

a-š' se sə-ze-x-j-e-xə /

TOT-OBL я 1SG.ABS-REC.IO-LOC-3SG.ERG-DYN-братъ /

sə-qə-ze-x-j-e-xə

1SG.ABS-DIR-REC.IO-LOC-3SG.ERG-DYN-братъ

‘Он меня слышит.’

b. 3 → 2

a-š' we wə-ze-x-jə-xə-к /

тот-OBL ты 2SG.ABS-REC.IO-LOC-3SG.ERG-братъ-PST /

wə-qə-ze-x-jə-xə-к

2SG.ABS-DIR-REC.IO-LOC-3SG.ERG-братъ-PST

‘Он слышал тебя.’

Очевидно, что в рамках смешанного сценария в иерархии лиц третье лицо всегда ниже второго и первого, ср. пример (15), что возвращает нас к идее, высказанной выше: наиболее четко в диалекте представлено превосходство локуторов над нелокуторами.

(15) a. 3 → 1 (при непереходном предикате)

s-jate se qə-z-g^we-t^hə-к /

*z-g^we-t^hə-к

1SG.PR-POSS+отец я DIR-1SG.IO-LOC-стоять-PST / 1SG.IO-LOC-стоять-PST

‘Отец стоял рядом со мной.’

b. 3 → 2 (при непереходном предикате)

w-jate we qə-b-g^we-t^hə-к /

*b-g^we-t^hə-к

2SG.PR-POSS+отец ты DIR-2SG.IO-LOC-стоять-PST / 2SG.IO-LOC-стоять-PST

‘Отец стоял рядом с тобой.’

В случае первого и второго лица субъекта, как можно увидеть в таблице, инверсив по умолчанию не употребляется, однако, некоторые носители разрешают его добавление (пример (16)).

(16) 1 → 3 (при переходном предикате с косвенным объектом)

se emme wered de-s-ʔ^wa-к / qə-de-s-ʔ^wa-к

я Эмма песня COM-1SG.ERG-сказать-PST / DIR-COM-1SG.ERG-сказать-PST

‘Я пел песню с Эммой.’

3.3. Нелокальный сценарий

Нелокальный сценарий – множество таких контекстов, где оба участника описываемой ситуации не являются участниками речевого акта. Нелокальный сценарий не охватывает базового для иерархии индексированности противопоставления между локуторами и нелокуторами, однако различия между участниками (т. е. положение участников в иерархии относительно друг друга) могут в его рамках регулироваться семантическими (одушевленность) и прагматическими (коммуникативный статус референта) свойствами участников.

Проблема, с которой мы сталкиваемся здесь, состоит в том, чтобы выяснить, какие именно параметры иерархии релевантны для изучаемого языка. Как мы видели, в связи с инверсивом одни исследователи говорят об иерархии лиц, другие – о коммуникативной релевантности, третьи – об «иерархии индексированности», которая противопоставляет локуторов (Speech Act Participants, SAP) и третьи лица, которые в свою очередь могут быть организованы в соответствии с собственными семантическими и референциальными свойствами [Bickel & Nichols 2007: 224–226].

Для исследования нелокального сценария в бжедугском диалекте был использован составленный мною небольшой связный текст на русском языке. Ниже в качестве примера для разбора приведена часть этого текста, в приложении дан текст целиком. Носители переводили на бжедугский диалект предложения одно за другим, не читая весь текст заранее. Нас интересовало, будет ли распределение показателя инверсива зависеть от того, каких участников объединяет описываемая предикатом ситуация и каковы роли этих участников.

- (17) a-š' ə-лєк^wə-к šewežəje
 тот-OBL 3SG.ERG-увидеть-PST мальчик
 'Она увидела мальчика'
- (18) šewežəje-m-jə set^henaj qə-λ-jə-ta-к
 мальчик-OBL-ADD Сэтэнай DIR-LOC-3SG.ERG-заметить-PST
 'Мальчик тоже заметил Сэтэнай'
- (19) wə-к^we-š'^ha-к-a?
 2SG.ABS-LOC-заблудиться-PST-Q
 'Ты заблудился?'
 q-je-ž'^ha-к a-š' set^henaj
 DIR-DAT-звать-PST тот-OBL Сэтэнай
 'Сэтэнай крикнула ему.'

Полученные результаты собраны в таблице 5. В колонке «референты» указаны номера участников (по мере их появления) и направление действия.

Если рассмотреть полученные результаты и сам текст, то можно отметить, что, с одной стороны, инверсивный показатель в большинстве случаев появляется тогда, когда действие исходит от менее значимого участника к более значимому участнику (протагонисту). С другой стороны, встретились и случаи, когда клауза маркировалась инверсивом, несмотря на то, что действие шло от протагониста, т.е. от участника с высоким коммуникативным рангом. Под коммуникативным рангом подразумевается значимость участника для говорящего [Плунгян 2011: 257].

№ предложения	Референты	Число случаев употребления преверба (из 10)
1	—	0
2	$1 \rightarrow 2$	0
3	$2 \rightarrow 1$	10
4	$1 \rightarrow 2$	1
5	$2 \rightarrow 1$	4
6	$1 \rightarrow 2$	0
7	$3 \rightarrow 1$	8
8	—	—
9	$1 \rightarrow 3$	0
10	$3 \rightarrow 2$	1
11	$3 \rightarrow 1,2$	1
12	$1,2 \rightarrow 3$	10 ³
13	$3 \rightarrow 1,2$	9
14	$2 \rightarrow 3$	0
15	$3 \rightarrow 2$	3
16	$1, 2 \rightarrow 3$	0
17	$3 \rightarrow 1, 2$	10
18	$1,2,3 \rightarrow 4,5$	2
19	$4 \rightarrow 1$	10
20	$1 \rightarrow 4$	8
21	$5 \rightarrow 2$	10
22	$3 \rightarrow 5$	10
23	—	—
24	$1 \rightarrow 4,5$	9
25	$4,5 \rightarrow 1,2,3$	10
26	$2 \rightarrow 3$	9
27	$1 \rightarrow 2$	7
28	$2,3 \rightarrow 1$	2
29	$1 \rightarrow 2,3$	6
30	—	—

Таблица 5. Распределение директивного преверба в переводах текста

³ В данном случае директивный преверб употреблен в пространственном значении.

Нами была выдвинута и проверена гипотеза о том, что инверсивное употребление преемства чувствительно не только к ролям, но и к уровню активации участников. Понятие «активация референта» подробно описывается в работе [Кибрик 1997]. Активация представляет собой градуальное явление, ответственное в первую очередь за референциальный выбор. Если активация переступает определённый порог, то говорящий может использовать определенное референциальное средство. Например, в русском языке, говорящий при определённом достаточно высоком уровне активации референта может использовать личное местоимение или ноль.

Стоит отметить, что уровень активации референтов в переведенном тексте отличается от уровня активации в тексте, порождаемом на родном языке. В первую очередь это связано с тем, что ситуация перевода не тождественна ситуации порождения текста, поскольку в случае перевода выбор референциальных средств в оригинале уже осуществлен, что, конечно, оказывает значительное влияние на перевод. Тем не менее, в нашем случае референциальный выбор сам по себе не имеет принципиального значения, а изучаемое явление – использование директивного преемства – не имеет никаких аналогов в русском оригинале.

Исследование активации референтов проводилось по параметрам, предложенным в [Кибрик 1997], см. таблицу 6. Исходя из этих параметров вычисляется коэффициент активации; существует несколько порогов активации: 0.4, 0.6 и 0.9. Чем выше коэффициент, тем более вероятно будет использовано редуцированное референциальное средство. В нашем случае нас будет интересовать не референциальные средства, а сам уровень активации: мы предполагаем, чем выше коэффициент активации объекта (точнее, чем выше разность активации объекта и активации субъекта), тем вероятнее будет использован дейктический преемств.

Наш текст был разбит на 30 дискурсивных единиц, которые совпали с предикациями. Текст содержит в себе около 70 упоминаний пяти референтов (*мальчик, Сэтэнай, Гуаш, две безымянные женщины*), и все пять являются значимыми, то есть упоминаются больше одного раза. В таблице 7 представлены значения активации для каждого референта и соответствующий числовой показатель для нескольких первых клаузов текста. В последней строке указаны коэффициенты активации, высчитанные на базе всех числовых показателей.

фактор	
историческое	
состояние	
определяется по	
иерархической структуре	
курса) ⁴	
референт – прота	
дешевленность	
антаксическая и	
эпантическая роль	
тецедента	
полная	
референтность	
антецедентом	
дискурсивная	1
она	Она
с	с
он	ОН
1.3	
Подробнее о риториче	

Фактор	Значение фактора	Показатель активации
Риторическое расстояние (считается по иерархической структуре дискурса) ⁴	1	0.7
	2	0.4
	3	0
	>	-0.3
Референт – протагонист	- Да, и при этом:	0.4
	Первое упоминание	0.3
	Второе упоминание	0
	Более чем второе упоминание	0
	- Нет	0
Одушевленность	- Человек, и при этом:	
	риторическое расстояние равно:	
	3 и более	0.2
	2	0.1
	1	0
Синтаксическая и семантическая роль антецедента	- неодушевлённый	0
	- Подлежащее и актор	0.4
	- Или подлежащее, или актор	0.2
	- Не-подлежащее и не-актор	0
Неполная кореферентность с антецедентом	- нет	0
	- да	-0.2

Таблица 6. Факторы активации

Дискурсивная единица	1	1	2	2	3	3
Форма	Она	Мальчика	мальчик	Сэтэнай	Сэтэнай	Ему
Референт	с	м	м	с	с	м
Референциальное средство	ОН	ИГ	ИГ	ИГ	ИГ	ОН
*А:	1.3	0.7	0.7	1	1.1	0.4

Таблица 7. Пример анализа

⁴ Подробнее о риторическом расстоянии см. [Фёдорова 2014].

Как мы видим из таблицы 7, самый высокий коэффициент активации у протагониста – от 0.7 до 1. Наиболее очевидное предположение заключается в том, что протагонист, как самый значимый участник ситуации, по умолчанию обладает наиболее высоким коэффициентом активации, но в тех случаях, когда происходит смена референции или активируется новый участник, коэффициент активации протагониста понижается. По-видимому, чем ниже уровень активации субъекта, тем вероятнее будет использован инверсивный показатель.

В таблице 8 приведена сводная информация по активации каждого референта в каждой клаузе. В первой колонке указан номер предложения, во второй и третьей колонках – коэффициент активации для двух участников ситуации, в четвертой колонке – указано отсутствие или наличие директивного преверба, и, наконец, в последней колонке подсчитана разность активаций.

Исходя из полученных данных, можно отметить следующую особенность – директивный преверб в «инверсивной» функции был использован 19 раз, в 10 случаях из 19 коэффициент активации объекта выше, чем коэффициент активации субъекта (и разность коэффициентов отрицательна). Не во этих всех случаях причина употребления дейктического преверба ясна, ср. пример (20) (№ 26). Согласно нашему предположению, чем ниже коэффициент активации субъекта, тем вероятнее будет использован инверсивный показатель, однако в данном примере коэффициент активации субъекта (1.1) выше коэффициента активации объекта (0.7), но дейктический преверб использован.

- (20) $\check{c}'ale-g$ $a-\check{s}'$ $q-je-w\check{e}r\check{c}\check{e}-k$
 парень-ABS тот-OBL DIR-DAT-спросить-PST
 'Спросил её мальчик.'

Вероятно, можно сказать, что инверсивный маркер все-таки тяготеет к тому, чтобы быть использованным, если ситуация направлена от менее активированного участника к более активированному. Тем не менее, достаточно часто встречаются случаи (9 случаев из 19), когда употребление дейктического преверба не следует напрямую из этого правила.

4. Выводы

В этой статье были кратко рассмотрены свойства инверсивных употреблений дейктического преверба в бжедугском диалекте адыгейского языка. Наиболее четкие представления об употреблении этого показателя мы можем получить из локального и смешанного сценариев.

Номер предложения	
1	
2	
3	
4	
5	
6	
7	
8	
9	
10	
11	
12	
13	
14	
15	
16	
17	
18	
19	
20	
21	
22	
23	
24	
25	
26	
27	
28	
29	
30	

Таблица 8. Сводная

Номер предложения	Коэффициент активации субъекта	Коэффициент активации объекта	Директивный преверб	Разность коэффициентов активации
1	—	—	нет	
2	1.3	0.7	нет	0.6
3	0.7	1	есть	-0.3
4	1.1	0.4	есть (1 случай)	0.7
5	0.8	1.1	есть	-0.3
6	0.6	0.3	нет	0.3
7	-0.1	0.4	есть	-0.5
8	0.7	0.3	нет	0.4
9	1.0	0.6	нет	0.4
10	—	—	нет	—
11	0.3	-0.1	есть (1 случай)	0.4
12	—	—	—	—
13	0.6	0.8	есть	-0.2
14	1.0	0.7	нет	0.3
15	0.3	1.1	есть	-0.8
16	0.8	0.5	нет	0.3
17	0.7	-0.1	есть	0.8
18	0.4	1.1	есть	-0.7
19	0.1	0.8	есть	-0.7
20	0.7	1.0	есть	0.3
21	0.8	1.1	есть	-0.3
22	-0.3	0.4	есть	-0.7
23	—	—	—	—
24	1.0	0.1	есть	0.9
25	0.8	0.4	есть	0.4
26	1.1	0.7	есть	0.4
27	0.3	0.6	есть	-0.3
28	0.6	0.4	есть	0.2
29	1.1	0.8	есть	0.3
30	—	—	—	—

Таблица 8. Сводная таблица для распределения директивного преверба

Если рассматривать употребление «инверсива» в адыгейском языке с точки зрения иерархии лиц $1 > 2 > 3$, можно с уверенностью сказать, что локуторы (1 и 2 лицо) превосходят нелокуторов (3 лицо).

Не совсем ясно распределение инверсива при локальном сценарии, во многих случаях показатель инверсива может отсутствовать или присутствовать вне зависимости от соотношения лиц участников.

Наиболее сложный случай представляет нелокальный сценарий. В этом исследовании была осуществлена попытка связать употребление инверсивного показателя с уровнем активации референта в тексте в предположении, что чем ниже уровень активации субъекта, тем вероятнее будет использован инверсивный показатель. Результаты, полученные в ходе этого эмпирического теста, скорее отрицательные и не позволяют создать классификацию контекстов, когда употребляется инверсивный показатель.

Наконец, в качестве заключительного обобщения следует еще раз сказать о том, что «инверсивные» употребления директивного преверба в адыгских языках отличаются от прототипической категории инверсива по нескольким параметрам:

1. В адыгских языках личные префиксы указывают на роли актантов и поэтому употребление преверба избыточно.

2. В отличие от прототипической ситуации, в адыгских языках директивный преверб чувствителен к отношениям между субъектом и косвенным объектом.

3. В адыгских языках директивный преверб может употребляться «инверсивно» не только при переходных, но и при непереходных глаголах.

Приложение: текст для изучения нелокального сценария

1. Однажды Сэтэнай₁ решила прогуляться вдоль небольшой речки.
2. Когда она подходила к реке, она₁ увидела мальчика₂, сидящего на берегу.
3. Мальчик₂ тоже заметил Сэтэнай₁.
4. «Эй, мальчик! Ты заблудился?» – Сэтэнай₁ крикнула ему₂.
5. «Нет», – ответил он₂ ей₁, – «Я просто пришел посмотреть на эту реку».
6. Сэтэнай₁ молча села около мальчика₂, и они смотрели на реку вместе.
7. Спустя какое-то время с другого берега какая-то девушка₃ крикнула Сэтэнай₂: «Сэтэнай, почему ты не сказала, куда пошла? Тебя все ищут!»
8. Сэтэнай₁ ответила ей₃: «Но я сказала брату!»
9. А потом эта девушка₃ заговорила с мальчиком₂:

10. «Ты то...»
 11. Потом д...
 12. Сэтэнай₁
 13. Оназ тер...
 14. «О чем т...
 15. «Это мест...
 16. «Но поче...
 17. «Потому...
 18. Когда трое...
 19. Та, что б...
 20. Сэтэнай₁ ра...
 21. А та женщ...
 22. Но Гуаш₃ ве...
 23. Женщина по...
 - 24+25. Сэтэнай₁
 26. «Почему ты н...
 27. «Потому что...
 28. Гуаш₃ и мальч...
 29. «Я узнала жен...
 30. Они ускорили...
- Список сокращений
- ABS – абсолютив, A – каузатив, COM – комитив, DRV – директив, F – будущее время, I – объект, IPF – имперфект, PL – множественное число, Q – вопросительное предложение, SG – единственное число

10. «Ты тоже! Ты ведь знаешь, что это место проклято, здесь нельзя находиться!».

11. Потом девушка₃ **обратилась** к ним_{1,2} обоим: «Нам надо уходить!»

12. Сэтэнай₁ и мальчик₂ **пошли** к девушке₃.

13. Она₃ терпеливо **ждала** их_{1,2}, хотя ей и не нравилось это место.

14. «О чем ты говоришь, Гуаш?» – **спросил** мальчик₂ девушку₃.

15. «Это место проклято!» – **ответила** она мальчику₂.

16. «Но почему оно проклято?» – **спросили** Сэтэнай₁ и мальчик₂ Гуаш₃.

17. «Потому что говорят, что здесь убили ведьму, это плохой знак», – **рассказала** им_{1,2} Гуаш₃.

18. Когда трое пошли обратно, на пути они_{1,2,3} **встретили** двух женщин.

19. Та₄, что была с косой, спросила у Сэтэнай: «Как попасть к реке? Мы, кажется, заблудились».

20. Сэтэнай₁ **рассказала** ей₄ как туда попасть.

21. А та женщина₅, которая была с пучком, **дала** мальчику₂ и Гуаш₃ много орехов.

22. Но Гуаш₃ вернула орехи и **сказала** ей₅: «Спасибо, но мы не можем их принять».

23. Женщина **пожала** плечами.

24+25. Сэтэнай₁ еще раз показала им_{4,5} направление и, уходя, они (женщины_{4,5}) **помахали** рукой ребятам_{1,2,3}.

26. «Почему ты не взяла орехи, Гуаш?» – **спросил** её мальчик₂.

27. «Потому что нельзя брать ничего, что предлагают мертвые», – **вдруг ответила** ему₂ Сэтэнай₁.

28. Гуаш₃ и мальчик₂ удивленно **посмотрели** на неё₁.

29. «Я узнала женщину с косой. Она умерла в прошлом году. Это место действительно нечистое», – **рассказала** им_{2,3} Сэтэнай₁.

30. Они ускорили шаг и вскоре добрались до аула.

Список сокращений

ABS – абсолютив, ADD – аддитив, ADV – адвербиалис, BEN – бенефактив, CAUS – каузатив, COM – комитатив, DAT – дативный преверб, DIR – директивный преверб, DRV – директив, DYN – динамичность, ERG – личный префикс ряда эргатива, FUT – будущее время, IMP – императив, INC – инцептив, INV – инверсив, IO – не прямой объект, IPF – имперфектив, LOC – локативный преверб, OBL – косвенный падеж, PL – множественное число, POSS – посессивность, PR – посессор, PST – прошедшее время, Q – вопросительность, REC – реципрок, REL.TEMP – темпоральная релятивизация, SG – единственное число.

Литература

1. Аркадьев П.М., Летучий А.Б., Сумбатова Н.Р., Тестелец Я.Г. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Я.Г. Тестелец (отв. ред.). М.: РГГУ, 2009, с. 17–121.
2. Аркадьев П.М., Тестелец Я.Г. О трех чередованиях в адыгейском // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Я.Г. Тестелец (отв. ред.). М.: РГГУ, 2009, с. 121–146.
3. Кибрик А.А. Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе // Вестник Московского университета, серия 9, филология, 1997, № 4, с. 94–105.
4. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971.
5. Кумахов М.А., К. Вамлинг. Эргативность в черкесских языках. Malmö: IMER, 2006.
6. Летучий А.Б. Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Я.Г. Тестелец (отв. ред.). М.: РГГУ, 2009, с. 329–372.
7. Ломизе Г.Е. Инверсив в уляпском говоре кабардино-черкесского языка. Дипломная работа. М., РГГУ, 2013.
8. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
9. Фёдорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса. М.: Языки славянских культур, 2014.
10. Bickel B. & J. Nichols. Inflectional morphology // Language typology and syntactic description, Vol. 3. Grammatical categories and the lexicon (Revised second edition) / T. Shopen (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007, p. 169–240.
11. Comrie B. Inverse verb forms in Siberia: Evidence from Chukchee, Koryak and Kamchadal // Folia Linguistica 1980, I/1, p. 61–74.
12. Klaiman M.H. Inverse languages // Lingua 1992, 88 (3/4), p. 227–261.
13. Zúñiga F. Deixis and alignment. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2006.

И.В. Саркисов

**Особенности некоторых показателей сочинения
в бжедугском диалекте адыгейского языка**

1. Введение

Настоящее исследование посвящено некоторым примечательным особенностям сочинения и, отчасти, подчинения (как будет показано ниже, граница между ними не всегда очевидна) в малоизученном бжедугском диалекте адыгейского языка¹. В рамках адыгovedения морфосинтаксическое поведение сочинительных и подчинительных конструкций наиболее подробно изучено для литературного языка [Рогава, Керашева 1966: 402–408, 433–438] и наиболее близкого ему темиргоевского [Ершова 2010]. В данной работе мы демонстрируем, что, с одной стороны, выражение сочинения и подчинения в темиргоевском и бжедугском диалектах имеет много общего, но с другой – рассматриваемые конструкции в бжедугском диалекте обладают рядом интересных особенностей.

Это особенно хорошо заметно на примере именного сочинительного показателя *-re* и сочинительно-подчинительного показателя *-m-jə*.

2. Особенности показателя *-re*

Суффикс *-re* наряду с суффиксом *-jə*, является основным способом выражения именного сочинения в темиргоевском диалекте адыгейского языка [Рогава, Керашева 1996: 402–404]. Показатель *-re* является парным, то есть маркирует каждый элемент внутри сочинительной конструкции, как это видно из примера (1) [Ершова 2011: 197].

Темиргоевский диалект [Ершова 2011: 197]:

- 1) *č'ale-re* *pšaše-re* *c'wəmpre* *a-šxə-š'tə-ve*
юноша-COORD девушка-COORD клубника 3PL-есть-IPF-PST
'Некие юноша и девушка ели клубнику'.

Прежде чем говорить об употреблении суффикса *-re* в сочетании с падежными показателями, необходимо сказать несколько слов о падежной системе адыгейского языка (подробнее об этом см. [Зекох 1969], [Аркадьев и др. 2009: 51–55] и [Кумахов, Вамлинг 2006: 18–36]).

Адыгейский является языком эргативного строя, то есть дополнение переходного глагола маркируется в нем также, как подлежащее непереходного

¹ Материал собран в ходе экспедиции РГГУ и НИУ ВШЭ в июле 2014 года в ауле Небукай Теучежского района республики Адыгея.

глагола (подробнее об эргативности в адыгейском см. [Кумахов, Вамлинг 2006]). В нем различаются два основных падежа: абсолютный (маркируется суффиксом *-r* в темиргоевском и *-(e)r* в бжедугском) и косвенный (маркируется суффиксом *-m* с рядом алломорфов), иногда называемые также, соответственно, именительным и эргативным [Аркадьев 2014: 553]. Наряду с ними существуют два периферийных падежа: инструменталис (творительный) и адвербиалис (превратительный) [Рогава, Керашева 1966: 61; Аркадьев и др. 2009: 51–55]. При этом прямым и косвенным падежами маркируются только определенные существительные, следовательно, соответствующие падежные показатели выступают и как маркеры определенности [Аркадьев 2014: 555] (подробнее см., например, [Кумахов 1971: 36–40]).

Суффикс *-re* может присоединяться как к определенным, так и к неопределенным существительным в любом числе и любой синтаксической роли, следуя за падежным показателем [Ершова 2010: 199]. При этом он обладает одной важной особенностью: если *-re* употребляется с определенным существительным, то это существительное маркируется косвенным падежом вне зависимости от своей синтаксической роли. Это наглядно проявляется в примерах (2) и (3). В описываемой ситуации существительные «юноши» и «девушки» являются актантами непереходного глагола и, следовательно, должны быть маркированы абсолютивом. Когда в качестве показателя именного соединительного сочинения используется суффикс *-jə*, не требующий никаких изменений в падежном оформлении соединяемых существительных, оба имени маркированы показателем абсолютива *-r*, пример (2). Однако если для выражения соединительного сочинения используется суффикс *-re*, то актанты непереходного глагола, несмотря на свою синтаксическую роль маркируются косвенным падежом, пример (3).

Темиргоевский диалект [Ершова 2010: 198–199]:

- (2) č'ale-xe-r-jə pšaše-xe-r-jə š'agwə-m
 юноша-PL-ABS-ADD девушка-PL-ABS-ADD двор-OBL
 qə-š'ə-š'we-š'tə-ke-x.

DIR-LOC-танцевать-IPF-PST-PL

‘И юноши, и девушки танцевали во дворе’

- (3) č'ale-xe-m-re pšaše-xe-m-re š'agwə-m
 юноша-PL-OBL-COORD девушка-PL-OBL-COORD двор-OBL
 qə-š'ə-š'we-š'tə-ke-x.

DIR-LOC-танцевать-IPF-PST-PL

‘И юноши, и девушки танцевали во дворе’

В бжедугском
 Возможно, здесь
 как в последне
 носители бжедугск
 с -jə. Однако в
 у него в темир
 льными данный су
 -m и образует с
 меры (4) и (5).
 č'ale-me
 парень-OBL+COO
 ‘Парень и девуш
 č'ale-xe-me
 парень-PL-OBL+CO
 ‘Парни и девушки

И.В. Саркисов

обучается игре на адыгейской гармонике.

Фото Ю.А. Ландера

В бжедугском диалекте показатель *-re* употребляется также очень широко. Возможно, здесь он играет даже более важную роль, чем в темиргоевском, так как в последнем основным сочинительным показателем считается *-jə*, а носители бжедугского диалекта порождали конструкции с *-re* чаще и охотнее, чем с *-jə*. Однако в бжедугском суффикс *-re* обладает свойством, отсутствующим у него в темиргоевском: при употреблении с определенными существительными данный суффикс чаще всего сливается с показателем косвенного падежа *-m* и образует с ним единую портманто-морфему *-me* (OBL + COORD), см. примеры (4) и (5).

- (4) $\check{c}'ale-me$ $p\check{s}a\check{s}e-me$ $qa-\check{s}^we-x.$
 парень-OBL+COORD девушка-OBL+COORD DIR-танцевать-PL
 'Парень и девушка танцуют'.

- (5) $\check{c}'ale-xe-me$ $p\check{s}a\check{s}e-xe-me$ $c^w\check{a}mpe$ $a-\check{s}k\check{a}.$
 парень-PL-OBL+COORD девушка-PL-OBL+COORD клубника 3PL.ERG-есть
 'Парни и девушки едят клубнику'.

Предложения вроде тех, которые представлены в примерах (4) и (5), на первый взгляд, дают основания предположить, что показатель *-me* является самостоятельной морфемой для выражения сочинения, не связанной с *-m* и *-re* и встречающейся только в бжедугском диалекте. Однако против этой гипотезы свидетельствуют два факта. Во-первых, опрошенные нами носители бжедугского диалекта практически не употребляют формы с *-m-re*, называя их «книжными» или «темиргоевскими». Во-вторых, что особенно важно, они считают недопустимым употребление *-me* после показателя абсолютива *-(e)r*, которое, скорее всего, должно было бы иметь место, если бы показатель *-me* действительно был бы самостоятельной морфемой, ср. пример (6).

- (6) *č'ale-r-me pšaše-r-me qa-š^we-x.
 *парень-ABS-COORD девушка-ABS-COORD DIR-танцевать-PL
 'Парень и девушка танцуют.'

Таким образом, бжедугское именное сочинение во многом близко темиргоевскому, но и имеет определенные отличия от него. Показатель *-re*, встречающийся в темиргоевском реже, чем *-ja*, в бжедугском, по-видимому, является основным показателем именного сочинения. Также как и в темиргоевском, он всегда требует оформления определенного существительного показателем косвенного падежа, однако, в отличие от темиргоевского, в бжедугском он сливается с ним в единую портманто-морфему *-me*.

3. Особенности показателя *-mja*

Показатель *-mja* состоит из двух морфем: показателя условного наклонения глагола (кондиционала) *-me* и уже упоминавшегося показателя сочинения (аддитивности) *-ja*, однако функционирует как единая морфема, то есть обладает своим собственным значением, не в полной мере являющимся композицией значений его составных частей [Рогава, Керашева 1966: 178–179]. Основное значение этого показателя – выражение уступительности. Уступительные конструкции в языках мира обычно описывают две ситуации, одна из которых мешает наступлению другой [Храковский 2004: 9–11]. В русском языке уступительность обычно выражается союзом *хотя*. В такой функции в темиргоевском диалекте и выступает показатель *-mja*, являясь в нем основным и наиболее нейтральным (не имеющим дополнительных, например, видо-временных значений) показателем уступительности [Кузнецова 2009: 300], ср. пример (7).

- Литературный адыгейский [Рогава, Керашева 1966: 178–179]:
 (7) Хъбарым зэхъоклыгъэ зэрэфашы- рэ къашлэ-м-и, агуклэ ыгъатхъэхэу
 едэлущтыгъэх.

хебарə-m zeχ^weç'əke zere-f-a-şə-re
 новость-OBL изменение REL.FCT-BEN-3PL.ERG-делать-DYN
 q-a-şə-m-jə
 DIR-3PL.ERG-знать-COND-ADD
 a-g^w-ç'e ə-ka-tχe-x-ew
 3PL.PR-сердце-INS 3SG.ERG-CAUS-благоденствовать-PL-ADV
 je-de?wə-š'tə-ke-x
 DAT-слушать-IPF-PST-PL

‘Хотя и догадывались, что он вносит изменение в рассказ, но им приятно было это слушать.’

В бжедугском диалекте показатель *-m-jə*, судя по результатам опроса носителей, встречается также достаточно часто, однако здесь он скорее всего выражает значение условности, так как носители предпочитают переводить его на русский язык словом *если*, ср. пример (8).

- (8) ç'ale-r qa-ş^we-m-jə, pšaşe-r wered
 парень-ABS DIR-танцевать-COND-ADD девушка-ABS песня
 q-j-e-?wə.
 DIR-3SG.ERG-DYN-говорить
 ‘Если мальчик танцует, девочка поет.’

Маркирование придаточного условия является в адыгейском языке основной, но не единственной функцией показателя *-m-jə*. Данный показатель также имеет некоторые вторичные значения: *-m-jə* может выступать в роли показателя косвенного вопроса, то есть в роли, аналогичной русской вопросительной частице *ли*, которой обычно и переводится. В таком значении показатель выступает как в темиргоевском (пример (9)) [Аркадьев и др. 2009: 95–96] (см. также [Сердобольская, Мотлохов 2009]), так и в бжедугском диалектах (примеры (10)–(11)).

- Темиргоевский диалект [Аркадьев и др. 2009: 95–96]:
 (9) ç'ale-m ə-şə-r-ep pšaşe-r me-čəje-m-jə
 парень-OBL 3SG.ERG-знать-DYN-NEG девушка-ABS DYN-спать-COND-ADD
 ‘Парень не знает, спит ли девушка.’

Бжедугский диалект:

- (10) se s-še-r-ep^h a-r qa-š^we-m-jə.
 я 1SG.ERG-знать-DYN-NEG этот-ABS DIR-танцевать-COND-ADD
 'Я не знаю, танцует ли он.'
- (11) s-še-r-ep^h qa-š^we-r-er č'ale-m-jə.
 1SG.ERG-знать-DYN-NEG DIR-танцевать-DYN-ABS парень-COND-ADD
 'Я не знаю, мальчик ли (тот, кто) танцует.'

Употребление показателя кондиционала в таком значении находит параллели в некоторых европейских языках, например, английском и испанском.² Однако, в отличие от английского и испанского показателей, бжедугский суффикс *-m-jə* проявляет гораздо более явную тенденцию к выражению значения разделительного сочинения. В случае, когда придаточных несколько, он совмещает в себе значения показателя косвенного вопроса и разделительного союза, то есть союза, аналогичного по значению английскому *or* [Haspelmath 2004: 20, 42] и, соответственно, русскому *или*, которым он нередко и переводится в таких ситуациях, см. пример (12).

- (12) se s-še-r-ep^h a-r qa-š^we-m-jə,
 ■ 1SG.ERG-знать-DYN-NEG тот-ABS DIR-танцевать-COND-ADD
 wered q-je[?]w-e-m-jə.
 песня DIR-3SG.ERG-DYN-петь-COND-ADD
 'Я не знаю, танцует (ли) он или поет.'

Здесь необходимо отметить, что для выражения разделительного сочинения в адыгейском языке существует специальный союз *je* (аналог русского *или*). Он, по-видимому, не имеет каких-либо иных значений. В большинстве случаев разделительное сочинение между клаузами и именными группами маркируется именно им, ср. примеры (13)–(14).

² Английский союз *if*, основной функцией которого является обозначение условия, также часто может выступать как союз, подчиняющий общий косвенный вопрос. Правила его употребления при этом напоминают правила использования *-m-jə*. Например, пример (10) может быть переведен на английский абсолютно дословно: *I don't know if he is dancing*. Точно такая конструкция возможна и в испанском: *No se, si balla*.

- (13) je č'ale-m je pšaše-m c'wəmpə j-e-škə.
или парень-OBL или девушка-OBL клубника 3SG.ERG-DYN-есть
'Или мальчик или девочка ест клубнику.'

- (14) je č'elejež'aq'e-r školə-m qa-ḱ'e-n
или ученик-ABS школа-OBL DIR-приходить-POT
je č'elejejevaž'e-m jane-jate-me qa-fə-t'hje-we-n.
или учитель-OBL отец-мать-OBL.PL DIR-BEN-LOC-звонить-POT
'Ученик придет в школу или учительница позвонит родителям.'

Однако некоторые носители также допускают употребление *-m-jə* в качестве показателя разделительного сочинения в контексте, абсолютно аналогичном *je*, ср. примеры (15)–(16). Важно отметить, что в примере (15) суффикс *-m* является именно показателем условия, а не косвенного падежа, так как в данном случае подразумевались нереферентные участники.

- (15) č'ale-m-jə pšaše-m-jə c'wəmpə j-e-škə.
парень-COND-ADD девушка-COND-ADD клубника 3SG.LRG-DYN-есть
'Или мальчик, или девочка ест клубнику.'

- (16) č'ale-m məʔerəse-m-jə q'əž-m-jə j-e-škə.
парень-OBL яблоко-COND-ADD груша-COND-ADD 3SG.ERG-DYN-есть
'Парень ест яблоки или груши.'

Использование *-m-jə* в роли маркера разделительного сочинения сильно ограничено. При этом все опрошенные носители воспринимают границы его употребления по-разному. Большинство вообще не считают допустимым использование *-m-jə* в качестве разделительного показателя и воспринимают предложения вроде (15) и (16) и аналогичные им как неграмматичные. Небольшое число носителей считает подобные конструкции все-таки допустимыми, но лишь в определенном контексте. Например, одна информантка сочла возможным употребление *-m-jə* в роли разделительного показателя только в том случае, если описываемая ситуация происходит в будущем, ср. пример (17).

- (17) č'ale-m-jə pšaše-m-jə qa-š'we-t
парень-COND-ADD девушка-COND-ADD DIR-танцевать-FUT
'Мальчик или девочка будут танцевать.'

В то же время, один из наших информантов, по-видимому, даже воспринимал *-m-jə* как основной показатель разделительного сочинения и предпочитал конструкции с ним конструкциям с союзом *je* в независимости от контекста (например, в примере (18)).

- (18) *č'ale-m-jə* *pšaše-m-jə* *qa-šwe*
 парень-COND-ADD девушка-COND-ADD DIR-танцевать
 'Мальчик или девочка танцуют.'

Тем не менее пример (19) не считал допустимым ни один из информантов. Это могло бы объясняться определенной странностью подобного предложения и трудностью представить контекст, в котором оно было бы возможно. Однако абсолютно аналогичный ему по смыслу пример (20) с союзом *je* почти все опрошенные носители сочли допустимым. Это свидетельствует в пользу того, что недопустимость конструкций типа (19) объясняется скорее существенной ограниченностью употребления *-m-jə* в роли разделительного показателя, чем их семантикой.

- (19) **a-r* *č'ale-m-jə* *pšaše-m-jə*.
 тот-ABS парень-COND-ADD девушка-COND-ADD
 'Это мальчик или девочка.'

- (20) *a-r* *je* *č'ale* *je* *pšaše*.
 тот-ABS или парень или девушка
 'Это мальчик или девочка.'

Таким образом, составная морфема *-m-jə* в бжедугском диалекте адыгейского языка, первоначально являющаяся показателем уступительности и условия, имеет явную тенденцию к выражению разделительного сочинения. Однако границы ее употребления в этой роли остаются неопределенными. Возможно, в настоящее время ее функции находятся в стадии сильного изменения и еще не до конца устоялись.

4. Заключение

Коротко обобщая результаты исследования, можно сказать, что сочинение и подчинение в бжедугском диалекте, в целом, очень близки темиргоевским. Все бжедугские сочинительные и подчинительные показатели имеют эквиваленты в темиргоевском, а контекст и правила их употребления чаще всего

совпадают. В то же время, на примере показателей *-re* и *-m-jə* хорошо видны и определенные различия между диалектами, проявляющиеся как в морфологических особенностях этих показателей (слияние *-re* с показателем косвенного падежа *-m* в единую портманто-морфему), так и в выражаемом значении (использование *-m-jə* в качестве маркера разделительного сочинения). Эти данные имеют значение как для сравнительного описания различных диалектов адыгейского языка, так и для общей типологии.

Литература

Аркадьев П.М. О некоторых особенностях склонения в адыгских языках // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб, 2014. С. 552–563.

Аркадьев П.М., Ландер Ю.А., Летучий А.Б., Сумбатова Н.Р., Тестелец Я.Г. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Аспекты полисинтезизма: очерки по грамматике адыгейского языка. Москва, 2009. С. 17–121.

Ершова К.А. Именные сочинительные конструкции и групповое оформление в адыгейском языке // Полевые исследования студентов РГГУ. Выпуск VI. Москва, 2011. С. 195–208.

Зекох У.С. Система склонения адыгейского языка. Майкоп, 1969.

Кузнецова Ю.Л. Модальность в адыгейском языке // Аспекты полисинтезизма: очерки по грамматике адыгейского языка. Москва, 2009. С. 287–329.

Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. Москва, 1971.

Кумахов М.А., Вамлинг К. Эргативность в черкесских языках. Москва-Мальмё, 2006.

Рогова Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Майкоп-Краснодар, 1966.

Сердобольская Н.В., Мотлохов А.В. Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке // Аспекты полисинтезизма: очерки по грамматике адыгейского языка. Москва, 2009. С. 498–559.

Храковский В.С. (отв. ред.). Типология уступительных конструкций. Санкт-Петербург, «Наука», 2004.

Haspelmath M. Coordinating constructions: An overview // M. Haspelmath (ed.), *Coordinating Constructions*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2004, pp. 3–39.

М.А. Тюренкова

Категория неотторжимой принадлежности в бжедугском диалекте адыгейского языка

1. Введение

Противопоставление отношений отторжимой и неотторжимой принадлежности лежит в семантической зоне посессивности. Базовым значением этой грамматической категории является отношение обладания, однако она выражает также и другие типы отношений между объектами (отношения между частью и целым, отношения родства), и потому значение посессивности в широком смысле – это «максимально общее отношение одного объекта к другому» [Плунгян 2011: 238].

Согласно [Nichols 1988, 1992], к категории неотторжимой принадлежности корректнее подходить не с семантической, а со структурной точки зрения: «Термин «неотторжимый» отсылает не к семантической постоянной, связанной с характером обладания, а к некоторому множеству существительных, которые маркируются неотторжимыми показателями в данном языке» [Nichols 1992: 117] (перевод наш – М. Т.). В разных языках ядром множества неотторжимых имён, закрытого и часто небольшого, оказываются термины родства и/или части тела; кроме того, в это множество также могут быть включены существительные, обозначающие часть целого, некоторые «базовые объекты» (одежда, «дом» и пр.), а также такие слова, как «имя» [там же: 119–120].

Грамматическое противопоставление отторжимой и неотторжимой принадлежности является ареальной чертой: больше всего оно распространено в языках Океании, несколько меньше – в языках Америки и менее всего – в языках Евразии и Африки [там же: 122–123]. Одной из географических зон Евразии, где распространена категория неотторжимой принадлежности, является Кавказ: согласно [Журинская 1977: 248], эта категория присутствует в хиналугском, будухском, а также адыгейском языке, о котором пойдёт речь в настоящей работе.

Материалом для исследования послужили данные бжедугского диалекта адыгейского языка, собранные в июле 2014 года в ходе совместной лингвистической экспедиции РГГУ и НИУ ВШЭ в аул Вочепший Теучежского района Республики Адыгея.

Бжедугский диалект является одним из четырёх диалектов, которыми представлен адыгейский язык. Носители бжедугского диалекта – бжедуги – в настоящее время населяют низовья реки Пшиш и Псекупс.

Одной из важнейших особенностей бжедугского, а также шапсугского диалектов является архаичность системы консонантизма: в этих диалектах сохранилось систематическое противопоставление глухих придыхательных и

льных непридыхате
2004: 31]. Это проти
адыгейском диалекта
«сильный непри
Тюренкова и др. 2009: 2

Как и в литерату
грамматическое проти
ности (в литературе и
енная» и «органическ
«отчуждаемая» и «н

Двум разным ти
те модели, которые
ака» посессивные фор
анием посессивного
образует посессивные
авный префикс отсут
няется непосредстве

Неотторжимая

пәбе 'живот'

sə-pəbe

1SG.PR-живот
'мой живот'

wə-pəbe

2SG.PR-живот
'твой живот'

ə-pəbe

3SG.PR-живот
'его живот'

tə-pəbe

1PL.PR-живот
'наш живот'

ʃ^wə-pəbe

2PL.PR-живот
'ваш живот'

a-pəbe

3PL.PR-живот
'их живот'

Таблица 1. Морфологичес

сильных непридыхательных (преруптивных) смычных согласных [Ситимова 2004: 31]. Это противопоставление практически утрачено в темиргоевском и абадзехском диалектах, а также в литературном адыгейском языке: в них признак «сильный непридыхательный» сохранили только увулярные согласные [Аркадьев и др. 2009: 22].

Как и в литературном адыгейском языке, в бжедугском диалекте имеется грамматическое противопоставление отторжимой и неотторжимой принадлежности (в литературе используются также термины, соответственно, «вещественная» и «органическая» [Рогава 1980], [Рогава, Керашева 1966: 68–71], а также «отчуждаемая» и «неотчуждаемая» [Кумахов 1971: 47]).

Двум разным типам принадлежности соответствуют две морфологические модели, которые приведены в Таблице 1. Так, от существительного *he* ‘собака’ посессивные формы образуются по отторжимой модели (т.е. с использованием посессивного префикса *-jə-*), тогда как существительное *nəbe* ‘живот’ образует посессивные формы по неотторжимой модели (в этих формах посессивный префикс отсутствует и лично-числовой показатель посессора присоединяется непосредственно к основе).

Неотторжимая модель	Отторжимая модель
<i>nəbe</i> ‘живот’	<i>he</i> ‘собака’
<i>sə-nəbe</i> 1SG.PR-живот ‘мой живот’	<i>s-jə-h(e)</i> 1SG.PR-POSS-собака ‘моя собака’
<i>wə-nəbe</i> 2SG.PR-живот ‘твой живот’	<i>w-jə-h(e)</i> 2SG.PR-POSS-собака ‘твоя собака’
<i>ə-nəbe</i> 3SG.PR-живот ‘его живот’	<i>Ø-jə-h(e)</i> 3SG.PR-POSS-собака ‘его собака’
<i>tə-nəbe</i> 1PL.PR-живот ‘наш живот’	<i>t-jə-h(e)</i> 1PL.PR-POSS-собака ‘наша собака’
<i>ʃʷə-nəbe</i> 2PL.PR-живот ‘ваш живот’	<i>ʃʷ-jə-h(e)</i> 2PL.PR-POSS-собака ‘ваша собака’
<i>a-nəbe</i> 3PL.PR-живот ‘их живот’	<i>ja-h(e)</i> 3PL.PR + POSS-собака ‘их собака’

Таблица 1. Морфологические модели отторжимой и неотторжимой принадлежности

М.А. Тюренкова и С.С. Хут за работой. Фото М.А. Аксеновой

Как это свойственно и другим языкам с противопоставлением отторжимой и неотторжимой принадлежности (см. выше), термин «неотторжимый» в адыгейском языке отсылает не к характеру обладания, а к определённому подмножеству существительных, которые при образовании посессивных форм используют неотторжимую модель.

Согласно исследованию [Горбунова 2009], посвящённому посессивным конструкциям в темиргоевском диалекте, архаичная неотторжимая конструкция, будучи вытесненной на периферию, продолжает использоваться лишь с двумя семантическими классами существительных: во-первых, это существительные, обозначающие части тела, во-вторых, это имена родства (а также названия частей неодушевлённых предметов – но только в том случае, если они совпадают с названиями частей тела или образованы от них). При образовании посессивных конструкций от названий покровов тела, их дефектов и физиологических выделений наблюдается большая свобода в выборе посессивной модели, а названия внутренних органов не демонстрируют единообразного поведения.

Целью нашей работы стало выяснение того, как категория неотторжимой принадлежности функционирует в бжедугском диалекте. Во-первых, мы обратимся к сходствам и различиям между темиргоевским и бжедугским диалектами в отношении выбора посессивной модели существительными различных се-

атических клас
бирают deriva
мпозиты, имею

2. Выбор по ских клас

Для начала р
принадлежности, о

Во-первых, в
тела (примеры 1
вском диалекте,

we p-šhe
ты 2SG.PR-го
'твоя голова'

s-pše
1SG.PR-шея
'моя шея'

se s-ʔe
я 1SG.PR-рук
'моя рука'

we s-ʎaq^{hw}e
ты 1SG.PR-нога
'Ты поранил мне'

mə pšaše-m
этот девушка-OBL
'у этой девушки т

a-ʃ'
тот-OBL ə-neg^w
'его лицо' 3SG.PR-л

sə-pe
1SG.PR-глаз
'мой глаз'

мантических классов. Во-вторых, исследуем, какую морфологическую модель выбирают дериваты, образованные от ряда неотторжимых существительных, и композиты, имеющие эти существительные в своём составе.

2. Выбор посессивной модели существительными разных семантических классов

Для начала рассмотрим особенности выражения категории неотторжимой принадлежности, одинаковые в темиргоевском и бжедугском диалектах.

Во-первых, в бжедугском диалекте существительные, обозначающие части тела (примеры 1–7) и имена родства (примеры 8–11), так же, как и в темиргоевском диалекте, используются с неотторжимой моделью.

- (1) we p-šhe
ты 2SG.PR-голова
'твоя голова'
- (2) s-pše
1SG.PR-шея
'моя шея'
- (3) se s-ʔe
я 1SG.PR-рука
'моя рука'
- (4) we s-ʎaq^{hwe} qe-wə-wəʔa-к.
ты 1SG.PR-нога DIR-2SG.ERG-ранить-PST
'Ты поранил мне ногу.'
- (5) mə pšaše-m ə-pč'ane psəw^{we}.
этот девушка-OBL 3SG.PR-талия тонкий
'У этой девушки тонкая талия.'
- (6) a-š' ə-neg^w
тот-OBL 3SG.PR-лицо
'его лицо'
- (7) sə-ne
1SG.PR-глаз
'мой глаз'

- (8) a-š' ə-š
 тот-OBL 3SG.PR-брат
 'его брат'
- (9) š^we š^w-šəpχ^w daxe
 вы 2PL.PR-сестра красивый
 'Ваша сестра красивая.'
- (10) p-pχ^wə ʔ^wef ə-še-g^we-r-ep^h
 2SG.PR-дочь работа 3SG.ERG-делать-пока-DYN-NEG
 'Твоя дочь пока не работает.'
- (11) s-q^we
 1SG.PR-сын
 'мой сын'

Существительные *pχ^wə* 'дочь', *q^we* 'сын' так же, как и в темиргоевском диалекте [Горбунова 2009: 156], вытесняются в речи носителей существительными *pšaše* 'девушка' и *č'ale* 'парень', которые образуют посессивные формы по отторжимой модели.

- (12) se s-jə-č'al
 я 1SG.PR-POSS-парень
 'мой сын'
- (13) a-š' jə-pšaše ʔ^wef ə-še-r-ep^h
 тот-OBL POSS-девушка работа 3SG.ERG-делать-DYN-NEG
 'Его дочь не работает.'

Второе сходство бжедугского диалекта с темиргоевским состоит в том, что названия покровов тела и их повреждений также не демонстрируют единого поведения при выборе посессивной модели: так, существительные *č'əš^we* 'кожа' и *žač'e* 'борода' (примеры 14–15) образуют посессивные формы по неотторжимой модели, существительное *p^hač'e* 'усы' (пример 16) может использовать обе модели, а *tərq^w* 'рана, шрам' (пример 17) используется только с отторжимым префиксом.

- (14) s-č'əš^we daxe
 1SG.PR-кожа красивый
 'Моя кожа красивая.'

- (15) a-š' ə-žač'
 TOT-OBL 3SG.PR-борода
 'его борода'

- (16) a. a-š' ə-p^hač'e-xe ə-wəpsə-ke-x.
 TOT-OBL 3SG.PR-усы-PL 3SG.ERG-брить-PST-PL
 b. ^{oh}a-š' jə-p^hač'e-xe ə-wəpsə-ke-x.
 TOT-OBL POSS-усы-PL 3SG.ERG-брить-PST-PL
 'Он сбрил свои усы.'

- (17) a-š' jə-tərq^w
 TOT-OBL POSS-рана
 'его рана'

Остальные особенности выражения категории неотторжимой принадлежности отличают бжедугский диалект от темиргоевского.

Во-первых, это касается названий частей неодушевлённых предметов: согласно [Горбунова 2009: 157], в темиргоевском диалекте такие имена используют неотторжимую модель только в том случае, когда они образованы от названия части тела человека или совпадают с ними, тогда как в бжедугском выполнение этого условия не является необходимым. Так, неотторжимую модель можно наблюдать как в примере (18), где для обозначения ножки стула использовано слово *laq^we* 'нога' (ср. выше то же существительное при обозначении ноги человека в примере 4), так и в примерах (19–20), где употребляются самостоятельные слова *š^wampe* 'кора' и *k^wəp^hč'* 'ствол'.

- (18) mə pɣentek^wə-m ə-laq^we
 этот стул-OBL 3SG.PR-нога
 'ножка этого стула'

- (19) ə-š^wampe ze-g^we-č'ə-ke.
 3SG.PR-кора REC.IO-LOC-выйти-PST
 'Его кора потрескалась.'

- (20) ə-k^wəp^hč' ze-pə-wətə-ɤ
 3SG.PR-ствол REC.IO-LOC-рушить-PST
 'Его ствол сломался.'

Вторая особенность, отличающая бжедугский диалект, состоит в том, что к классу существительных, которые последовательно используют неотторжимую модель, примыкают слова, обозначающие «неотъемлемые качества» (такое

название этого семантического класса имён мы находим в грамматике [Рогава, Керашева 1966: 69]) человека или предмета ('сила', 'имя', 'язык', 'цвет', 'запах' и пр., примеры 21-31).

- (21) a-š' ə-pse
 тот-OBL 3SG.PR-душа
 'его душа'
- (22) a-xe-me a-ʎeqʷaɕ
 тот-PL-OBL 3PL.PR-фамилия
 'их фамилия'
- (23) a-š' ə-ɕ
 тот-OBL 3SG.PR-ИМЯ
 'её имя'
- (24) te t-kʷaɕ
 мы 1PL.PR-сила
 'наша сила'
- (25) ə-was
 3SG.PR-цена
 'его цена'
- (26) a-xe-me a-bze
 тот-PL-OBL.PL 3SG.PR-язык
 'их язык'
- (27) sə-maɕe
 1SG.PR-голос
 'мой голос'
- (28) we wə-nəbž'
 ты 2SG.PR-возраст
 'твой возраст'
- (29) a-š' ə-šʷ
 тот-OBL 3SG.PR-цвет
 'его цвет'

(30) a-š' ə-m
 тот-OBL 3SG.PR-запах
 'его запах (о еде)'

(31) a-š' ə-šarχ
 тот-OBL 3SG.PR-вес
 'его вес'

Третье отличие касается посессивных конструкций с названиями внутренних органов человека. В отличие от темиргоевского диалекта, где названия внутренних органов не демонстрируют единообразного поведения, для бжедугского диалекта оказывается возможным проследить следующую закономерность: подавляющее большинство таких существительных носители вспоминают с большим трудом (а зачастую вместо них используют русские слова) и последовательно употребляют их с префиксами отторжимой принадлежности.

(32) a-š' jə-zez
 тот-OBL POSS-жёлчь
 'его селезёнка/его жёлчь'

(33) a-š' jə-thembəλ
 тот-OBL POSS-лёгкое
 'его лёгкие'

(34) jə-λətfə
 POSS-жила
 'его жилы'

Исключение составляют часто используемые существительные 8^а 'сердце' (последовательно оформляется по неотторжимой модели, пример 35), λə 'кровь' (оформляется по-разному разными носителями, пример 36) и lə 'мясо'/'мышцы' (образует посессивные формы по обеим моделям в зависимости от значения, примеры 37–38).

(35) se s-jane zav^{were} ə-g^w me-wəzə
 я 1SG.PR-POSS+мать иногда 3SG.PR-сердце DYN-болит
 'У моей мамы иногда болит сердце.'

- (36) a. a-š' ə-λ / *a-š' jə-λ
 тот-OBL POSS-кровь тот-OBL 3SG.PR-кровь (3 носителя)
 b. a-š' jə-λ / *a-š' ə-λ
 тот-OBL 3SG.PR-кровь тот-OBL POSS-кровь (2 носителя)
 'его кровь'

- (37) č'emə-m jə-l ʔeš'wə-ke.
 корова-OBL POSS-мясо вкусный-PST
 'Мясо коровы было вкусное.'

- (38) ɕəfə-m ə-l wəzə-ke
 человек-OBL 3SG.PR-мясо болеть-PST
 'У человека болели мышцы.'

3. Выбор посессивной модели композитами и дериватами, образованными от неотторжимых имён

Этот раздел посвящён выбору посессивной модели композитами, компонентами которых являются существительные *ʔe* 'рука', *laq'we* 'нога', *p'he* 'нос', *ne* 'глаз' и *she* 'голова', а также некоторыми дериватами, образованными от этих существительных.

Среди рассмотренных нами композитов в соответствии с их структурой и предметной отнесённостью выделяются следующие группы¹:

1. Эндоцентрические композиты (значение которых представляет собой сумму значений их компонентов). Среди наших данных встречается только структурный тип «существительное + существительное»: например, *ʔe-bžam* 'кулак' (букв. «рука-кулак», т.е. «кулак руки»). При этом стоит отметить, что во всех композитах рассматриваемые названия частей тела находятся слева и являются модификаторами.

2. Экзоцентрические композиты (понятие, выражаемое такими композитами, относится к третьему объекту и обозначает присущее этому объекту свойство). Среди наших данных встречается только структурный тип, представляющий собой глагол и инкорпорированное существительное: *thak'am-pəlh* 'серьга' (букв. «ухо-насадить», т.е. «то, что насаживают на ухо»).

Исследование выбора посессивной модели композитами и дериватами играет важную роль для выяснения вопроса о степени утраты категорией неотторжимости своей семантической природы.

¹ Об этих и остальных типах композитов и дериватов в адыгейском языке см. статью [Lander (forthcoming)].

В том случае, если свойство неотторжимости полностью утратило связь с семантикой, выбор посессивной модели дериватами от некоторого корня и композитами, в состав которых он входит, могло бы определяться не их собственной семантикой, а посессивной моделью, свойственной этому корню в самостоятельном употреблении.

При этом, во-первых, можно ожидать, что посессивная модель дериватов будет определяться свойствами той основы, от которой они были образованы, а посессивная модель композитов – их первым корнем (поскольку для адыгейского языка выбор посессивной модели означает выбор префикса). Так, к существительному *thakʷam-rəlh* ‘серьга’ (букв. «ухо-насадить») будут присоединяться неотторжимые префиксы в том случае, если на посессивную модель всего композита повлияет первый корень *thakʷam* ‘ухо’, а не семантика существительного «серьга».

Во-вторых, фактором, влияющим на выбор посессивной модели композитом, может быть наследование её не от первого корня (модификатора), а от того корня, который является вершиной этого композита. Термин «вершина» был заимствован в морфологию из синтаксиса, где он обозначает тот элемент синтаксической структуры, который доминирует над остальными элементами и определяет свойства всей структуры. Следовательно, вершиной композита считается тот элемент, который доминирует над другим элементом (или элементами) данного композита. В ряде случаев определение этого доминирующего компонента сопряжено с трудностями и зависит от того, какой из критериев выделения вершины считать основным (подробнее о выделении вершин в морфологии см., например, [Haspelmath 1992], [Zwicky 1985]), однако в простых случаях (как, например, в случае с английским композитом *ozone hole*) вершиной композита считается тот элемент, который является семантическим аргументом данного композита, определяет его синтаксические и морфологические свойства (частеречную принадлежность, грамматический род или тип склонения), имеет ту же дистрибуцию, что и весь композит, а также является его морфосинтаксическим локусом.

Примером композита, который наследует грамматический род своей вершины, может быть итальянский композит *pesce spada* ‘рыба-меч’ (букв. «меч рыба»): род этого композита определяется его вершиной, существительным мужского рода *pesce* ‘рыба’, а не существительным женского рода *spada* ‘меч’ (пример из [Arcodia 2012: 369]). Наследование композитом нерегулярного склонения от морфологической вершины можно наблюдать на примере английского существительного *school-child*. Как вершина этого композита, так и весь композит целиком образуют множественное число нерегулярным образом (*children/school-children/*school-childs*) [там же]. Возвращаясь к композитам в адыгейском языке, можно было бы ожидать того, что морфологическая верши-

на (то есть второй компонент) будет определять посессивную модель всего композита.

Таким образом, в том случае, если категория неотторжимости утратила свою семантическую природу, посессивная модель композита или деривата теоретически может определяться либо свойствами первого корня, либо свойствами его вершины.

Рассмотрим группы дериватов, образованных от существительных *thaḵʷəm* 'ухо', *ʔe* 'рука', *laqʷe* 'нога', *pʰe* 'нос', *ne* 'глаз', *ʃhe* 'голова' и композитов, в состав которых они входят.

Композит *thaḵʷəmpəlʰe* 'серьга' (букв. «ухо-насадить»), о котором шла речь выше, использует отторжимую модель, т.е. его посессивная модель определяется не свойством его левого корня *thaḵʷəm* 'ухо', а семантикой всего композита (вершина *pəlʰe* - 'насадить', как кажется, не может передавать композиту свойство отторжимости или неотторжимости, присущее именным корням):

- (39) *se s-jə-thaḵʷəm-pəlʰe daxe.*
я 1SG.PR-POSS-ухо-насадить красивый
'У меня красивые серьги.'

Композиты с существительным *ʔe* 'рука', обозначающие части тела (примеры 40–44) и часть целого (пример 45), образуют посессивные формы по неотторжимой модели. В каждом из этих случаев и семантика всего композита, и свойство левого корня *ʔe* 'рука', и свойство вершины указывают на неотторжимую модель, и потому невозможно определить, какой фактор оказывается важнее. Более показательным является существительное *ʔebasʷe* 'рукавица' (пример 46), которое образует посессивные формы по отторжимой модели в соответствии со своей семантикой, а не со свойством неотторжимого корня *ʔe* 'рука', который стоит на первом месте и мог бы определять выбор посессивного префикса.

- (40) *a-ʃ' ə-ʔe-bžəm*
тот-OBL 3SG.PR-рука-кулак
'его кулак'

- (41) *a-ʃ' ə-ʔa-pʃe ʔeχʷ daxe jə-λ.*
тот-OBL 3SG.PR-рука-шея браслет красивый LOC-лежать
'У неё на запястье красивый браслет.'

- (42) se s-ʔe-g^w-xe-ɾ
я 1SG.PR-рука-сердце-PL-ABS
'мои ладони'
- (43) ʔamjənɛt-ə ə-ʔe-bʒane-xe-ɾ daxe.
Аминет-OBL 3SG.PR-рука-ноготь-PL-ABS красивый
'У Аминет красивые ногти.'
- (44) se s-ʔe-bʒəb
я 1SG.PR-рука-горсть
'моя горсть'
- (45) a-š' jə-ʒ'ane ə-ʔe-ɰ^wap^he qə-pə-txə-ɰ.
тот-OBL POSS-рубашка 3SG.PR-рука-рукав DIR-LOC-рваться-PST
'От его рубашки оторвался рукав.'
- (46) a. se s-jə-ʔe.bəc^we-xe-ɾ leʒ'a-ke-x.
я 1SG.PR-POSS-рукавица-PL-ABS износиться-PST-PL
b. *se s-ʔe.bəc^we-xe-ɾ leʒ'a-ke-x.
я 1SG.PR-рукавица-PL-ABS износиться-PST-PL
'Мои рукавицы изнасились.'

Другое существительное, обозначающее предмет одежды, – экзоцентрический композит *leq^weješ'eč'* 'портынка' (букв. «нога-оборачивать»), который включает в себя корень *laq^we* 'нога'² и также использует отторжимую модель. В данном случае исключено влияние как первого корня *laq^we* 'нога' (поскольку в таком случае была бы использована неотторжимая модель), так и вершины *ješ'eč'* – 'оборачивать' (поскольку свойство неотторжимости может быть присуще именным корням, но не глагольным):

- (47) s-jə-leq^we-ješ'eč'-xe-ɾ
1SG.PR-POSS-нога-оборачивать-PL-ABS
'мои портынки'

² В композите *leq^weješ'eč'* используется вариант *leq^we-*, так как в данном случае отсутствуют условия для чередования /e/ ~ /a/ в последовательности /CeCe/: данное чередование происходит либо на конце словоформы, либо перед определённым рядом аффиксов; подробнее о чередовании /e/ ~ /a/ в адыгейском языке см. [Аркадьев, Тестелец 2009: 121–131].

Существительное *p^hebzəʒ'ən* 'ноздря', образованное от *p^he* 'нос', используется с неотторжимой моделью, что соответствует как семантике всего деривата, так и свойству производящей основы:

- (48) *se s-p^he.bzəʒ'ən-xe-g*
я 1SG.PR-ноздря-PL-ABS
'мои ноздри'

Композиты, включающие в себя корень *she* 'голова' и обозначающее части тела или части предмета (примеры 49–52), также образуют посессивные формы по неотторжимой модели (что соответствует как семантике самих композитов, так и свойству неотторжимости первого корня и вершин этих слов). При этом в случае с дериватом от этого же корня отторжимым существительным *shant* 'подушка' (пример 53) можно наблюдать, что выбор посессивной модели определяется семантикой всего деривата (в случае, если бы модель определялась первым корнем, она была бы неотторжимой).

- (49) *se č^he-bv^w* *me-wəzə*
я 1SG.PR+голова-сторона DYN-болеть
'У меня болит одна сторона головы.'

- (50) *se s-šha-c-xe-g*
я 1SG.PR-голова-волос-PL-ABS
'мои волосы'

- (51) *čəgə-m ə-šha-pe*
дерево-OBL 3SG.PR-голова-нос
'верхушка дерева'

- (52) *wəne-m ə-šha-ɤ* *deʒ'*
дом-OBL 3SG.PR-голова-NML около
'в верхней части дома'

- (53) *se s-jə-šhant*
я 1SG.PR-POSS-подушка
'моя подушка'

Существительное *nek*^w 'зрачок' (букв. «глаз-середина») (пример 54) также образует посессивные формы по неотторжимой модели, как того требует и семантика композита, и первый корень *ne* 'глаз', и вершина (т.е. в данном случае затруднительно определить, какой из этих факторов играет главную роль), тогда как существительное *nebzac* 'ресница' (букв. «глаз-резать-волос») (пример 55) использует отторжимую модель в соответствии со своей семантикой. Стоит отметить, что композит *nebzac* 'ресница' структурно схож с композитом *shacə* 'волосы на голове' (букв. «голова-волос») (см. выше пример 50), так как последним компонентом в них является корень *sə* 'волосы на голове', однако посессивные формы эти композиты образуют по разным моделям. При этом мы не готовы объяснять этот факт исключительно семантикой данных композитов, поскольку они оба относятся к названиям волосяных покровов, а эта группа существительных вообще не демонстрирует в бжедугском диалекте единообразного поведения при выборе посессивной модели (см. выше).

- (54) ə-ne-k^w-xe-r
3SG.PR-глаз-середина-PL-ABS
'её зрачки'

- (55) t-jə-ne-bzə-c-xe-r
1PL.PR-POSS-глаз-резать-волос-PL-ABS
'наши ресницы'

В обобщённом виде имеющиеся у нас данные о поведении композитов и дериватов при выборе посессивной модели можно представить в виде таблицы 2.

Из таблицы очевидно, что неотторжимую модель (левый столбец) используют существительные, обозначающие части тела или предметов, тогда как по отторжимой модели (правый столбец) посессивные формы образуются от имён, обозначающих одежду и украшения. Выбор посессивной модели именами из правого столбца оказывается особенно показательным: на примерах таких существительных можно видеть, что свойство неотторжимости не передаётся от корня композиту или деривату (поскольку тогда эти композиты и дериваты использовали бы неотторжимую модель), а в каждом случае определяется их собственным значением. Таким образом, стоит признать, что говорить о полной утрате категорией неотторжимости своей семантической природы преждевременно – по крайней мере, для бжедугского диалекта. Рассмотренные нами данные показывают, что архаичность, которую можно наблюдать в бже-

дугском диалекте по сравнению с литературным адыгейским языком и темир-гоевским диалектом, касается не только его фонологической системы, но и выражения грамматических категорий.

Неотторжимая модель	Отторжимая модель ³
корень - <i>thaqʷəm</i> - ‘ухо’	
	<i>s-jə-thaqʷəm-pəlʰe</i> ‘моя серьга’
корень - <i>ʔe</i> - ‘рука’	
<i>ə-ʔebʒəm</i> ‘его кулак’ <i>ə-ʔapʃe</i> ‘её запястье’ <i>s-ʔegʷəxer</i> ‘мои ладони’ <i>ə-ʔebʒanexer</i> ‘её ногти’ <i>ə-ʔekʷapʰe</i> ‘его рукав’ <i>s-ʔebʒəb</i> ‘моя горсть’	<i>s-jə-ʔebəsʷexer</i> ‘мои рукавицы’
корень - <i>laqʷe</i> - ‘нога’	
	<i>s-jə-ləqʷejeʃʰeʃʰer</i> ‘мои портянки’
корень - <i>pʰe</i> - ‘нос’	
<i>s-pʰebzəʒʰəxer</i> ‘мои ноздри’	
корень - <i>ʃhe</i> - ‘голова’	
<i>ʃhebvʷ</i> ‘моя сторона головы’ <i>s-ʃha-c-xe-r</i> ‘мои волосы’ <i>ə-ʃhapʰe</i> ‘его верхушка’ <i>ə-ʃhav</i> ‘его верхняя часть’	<i>s-jə-ʃhant</i> ‘моя подушка’
корень - <i>ne</i> - ‘глаз’	
<i>ə-nekʷ</i> ‘её зрачок’	<i>t-jə-nebzəsʷexer</i> ‘наши ресницы’

Таблица 2. Выбор посессивной модели композитами и дериватами

4. Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что выражение категории неотторжимой принадлежности в бжедугском диалекте в нескольких отношениях оказывается схожим с таковым в темиргоевском: во-первых, названия частей тела и имён родства при образовании посессивных форм также используют неотторжимую модель, во-вторых, названия покровов тела и их повреждений не демонстрируют единообразного поведения при выборе посессивной модели.

³ К сожалению, наши данные не позволяют привести равное количество примеров отторжимых и неотторжимых дериватов и композитов.

Однако при этом другие особенности выражения этой категории говорят о том, что в бжедугском диалекте она сохранилась лучше, чем в темиргоевском: по сравнению с темиргоевским бжедугский диалект пополняет класс имён, использующих неотторжимую модель, названиями частей неодушевлённых предметов и растений (вне зависимости от того, совпадают ли эти названия с названиями частей тела человека), а также названиями качеств человека или предмета.

Кроме того, на материале бжедугского диалекта можно наблюдать, что в случае с композитами и дериватами выбор посессивной модели определяется именно значением этих слов (а не свойством, приписанным корню в словаре), а это означает, что в данном случае мы имеем дело с проявлением пока ещё не полностью утраченной семантической природы этой категории.

Литература

Аркадьев и др. 2009 – Аркадьев П.М., Ландер Ю.А., Летучий А.Б., Сумбатова Н.Р., Тестелец Я.Г. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 17–120.

Аркадьев, Тестелец 2009 – Аркадьев П.М., Тестелец Я.Г. О трех чередованиях в адыгейском языке // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 121–145.

Горбунова 2009 – Горбунова И.М. Посессивные конструкции // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 146–165.

Журинская 1977 – Журинская М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке. М.: Наука, 1977. С. 194–258.

Кумахов 1971 – Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971.

Плунгян 2011 – Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Рогава, Керашева 1966 – Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Майкоп: Краснодар. кн. из-во, 1966.

Рогава 1980 – Рогава Г.В. Категория органической и вещественной принадлежности в адыгейском языке. Тбилиси: Из-во Тбил. ун-та, 1980.

Ситимова 2004 – *Ситимова С. С.* Особенности бжедугского диалекта адыгейского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Майкоп, 2004.

Arcodia 2012 – *Arcodia Giorgio F.* Constructions and headedness in derivation and compounding // *Morphology* 22 (3), 2012. P. 365–397.

Lander (forthcoming) – *Lander Yu.* Adyghe // *Word Formation. An International Handbook of the Languages of Europe. Vol. 5.* Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter.

Nichols 1988 – *Nichols J.* On alienable and inalienable possession // *In Honor of Mary Haas.* Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. P. 475–521.

Nichols 1992 – *Nichols J.* Linguistic Diversity in Space and Time. Chicago and London: University of Chicago Press, 1992.

Haspelmath 1992 – *Haspelmath M.* Grammaticization theory and heads in morphology // *Morphology Now.* Albany: State University of New York Press, 1992. P. 69–82.

Zwicky 1985 – *Zwicky A. M.* Heads // *Journal of Linguistics*, 21. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 1–29.

Е.Е. Повалихина

**Ударные гласные неверхнего подъема после палатализованных согласных
(на материале говора Бабушкинского района Вологодской области)**

Диалектологическая экспедиция Института лингвистики РГГУ в Вологодскую область проходила в рамках лингвистической практики летом 2015 года.

Целью работы является описание поведения ударных гласных неверхнего подъема после палатализованных согласных. Данный выбор обусловлен тем, что именно гласные неверхнего подъема представляют особые сложности. В частности, гласные среднего подъема имеют различное историческое происхождение. Гласная же фонема нижнего подъема, в результате упреждения после палатализованного согласного, сближается по звучанию с [э]. Далее зачастую происходит нейтрализация /а/ и /э/.

Объектом изучения является речь информантов, записанная в экспедиции 2015 г. Выбор информантов является результатом работы с большим количеством дикторов, которые записывались на протяжении двух экспедиционных сезонов (2014-2015 годов). Эти информанты наилучшим образом представляют традиционный (архаичный) слой говора.

• Н.И. Шишебаева, 1954 года рождения, уроженка деревни Стари Бабушкинского района Вологодской области. Н.И. Шишебаева закончила 9 классов и сельскохозяйственное училище по специальности ветеринар. Аудиофайл записан 25.06.2015 года. Продолжительность файла составляет 1 час 34 минуты 22 секунды.

• З.Г. Худякова, 1930 года рождения, уроженка деревни Лодочная Бабушкинского района Вологодской области, образование 4 класса. По профессии – доярка. Запись от 23.06.2015., продолжительностью 1 час 37 минут 07 секунд.

Цифровые записи представляют собой спонтанную монологическую речь информантов. Обработка материала производилась в программе акустического анализа речи «Praat». Аудиофайлы были размечены с использованием функции «Textgrid», полученные данные переведены в табличную текстовую форму.

В ходе работы решалась теоретическая проблема описания фаз гласных. Для этого требовалось разграничить понятия *дифтонг* и *дифтонгоид*. Дифтонгоидное/ дифтонгическое/ полифтонговое протекание гласного – обычное явление для говора. Уже в работе норвежского слависта О. Брока, посвященной тотемским говорам сказано, что «<...>безусловно чаще замѣчалось, какъ говору какъ будто было трудно удержать однообразную артикуляцію; гласная масса слога тогда превращалась въ рядъ переходящихъ другъ въ друга оттѣнковъ, въ родѣ болѣе или менѣе яснаго дифтонга...» [Брок 1907: 26].

Основываясь на перцептивных и экспериментальных данных, дифтонгом будут названы качественно различные фазы гласного звука, в котором они находятся в соотношении 50/50% и составляют один слог [Зиндер, 1979: 209]. Дифтонгоидом же – гласный, начинающийся или заканчивающийся глайдом, являющимся результатом аккомодации. Такова, *и-* или *е-*образная артикуляция экскурсии и рекурсии гласного в соседстве с палатализованным согласным.

Фонема /а/.

Многим русским говорам характерна нейтрализация фонем /а/ и /э/ в звуке [э] между мягкими согласными. /а/=>/э/ (C'VC'). Однако говоры, в которых это явление реализовано последовательно, не образуют сплошного ареала. Последовательно гласный [э] отмечен в слове «опять» в рязанской группе говоров, в говорах центра и северо-востока. В исследуемом говоре, который принадлежит к северо-восточной зоне отмечается колебание [э]/[а]: гр[э]зь, гул[э]ли и т.п. и гр[а]зь, гул[а]ли и т.п. [ДАРЯ: карта 40]

Так, и в нашем говоре такое чередование присутствует, но оно редко и очень непоследовательно. В частности, нейтрализация произошла в речи только одного информанта, и то, только два раза; см. рис. 1 и 2.

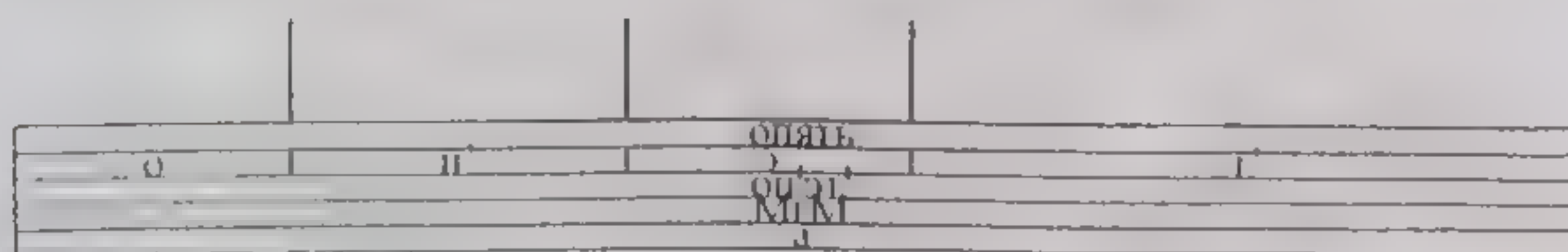
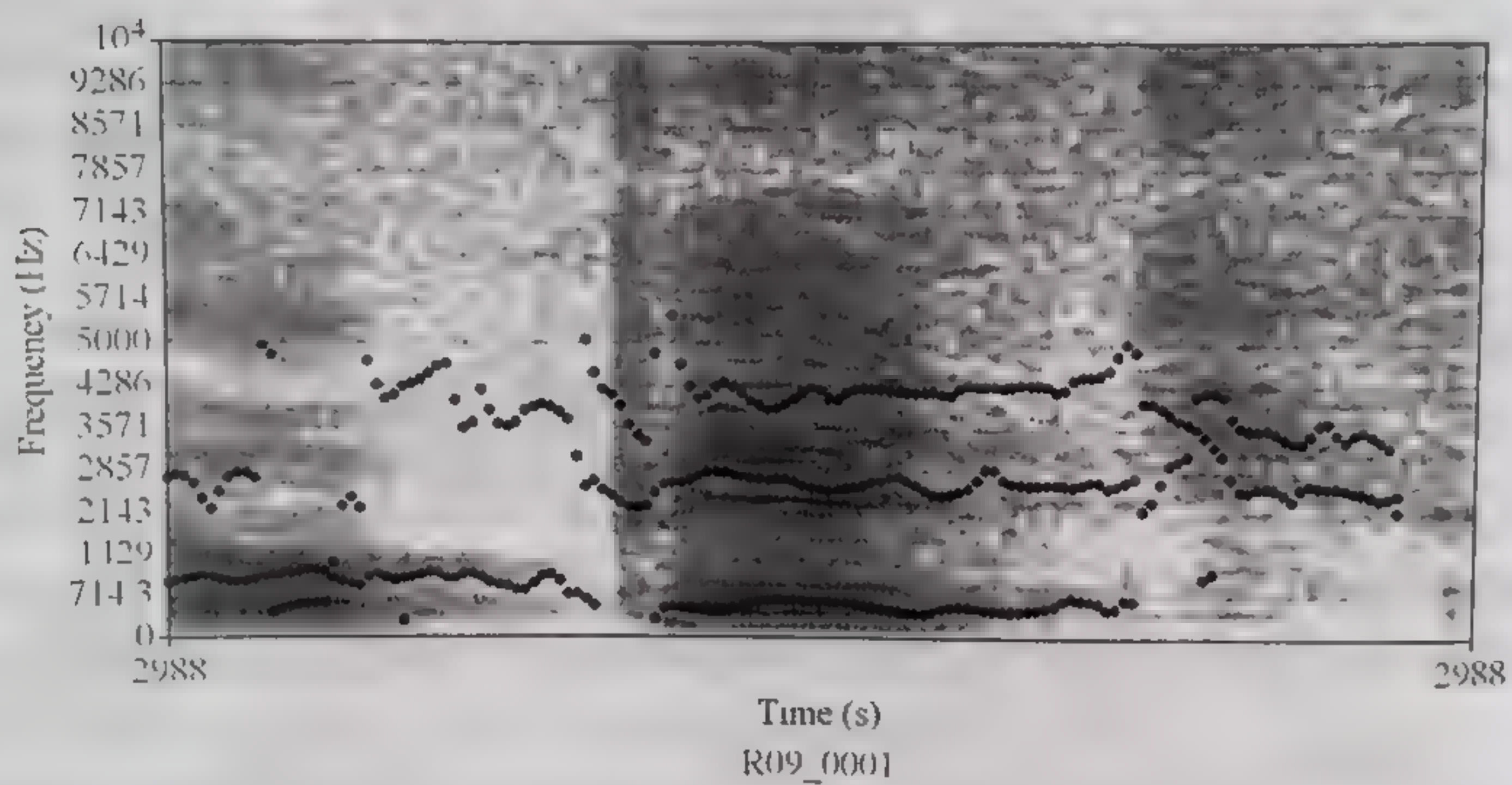
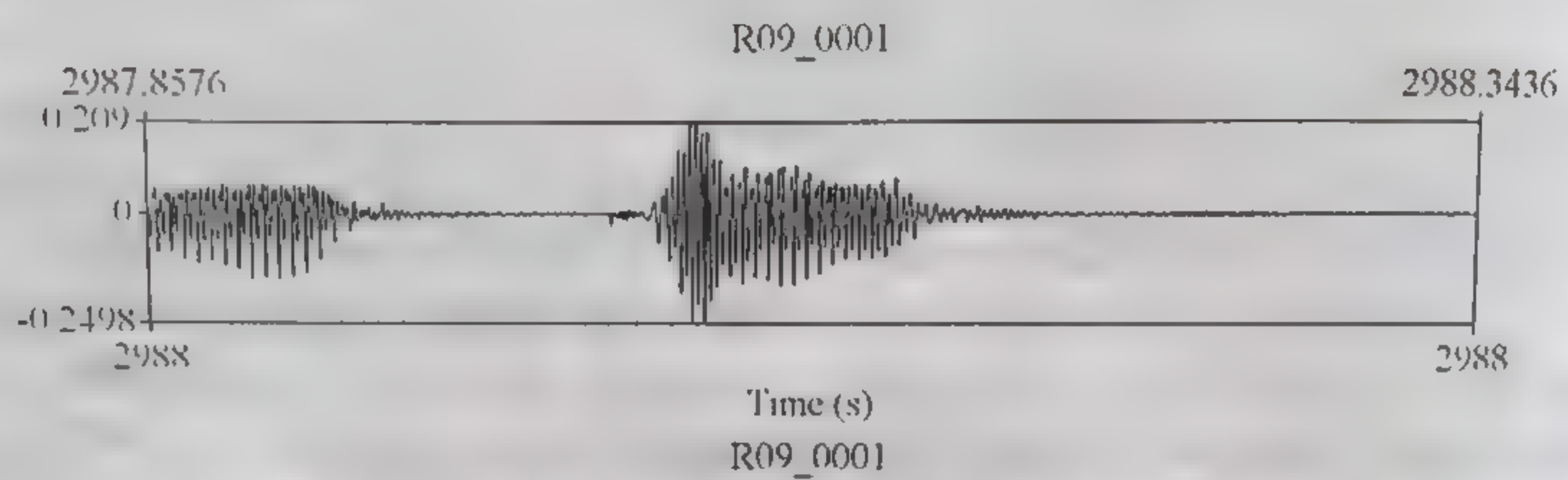

Рисунок 1.[оп'эт']

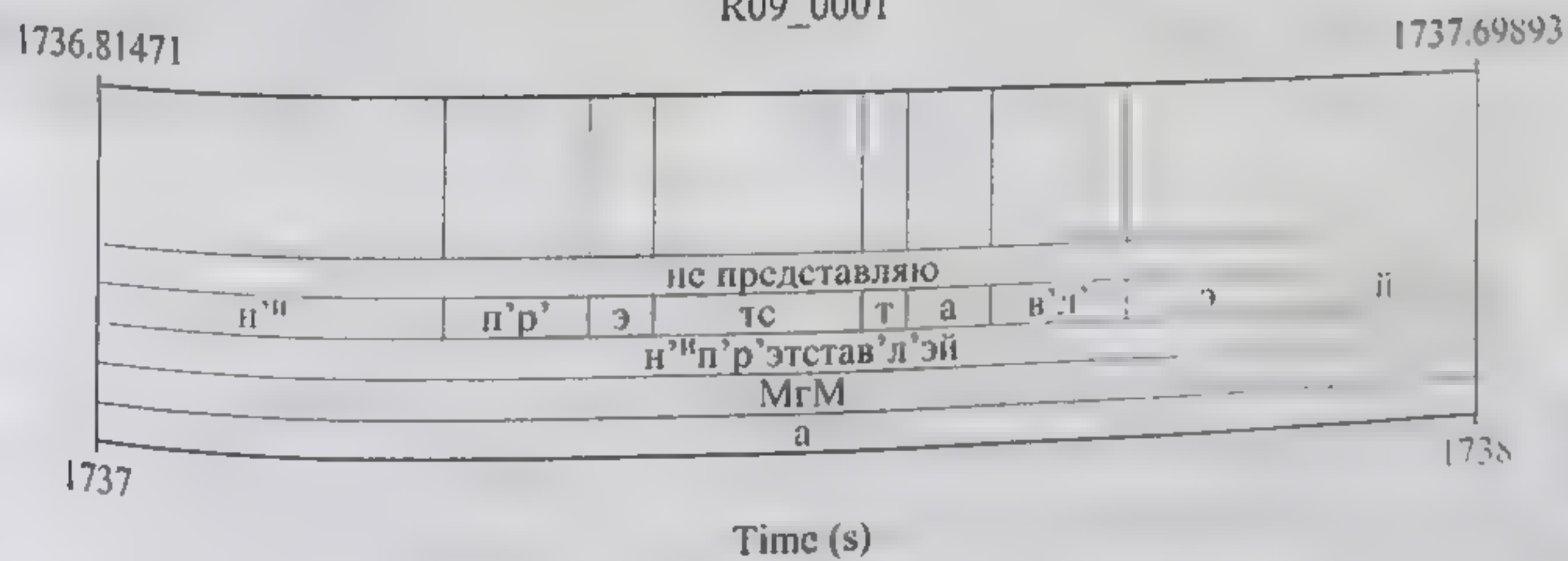
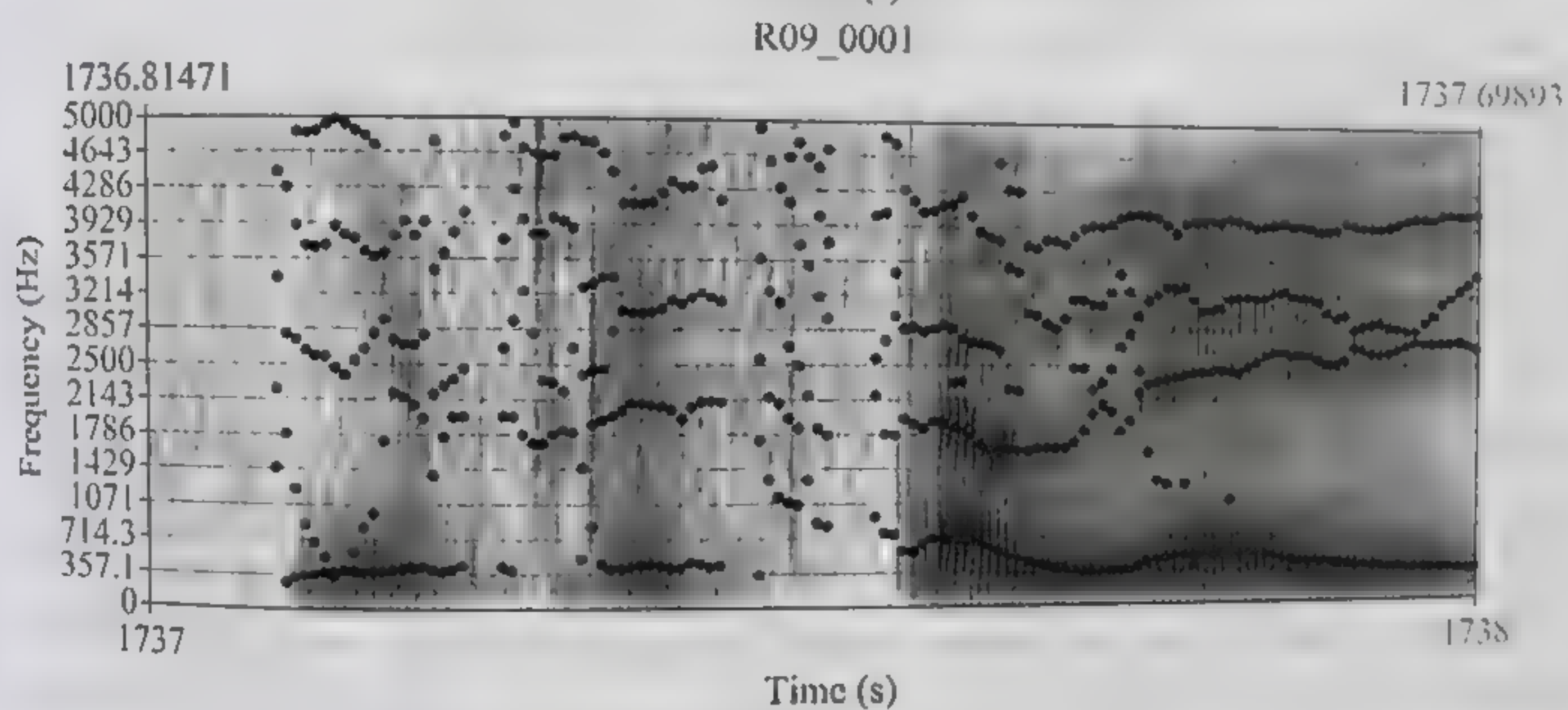
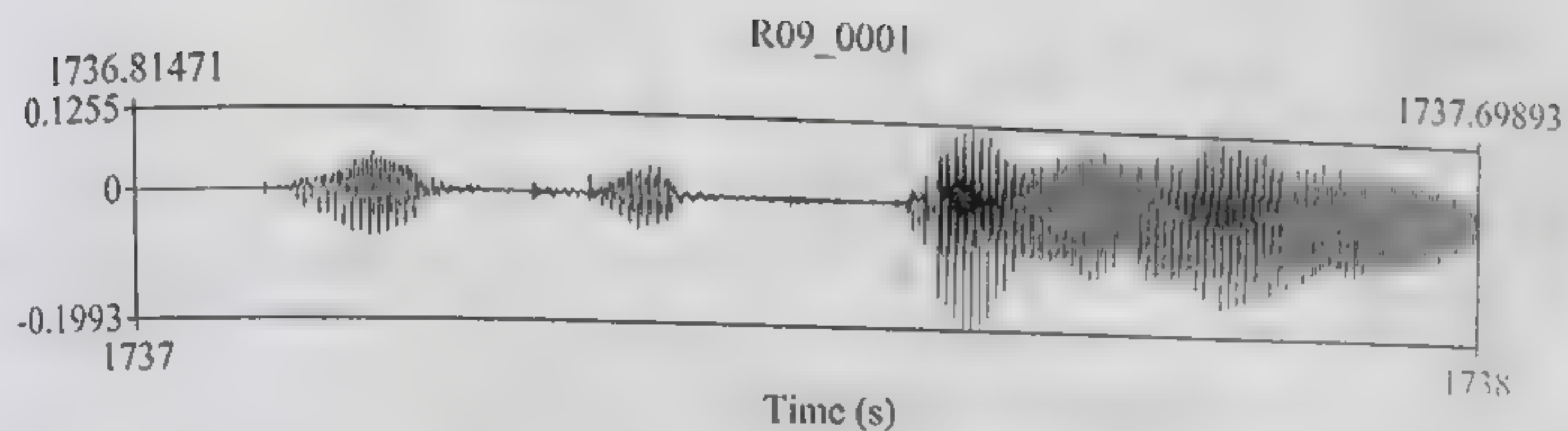

Рисунок 2. [н'ипр'этстав'л'эй]

Сорасположение ядерных частей гласных показано на формантной сетке на рисунке 3.

3000	2800	2600	2400	2200	2000	1800	1600	1400	1200	1000	800	
												200
												300
												400
												500
												600
												700
												800
												900
												1000
												1100

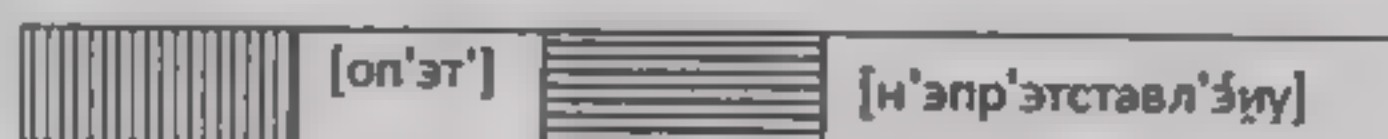

Рисунок 3. Формантные значения ударных гласных в словах [оп'эт'] и [н'эпр'этставл'эиу]¹

Во всех остальных случаях фонема /а/ представлена дифтонгоидом [ʲа̃]. Например, следующие словоформы: п'а̃ (2), ш'эз'гр'а̃доқ, гр'а̃тк'и, хот'а̃т, с'эб'а̃, д'эв'а̃таиқ (3), ум'а̃, навар'а̃т, фстар'а̃х, ф'с'а̃қа, н'а̃том, порос'а̃та, говор'а̃т, н'энац'исл'а̃ла, т'эл'а̃т, выц'ис'та̃т, зас'а̃дут, иод'эја̃ла, од'эја̃лом, м'а̃со, д'а̃, пр'а̃ма, н'эм'а̃таиқ, процэд'а̃т, н'ја̃ныцз, н'а̃т'гэдд'оф, гул'а̃н'иэ, вс'а̃к'им, двацат'н'а̃т', фставл'а̃иут, настоја̃иша, нав'а̃жут, гор'а̃чэц, зав'а̃жут, порос'а̃т, порос'а̃та, порос'а̃:та, говор'а̃т, стойа̃т, д'эв'а̃тый, д'эв'а̃това, доја̃рк'и, т'эл'а̃:та, р'а̃дом, м'а̃та, пр'ив'а̃зват', накорн'а̃х, заготовл'а̃л'и, оп'а̃т' (4), с'эл'скохоз'а̃иств'эном, угон'а̃иут, фхоз'а̃иств'э, н'а̃т', гул'а̃т', стоја̃т' (2), пров'эр'а̃л'и, пон'а̃т'ицэ, св'а̃жэм, пр'ив'а̃жэш, нав'а̃жым.²

Фонема /э/.

В исследуемом говоре не различаются /е/ и /ё/. Гласные под ударением после мягких согласных не отличаются друг от друга, в зависимости от происхождения. Гласные на месте «не-ё» и на месте этимологического *ё представ-

¹ О методике представления данных в виде формантных сеток см. [Бондарко 1981: 162-163]. Вкратце можно сказать, что здесь расположены частоты F1 на оси по вертикали, а частоты F2 на оси по горизонтали. Таким образом, на формантной сетке представлено «пространство артикуляционного тракта в привычных координатах треугольника гласного» [Исаев 2011:217].

² В транскрипции [а̃]=[ʲа̃]. Цифрами в скобках обозначено количество вхождений в текст.

лены в говоре звуками: [е] закрытый [е̞], дифтонги [иэ] и [э̞э], дифтонгоид [и̞э̞], [и] как перед мягкими согласными, так и перед твердыми.

Высокая вариативность также показана на карте 40 первого тома ДАРЯ.

Реализация гласных на месте *ѣ:

[э]: в'р'экаx н'эс'н'а, ч'элов'эка фс'л'эдушэц им'эдов'этку в'эт', посл'эдн'иц, ум'эл'и, зал'эз'эш

[э̞]: в'эк, пријэд'эт, м'эс'ацэ, вс'эх, крас'ив'эцэ

[иэ]: вл'иэс, с'иэнэ, д'иэт'и

[э̞э]: д'э̞лат', фс'э̞эх (2), н'эсофс'э̞эм, с'в'э̞ту, м'э̞ра, з'д'э̞лал'и, см'э̞л'ут, н'эсм'э̞р'ат, см'э̞р'эла, н'э̞л'и, з'д'э̞с'

[и̞э̞]: б'и̞э̞дна ј'и̞с', хл'и̞н отд'и̞л'на, од'и̞н'ица

[и]: чилов'и'ка б'и'гаи (бегаешь), н'и'с'н'и, м'и'у нагр'и'иут, н'эр'эм'и'р'алаја (перемеряла я), појис'можно (поесть можно), з'д'ила (сдела-ла), вот'такэ ј'ил'и.

В последних двух случаях [и] достигается благодаря тому, что соотношение между 1-й и 2-й формантами большое. Это показано на рисунке 4. На нем также показана разница в формантах между [э̞] средне-верхнего и [э̞] средне-нижнего подъема.

Реализация гласных на месте *ь/е.

[э]: с'э'мал'ив'ос'им, д'эр'э'вн'а, д'эн', д'эр'э'вн'и, осталос'ч'э'тв'ирунас, н'э'ч', д'э'с'ат', в'э'с' (2), кам'эн'иц, покол'эн'ицэ, д'эн', н'л'эм'а, воскр'эс'эн'ицэ, поб'эр'эгу, в'эл'энэ, в'э'ч'эром

[э̞]: мулод'эц, д'эн'г'и, вапр'эл'э, лошыд'эц, кон'эшнэ, д'эн', с'эрд'эч'к'и

[иэ]: лошэдиэц

[э̞э]: кон'э̞шно, ј'э̞с', топ'э̞р', раст'э̞л'эш, н'э̞рвоцэ, м'э̞н'ишэ

[и̞э̞]: н'и̞ч', коровун'эд'и̞ржым, д'и̞с'ат', д'и̞н', од'и̞сду

[и]: смутр'ил'и, н'ис'т'икоф, н'ис'т'ик'и (2)

Фонема /о/.

Для /о/ после палатализованных согласных в большинстве случаев характерен э-образный приступ в начале – [ʊ̞]. Это явление показано на рисунке 5. Были отмечены следующие словоформы: фс'о̞ (6), вес'о̞лои̞, дал'о̞ка пр'ив'ос' (2), роб'о̞нк'и, натоук'о̞м, истоук'о̞м, поид'о̞мто, в'о̞дра попојот, вар'о̞нац, м'о̞т, м'о̞ду, н'эдавн'о̞шинац, обол'и̞о̞ш, заш'о̞т, ручэјо̞к, в'эз'о̞т, н'эр'эв'эз'от, разм'ит'о̞м, зам'э̞рзн'эт, м'орзнут (2), воз'м'о̞м ст'о̞клышк', жд'о̞м (2), пр'ид'о̞м, пр'ид'о̞ш, под'о̞м'т'э, под'ом, б'эл'јо̞, ч'итв'о̞ртыцужэ

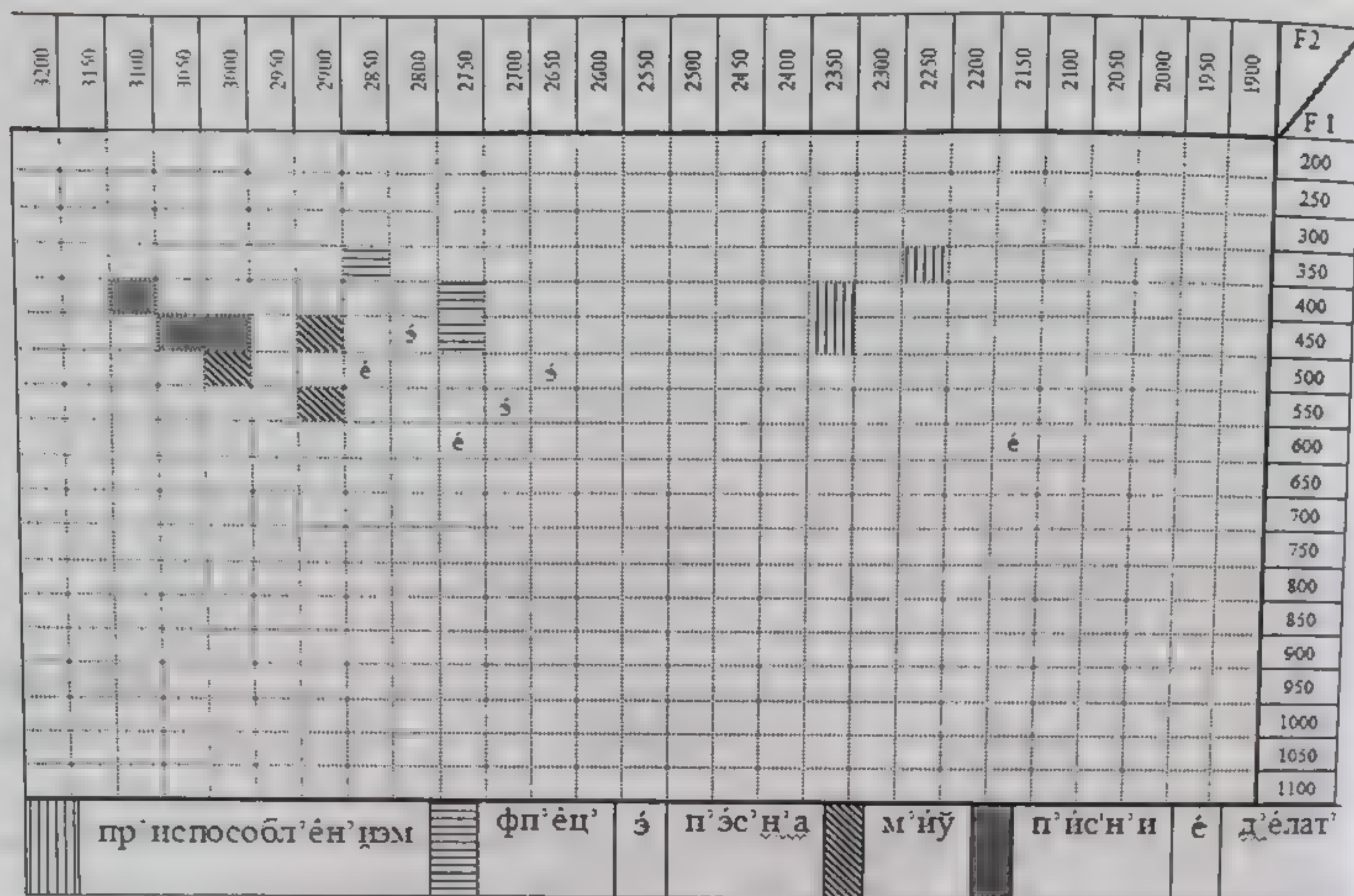

Рисунок 4. Изменение формантных значений в словах
[пр'испособл'эн'ійэм], [фп'эц'], [п'эс'н'а], [д'ээлат'], [п'іс'н'и], [м'іу] (мел).

св'ід'оркам, ч'итыр'ох(2), раст'от, б'эр'озовы, упад'от зав'ід'ош ид'ош(2), пр'ід'ош, уйд'ош, пр'ивоз'ош, св'эрн'ош, рас'эк'ош(2), б'эр'ош, молод'ош, нап'эк'от³.

Заключение.

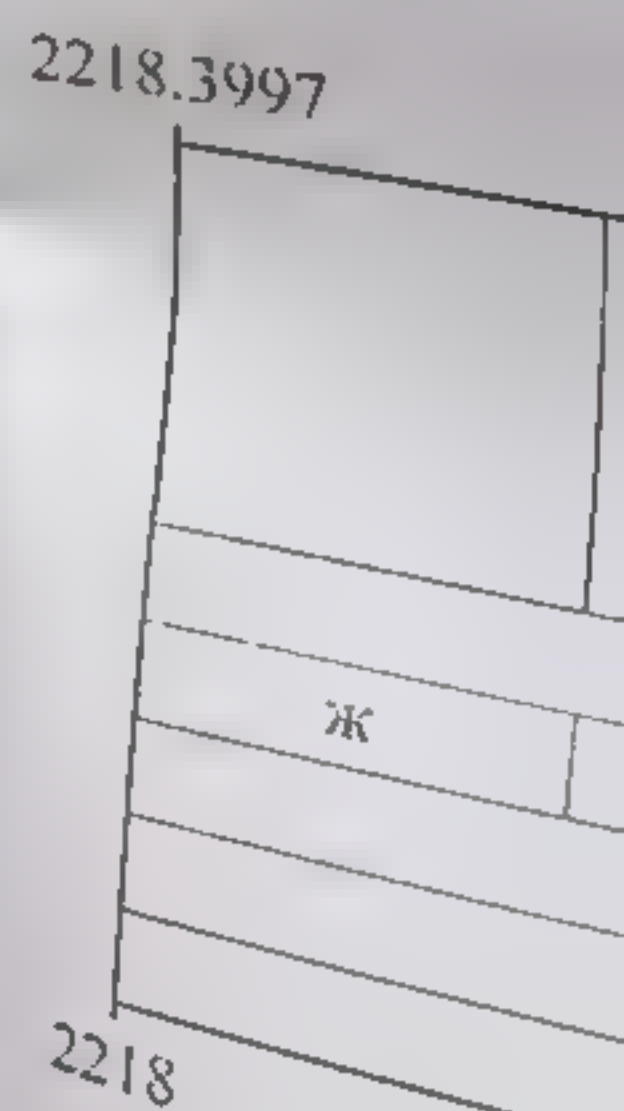
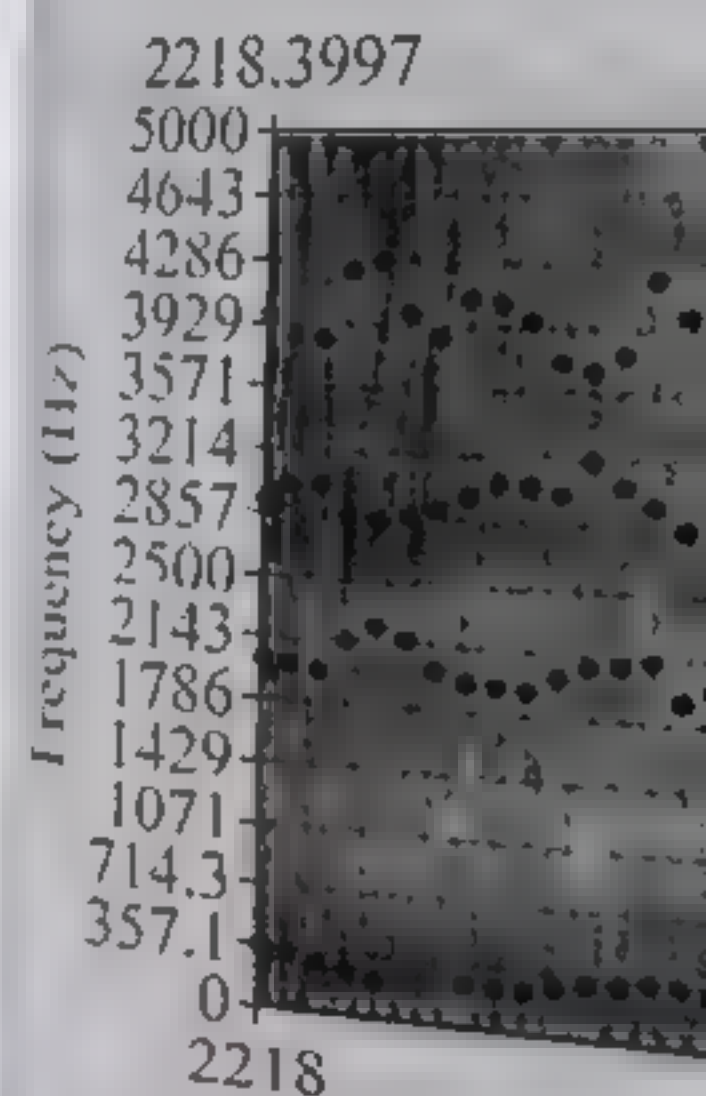
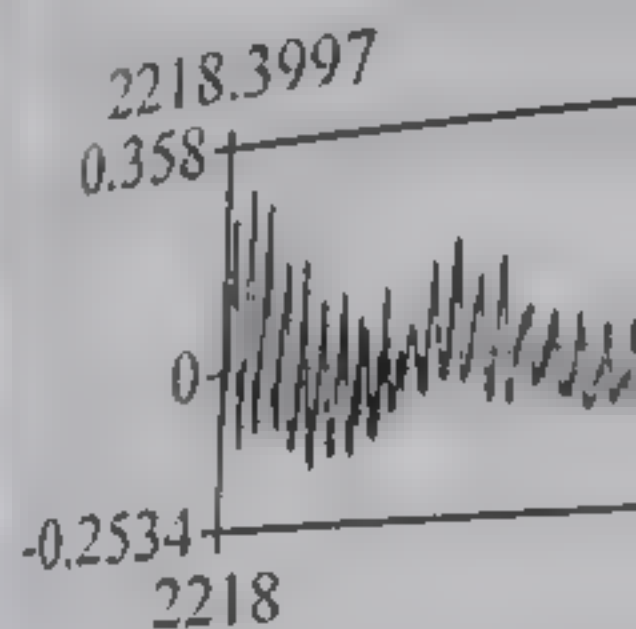
С помощью современной звукозаписывающей и анализирующей техники мы имеем возможность не только услышать речь диалектоносителей с точки зрения собственного перцептивного эталона, но также проверить и уточнить ряд особенностей фонетической системы.

Характерная черта данного говора заключается в том, что присутствует, хоть и непоследовательная, оппозиция двух фонем «типа э».

Появление же дифтонгоидов свидетельствует об установлении в говоре пятифонемного вокализма. «Такое звучание гласных способствует быстрее-му вытеснению остатков употребления фонем /ω/ и /ѣ/, особенно при реализации последних в виде дифтонгов, иногда мало контрастирующих с дифтонгоидами» [Высотский 1967: 25]

Редкое явление – нейтрализация фонем /а/ и /э/ между мягкими согласными, возможно, свидетельствует об утрате этой черты в говоре.

³ В транскрипции [о]=[³о]. Цифрами в скобках обозначено количество вхождений в текст.

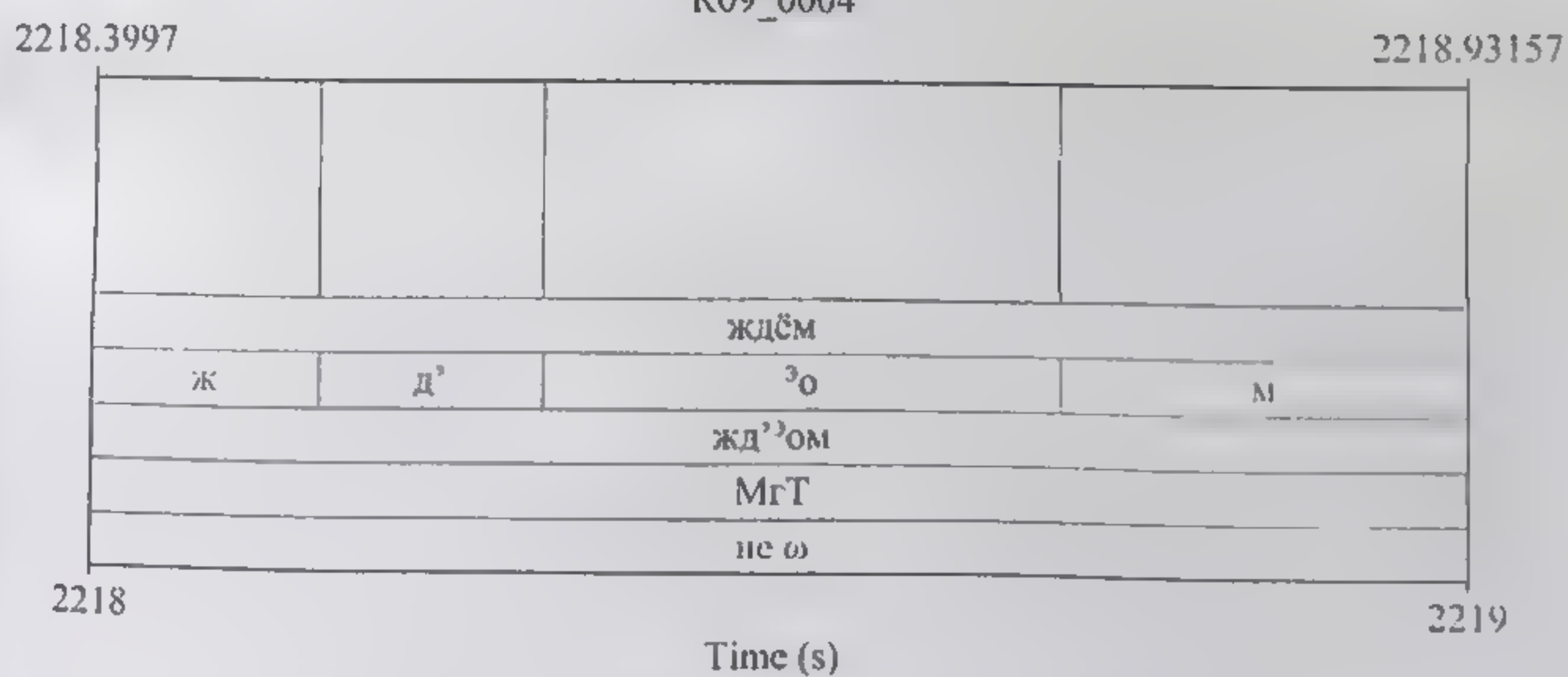
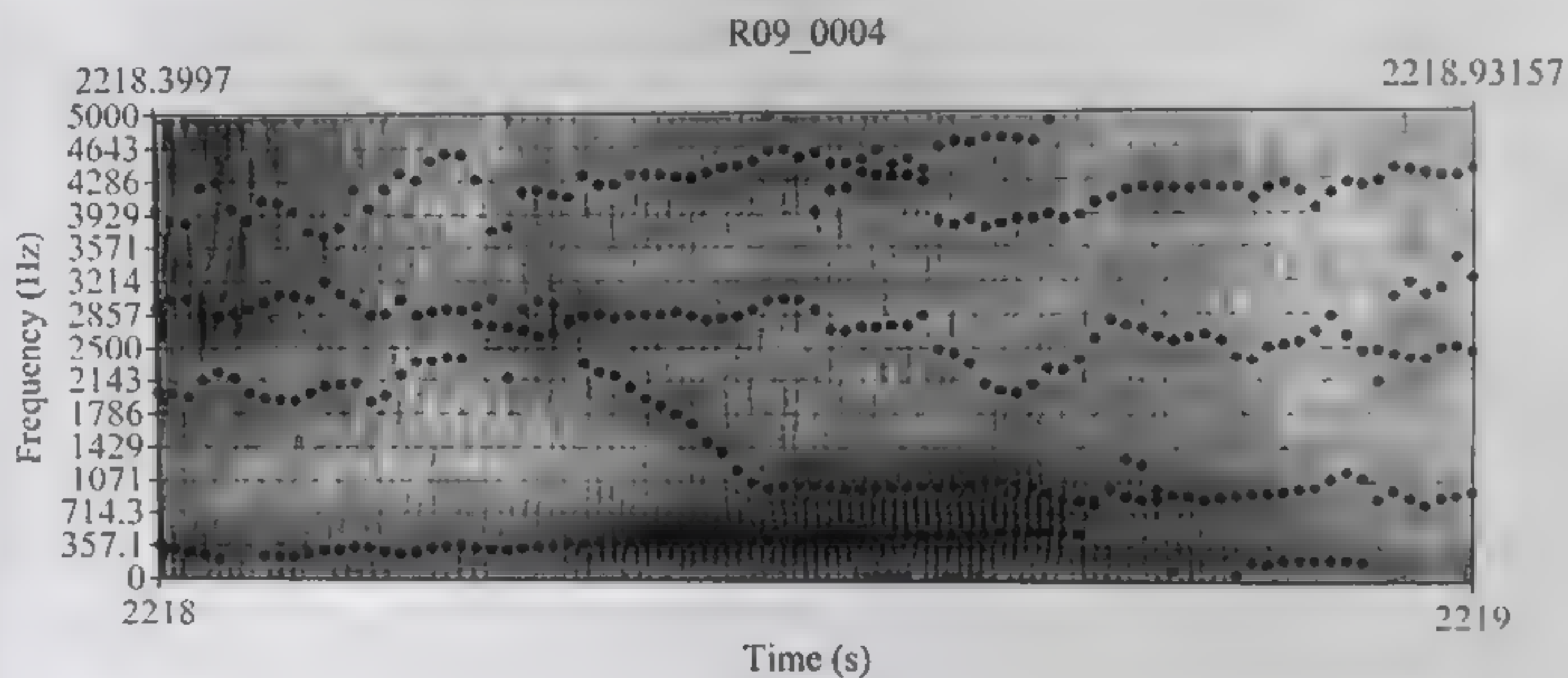
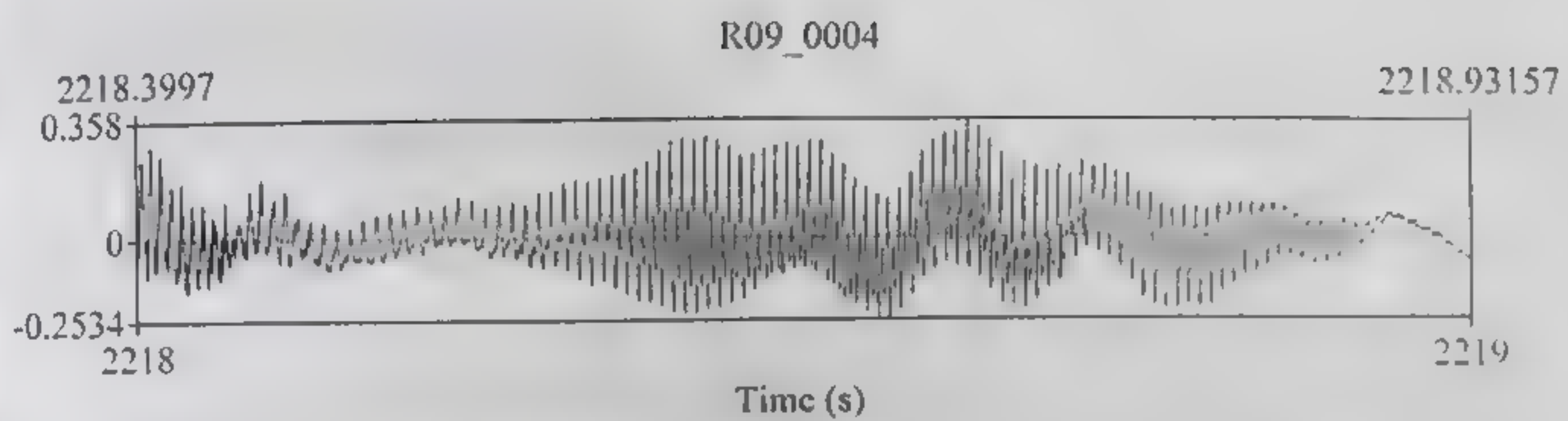

Рисунок 5. [ждʲом]

Литература

Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л. 1981.

Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907

Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах (по материалам экспериментально-фонетического исследования) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 5–82.

ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вып I: Фонетика. М., 1986.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979.

Исаев И.И. Артикуляционное пространство и формантная характеристика гласных в русских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. М., 2012. С. 215–223

...тотемическое оту...

...исти Тотемского

...ем в связи с качеством

...ам эксперименталь...

...е севернорусских гово...

...зыка: Центр Европы...

...кола, 1979.

...формантная характеристика

...славянской диалекто...

Сведения об авторах

- Анисимова Анастасия Павловна* — студентка 2 курса бакалавриата (2015/2016 уч.г.), Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ.
- Аркадьев Петр Михайлович* — к.фил.н., доцент РГГУ. Институт лингвистики РГГУ.
- Гардер Михаил Олегович* — магистрант 2 курса. (2014/2015 уч.г.), Институт филологии и истории РГГУ.
- Егорова Мария Александровна* — выпускница магистратуры Института лингвистики РГГУ 2015 г.
- Казакевич Ольга Анатольевна* — к.фил.н., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ, заведующая лабораторией автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Кляус Владимир Леонидович* — д.фил.н., проф. Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ.
- Крюкова Наталья Владиславовна* — магистрант 2 курса (2015/2016 уч.г.), Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ.
- Кувшинова Екатерина Владимировна* — студентка 3-го курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.), Института лингвистики РГГУ.
- Кухтина Виктория Андреевна* — студентка 4 курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.), Институт филологии и истории РГГУ.
- Ландер Юрий Александрович* — к.фил.н., доцент Школы лингвистики НИУ ВШЭ, научный сотрудник Института востоковедения РАН.
- Лапина Алиса Андреевна* — магистрант 2 курса (2014/2015 уч.г.), Учебно-научный центр типологии и семиотики фольклора РГГУ.
- Левкиевская Елена Евгеньевна* — д.фил.н., проф. Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ.
- Мальцева Анастасия Олеговна* — студентка 5 курса (2013/2014 уч.г.), Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ.
- Мороз Андрей Борисович* — д.фил.н., проф. Института филологии и истории РГГУ.
- Мороз Георгий Алексеевич* — преподаватель Института лингвистики РГГУ.
- Острогская Анна Андреевна* — выпускница магистратуры Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ 2015 г.
- Повалихина Елена Евгеньевна* — студентка 1-го курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.) Института лингвистики РГГУ.

Попова Мария Павловна — студентка 2 курса бакалавриата (2015/2016 уч.г.), Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ.

Романова Анастасия Павловна — студентка 2 курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.), Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ.

Савина Наталья Владимировна — студентка 3-го курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.), Института лингвистики РГГУ.

Саркисов Иван Владимирович — студент 2 курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.), НИУ ВШЭ.

Стрельцова Елизавета Владимировна — студентка 2 курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.), НИУ ВШЭ.

Тюреноква Маргарита Владимировна — студентка 2 курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.), НИУ ВШЭ.

Филатова Василиса Владимировна — студентка 2 курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.), НИУ ВШЭ.

Филиппов Юрий Викторович — д.фил.н., проф. Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ.

Чернова Мария Александровна — студентка 2 курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.), НИУ ВШЭ.

Попова Мария Петровна — студентка 5 курса (2014/2015 уч.г.) Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ.

Романова Анастасия Федоровна — студентка 2 курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.) Отделения социокультурных исследований РГГУ.

Савина Наталья Алексеевна — студентка 4 курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.), Институт филологии и истории РГГУ.

Саркисов Иван Владимирович — студент 3-го курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.) ОП «Фундаментальная и компьютерная лингвистика» НИУ ВШЭ.

Стрельцова Елизавета Павловна — студентка 3 курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.), Институт филологии и истории РГГУ.

Тюренкова Маргарита Андреевна — студентка 4-го курса бакалавриата (2014/2015 уч.г.) ОП «Фундаментальная и компьютерная лингвистика» НИУ ВШЭ.

Филатова Василиса Олеговна — студентка 5 курса (2014/2015 уч.г.) Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ.

Филиппов Юрий Викторович — к.и.н., доцент кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ.

Чернова Мария Александровна — магистрант 2 курса (2014/2015 уч.г.), Учебно-научный центр типологии и семиотики фольклора РГГУ.

Научное издание

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СТУДЕНТОВ РГГУ
Этнология, фольклористика, лингвистика

Выпуск X

Оригинал-макет подготовлен
в Отделе производственной практики
Учебного управления РГГУ
ucheb.praktika@rggu.ru

Подписано в печать 20.01.2016
Уч.-изд. л. 15,1 Усл. печ. л. 15,8
Тираж 300 экз. Заказ № 7

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
8-499-973-4206

Я

стика

лен

практики

ТУ

и

2016

л. 15,8

№ 7

Р

енного

итета

ая пл. 6

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР РГГУ

2015

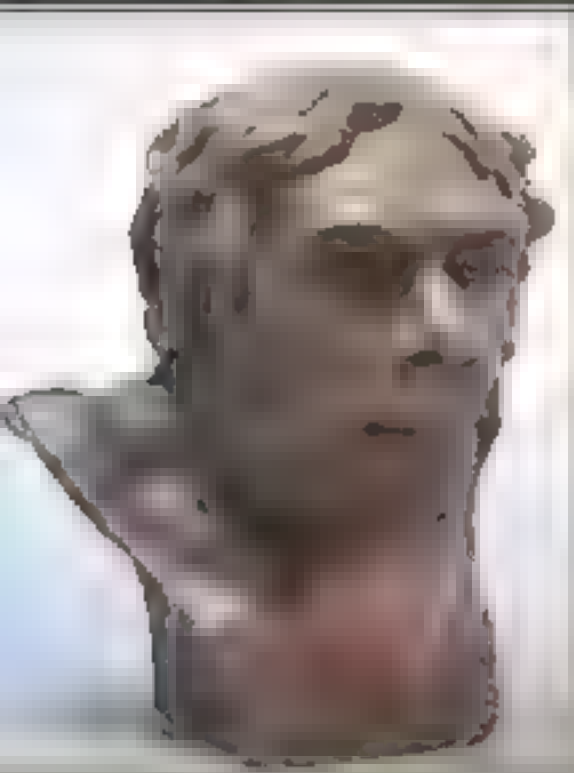
Неандертальцы

Неандертальцы, ископаемые древние люди, создавшие археологические культуры раннего палеолита. Скелетные остатки неандертальцев открыты в Европе, Азии и Африке. Время существования 200 — 35 тыс. лет назад. Как установили исследования генетического материала неандертальцев, они, видимо, не являются прямыми предками современного человека.

Кроманьонец – от 195 тыс. лет назад

Большой нос, строение челюстей и зубов как у Человека гейдельбергского, лишь зубы меньше. Лоб более низкий и покатый чем у современных людей, сильно выступающий затылок (долхоцефальный череп). Строение скелета свидетельствует о приспособлении к холодному климату ледникового периода: короткие ноги по сравнению с современным человеком, коренастое мускулистое тело. Останки найдены в Европе на Ближнем Востоке, Кавказе, Крыму, Средней Азии. Добывали огонь. Питались мясом крупных животных. Встречался каннибализм. Возникли религиозные верования: неандертальцы первыми из людей стали заботиться о стагиках и хоронить умерших.

Неандертальский ребёнок

В Узбекистане в 1938-39 годах археологом А.Окладниковым была открыта стоянка мустьерской культуры и обнаружены останки скелета (череп и некоторые кости) мальчика-неандертальца (по последним данным – девочки) 8—9 лет. Череп из пещеры Тешик-Таш характеризуется большой вместимостью (1490 см³), надглазничным валиком, выступающим носом. В культурных слоях (до 1,5 м толщины) найдены кости горного козла, дикой лошади, медведя, оленя и других животных, а также многочисленные каменные изделия (дисковидные нуклеусы, скрёбла и другие). Основным источником существования обитателей пещеры, была охота.

Реконструкция облика мальчика из пещеры Тешик-Таш

Женщины неандертальцы

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.